

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Иоганн Вольфганг
Гёте

ФАУСТ
♦
СТРАДАНИЯ
ЮНОГО ВЕРТЕРА

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Иоганн Вольфганг Гёте

Фауст. Страдания юного Вертера

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)5+44

Гёте И.

Фауст. Страдания юного Вертера / И. Гёте — «Азбука-Аттикус»,
— (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23987-6

Иоганн Вольфганг Гёте – великий немецкий поэт, мыслитель и общественный деятель, властитель дум своего времени. В настоящем томе представлены самые знаменитые его произведения: трагедия «Фауст» (история о легендарном маге и чернокнижнике, посвященная вечным темам познания жизни и трудности человеческого пути), роман «Страдания юного Вертера» (трагическая история молодого бюргера, не нашедшего ответа на свое чувство и отвергнутого обществом), эпическая поэма «Герман и Доротея», а также избранные стихотворения. Все произведения сопровождаются иллюстрациями немецких художников XIX века Рихарда Брендамура и Франца Ксавера Зима.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)5+44

ISBN 978-5-389-23987-6

© Гёте И.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Фауст	10
Пролог в театре	12
Пролог на небесах	18
Часть первая	24
Ночь	24
За городскими воротами	41
Кабинет Фауста	58
Кабинет Фауста	73
Погреб Ауэрбаха в Лейпциге	98
Кухня ведьмы	120
Улица	136
Вечер	143
Гулянье	148
Дом соседки	151
Улица	163
Сад	166
Беседка	177
Лес и пещера	180
Комната Гретхен	187
Сад Марты	188
У колодца	197
У городской стены	200
Ночь. Улица перед домом Гретхен	202
Собор	212
Вальпургиева ночь	216
Сон в вальпургиеву ночь, или Золотая свадьба Оберона и Титании	236
Пасмурный день. Поле	247
Ночь. Открытое поле	249
Тюрьма	250
Часть вторая	264
Действие первое	264
Живописная местность	264
Императорский дворец	268
Маскарад	281
Конец ознакомительного фрагмента.	311

Гёте И. В.
Фауст. Страдания юного Вертера
трагедия, роман, поэма, стихотворения

© В. В. Левик (наследники), перевод, 2023

© Р. С. Эйвадис, перевод, 2023

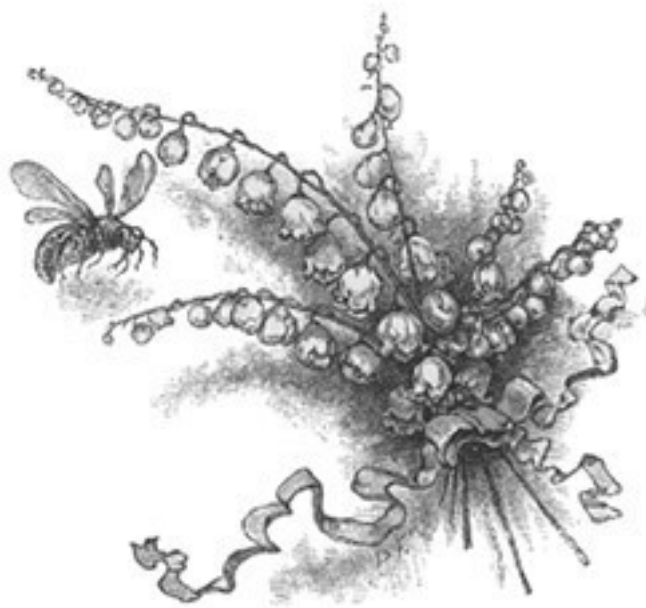
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

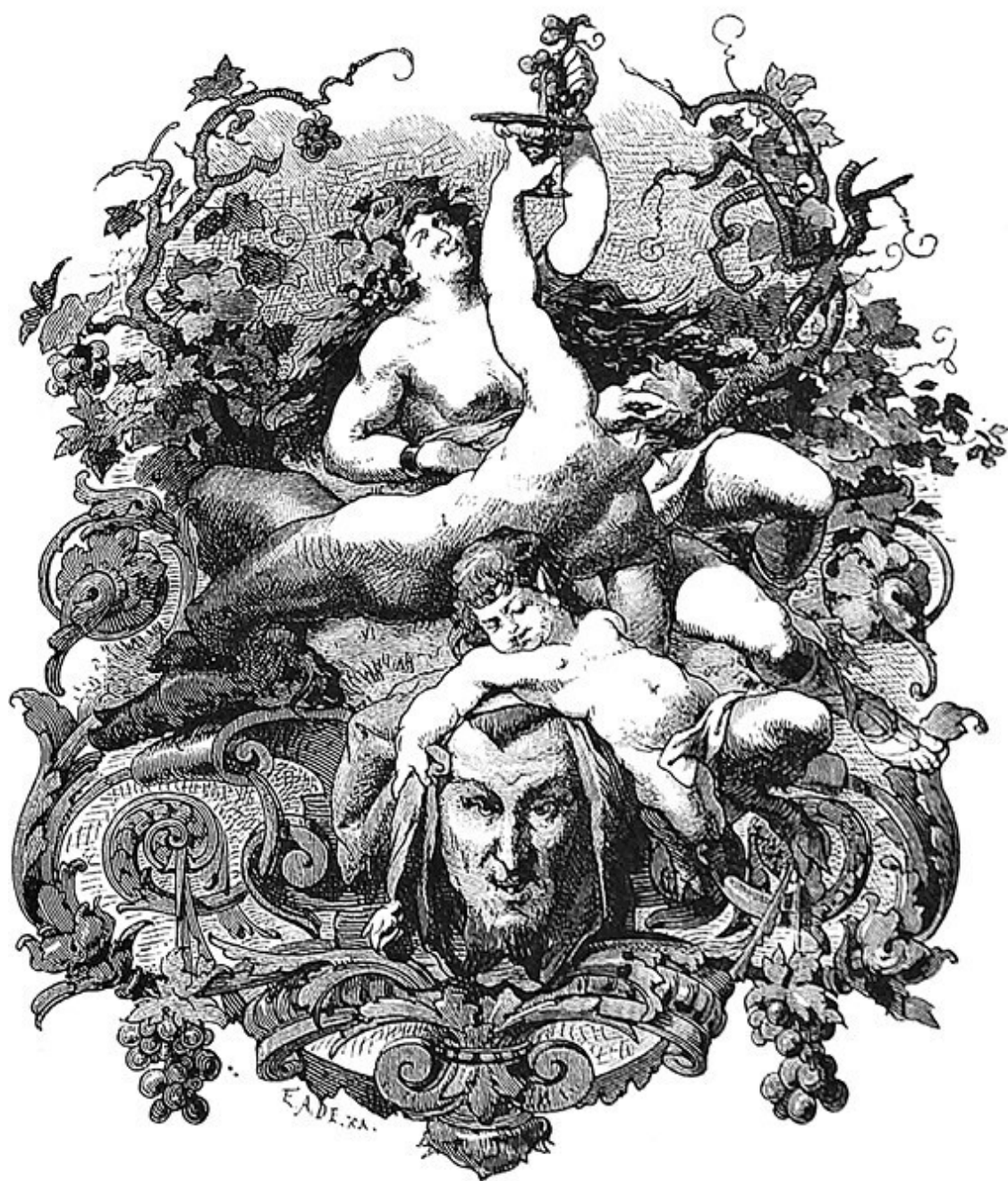
Издательство Иностранка®

* * *

J. W. Goethe

Фауст трагедия

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?*

*Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чувствует.*

*Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни без запутанной чредой,*

*И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.*

*Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя – увы! – уж не слышна...
Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала ее страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, – рассеяны средь мира.*

*И вот воскресло давнее стремленье,
Туда в мир духов, строгий и немой,
И робкое рождается песнопенье,
Стеня, дрожа золовой струной;
В суровом сердце трепет и смирение,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, – восстало, оживилось!..*

Пролог в театре

Директор, поэт и комик.

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мнение: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?

Хотел бы публике я угодить на славу:
Она сама живет и жить другим дает.
Подмостки есть; театр готов; забаву
Уж предвкушает радостно народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе хоть и не новый труд –
Но все ж меня берет невольное сомненье:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитаны они до пресыщенья.
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,
Посодержательней – для публики моей!
А ведь приятен вид толпы необозримой,
Когда она вокруг театра наводнит
Всю площадь, и бежит волной неудержимой,
И в двери тесные и рвется, и спешит.
Нет четырех часов, до вечера далеко,
А уж толпа кишит, пустого места нет,
Точь-в-точь голодные пред лавкой хлебопека,
И шею все сломить готовы за билет.
Такие чудеса во власти лишь поэта!
Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной –
Она в нас мысли лучшие гнетет;
Избавь меня от этой давки шумной,

Влекущей мощно в свой водоворот;

Нет, тишины ищу я, многодумный, –
Лишь там поэту радость расцветет;

Там, только там божественною властью
Любовь и дружба нас ведут ко счастью.
Что в глубине сердечной грудь лелеет,
Что просится на робкие уста –
Удачно ль, нет ли, – выйти чуть посмеет
На свет – его погубит суета!
Нет, лучше пусть годами дума зреет,
Чтоб совершенной стала красота!
Мишурный блеск рождается на мгновенье,
Прекрасному – потомства поклоненье!

Комик

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!
Что, если б для него – потомства – в самом деле
И я бы перестал смешить честной народ?
Кто ж публику тогда, скажите, развлечет
Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?..
Нет, как хотите, а держусь я мненья,
Что весельчак заслужит свой почет
И что забавник – не лишен значенья.
Кто интересен публике, мой друг,
Тот говорить с толпою может смело;
Увлечь ее – ему пустое дело,
Успех тем легче, чем обширней круг!
Итак, смелей вперед! Вы можете заставить
Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть
На сцену выступить; но не забудьте часть
И шаловливого дурачества прибавить.

Директор

А главное, мой друг, введите приключенья!
Глазеть на них – толпе нет выше наслажденья;
Ну и пускай толпа, разиня рот, глядит...
Причудливую ткань раскиньте перед нею –
И вы упрочили за пьесою своею
Успех – и к вам толпа уже благоволит.
Пусть масса массу привлекает!
Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!
Кто много предложил, тот многим угождает, –

И вот толпа идет, довольная, домой.
Смелее всё в куски мельчайшие крошите –
И этот винегрет успех доставит вам.

Легко вам выдумать, легко представить нам!
Что пользы, если вы им «целое» дадите?
Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно
Такое ремесло? Иль не художник я?
Дрянных писак пустая пачкотня
У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрек подобный оскорбить:
Ведь всякий человек, рассудок свой имея,
Берет оружие, какое бьет вернее.
С волками жить – по-волчьи выть!
Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Идет сюда переварить обед,
А третий – что для нас всего, пожалуй, хуже –
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно – театр, балы и маскарады:
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы – те идут показывать наряды:
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!
Нет, вы взгляните-ка поближе!
Те грубы, эти холодны!
Один от нас в приют камелий,
Другой в игорный дом идет...
Смешно, когда поэт зовет
Великих муз к ничтожной цели!
Прошу вас об одном: побольше сочинить.
Как можно более: вот в чем мое стремленье!
Запутайте толпу, введите в заблужденье;
Иначе – верьте мне – ей трудно угодить.
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди, других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?
Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нем стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Которою, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечет веретеном послушным;
Когда все сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный резкий хор сливается вокруг нас, –
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и тверд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя всё в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В течении строгих дум – зари вечерней свет?
Весны роскошный лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придает незначашим листьям,
В прославленный венок вплетая листья эти?
Кто стережет Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

Комик

И долг ваш – эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас предлог для похождения!
Угодно ль, например, любовь изобразить?
Случайно сходятся – взаимное сближенье,
Затем – свидания, надежды, опасенья:
То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,
То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, –
Глядишь – готов роман. И так-то все на свете.
Смелей лишь черпайте из жизни всех людей –
И для задуманной комедии своей
Не будете нуждаться вы в предмете.
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес!
Где ни копните – тут и интерес!

Картина попестрей, поменьше освещения,
Да искра истины средь мрака заблужденья –
И смотришь, – славное сварили вы питье,
По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.
Цвет юности идет сюда, мечтая,
Что откровенье в пьесе он найдет,
И нежных душ чувствительная стая
Меланхоличной пищи сердцу ждет;
В одном одну мечту, в другом другую будит
Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,
Ручаюсь, вашей пьесой восхищен:
Что в сердце у него, то в пьесе видит он!
Они еще не прочь и плакать, и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;
Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, – доволен будет всем!

Поэт

Отдай же годы мне златые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые,
Не уставая, вечно пел!
В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке – чуда ждал.
Я беден был – и все, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты – мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенья,
И годы юные мои!

Комик

Что юность! Юность вам нужнее,
Когда идете вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,
Когда конца своим трудам

Хотите быстро вы добиться,
Когда всю ночь придется вам
Плясать, и петь, и веселиться.
Но чтоб искусною рукой
Играть, восторги возбуждая,
И, ловко там и сям блуждая,
Стремиться к цели подставной,

За это старшие пускай берутся смело:
Тем больше будет вам почета, старики!
Что старость в детство нас приводит – пустяки:
До самой старости мы – дети; вот в чем дело!

Директор

Довольно слов, довольно споров,
И комплиментов, и укоров!
Зачем болтать по пустякам?
Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт – властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам – мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем
За лучший – дайте ж нам его!
Не забывают ничего:
Что можно сделать неотложно,
Зачем назавтра оставлять?
Должны вы сразу уловлять
Все то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!
Для нашей сцены все пригодно;
На ней – вы полный господин;
Берите сколько вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утесов, скал, огня, воды:
Ни в чем не будет вам нужды.
Весь мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд –
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!

Пролог на небесах

Господь, архангелы, потом Мефистофель.

Рафаил

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем.
И крепнет сила упования
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день создання,
Твои творенья велики!

Гавриил

И с непонятной быстротою,
Кружась, несется шар земной;
Проходят быстрой чередой
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твердых скал шумит прибой,
Но в беге сфер земля и море
Проходят вечно предо мной.

Михаил

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,
И грозной цепью сил природы
Весь мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребления,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

Все трое

И крепнет сила упования

При виде творческой руки:

Творец, как в первый день создания,
Твои творенья велики!

Мефистофель

Опять, о Господи, явился ты меж нас
За справкой о земле – что делается с нею!
Ты с благосклонностью встречал меня не раз –
И вот являюсь я меж челядью твоею.
Прости, не мастер я по части громких слов;
Но если б пышный слог я в ход пустить решился,
Сам рассмеялся б ты – ручаться я готов, –
Когда б от смеха ты давно не отучился.
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь мог употребить –
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне, хоть этикет здесь строгий,
Сравненьем речь украсить: он на вид,
Ни дать ни взять, – кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть еще в траве сидел бы он уютно.
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Господь

Ты кончил? С жалобой одною
Являешься ты вечно предо Мною!
Иль на земле добра совсем уж нет?

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!

Бедняга человек! Он жалок так в страданы,
Что мучить бедняка и я не в состояньи.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружен,
То с неба лучших звезд желает он,
То на земле всех высших наслаждений,
И в нем ничто – ни близкое, ни даль –
Не может утолить грызущую печаль.

Господь

Пока еще умом во мраке он блуждает,
Но истины лучом он будет озарен;
Сажая деревцо, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

Мефистофель

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволения, —
Пойдет немедля он за мной.

Господь

Пока живет он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.

Мефистофель

Благодарю: не надо мертвых мне!
От трупов я держуся в стороне.

Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам всегда предпочитаю, —
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Господь

Тебе позволено: иди,
И завладей его душою,
И, если можешь, поведи
Путем превратным за собою —
И посрамлен да будет сатана!
Знай: чистая душа в своем исканьи смутном
Сознаньем истины полна!

Мефистофель

Сознаньем слабым и минутным!
Игра мне эта не страшна,
Не проиграю я заклада;
Но только знайте, если мне
Поддастся он, пусть будет мой вполне:

Триумф победы – вот моя награда!
Пусть вьется он в пыли, как тетушка моя,
Достопочтенная змея!

Господь

Тогда явись ко Мне без колебания!
К таким, как ты, вражды не ведал Я...
Хитрец среди всех духов отрицанья,
Ты меньше всех был в тягость для Меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя – потому
Дам беспокойного Я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!
А вы, сыны Небес и рая, –
Пусть вечно радует вас красота святая,
И ко всему, что есть и будет вновь,
Пусть проникает вас священная любовь.
И все, что временно, изменчиво, туманно,
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

Мефистофель

(один)

Охотно старика я вижу иногда,
Хоть и держу язык; приятно убедиться,
Что даже важные такие господа
Умеют вежливо и с чертом обходиться!

Часть первая

Ночь

Старинная комната с высокими готическими сводами. Фауст в беспокойной позе сидит у своего стола на высоком кресле.

Фауст

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник –
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я – уж вот
Тому пошел десятый год;
Учеников и вкривь и вкось
Вожу я за нос на авось –
И вижу все ж, что не дано нам знанья.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней разных простаков –
Писак, попов, магистров, докторов, –
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов –
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истины ищу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, улучшить – не мечтаю!
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ...
Так пес не стал бы жить! Погибли годы!
Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,

Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась –
Не слов пустых набор случайный!

О ясный месяц! Если б ныне,
В ночной печальной тишине,

В последний раз сиял ты мне
В моей тоске, моей кручине!
О, если б мог бродить я там
В твоём сиянии по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..

Ещё ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва мелькает мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей –
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли, снедь червей;
Реторт и банок целый ряд
В пыли с приборами стоят
На ветхих полках много лет.
И вот твой мир! И вот твой свет!

Ещё ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской,
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад порой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти, на скелет!..

О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.

К словам природы будь не глух –
И ты узнаешь ход светил,
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу – дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине
Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма.)

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!

Как будто счастье жизни юных дней
Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан этот знак не Бога ли рукой?
Он душу бурную смиряет,
Он сердце бедное весельем озаряет,
Он таинства природы раскрывает
Пред изумленной душой!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Все вокруг меня! Здесь, с дивной глубиной,
Все творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
«В мир духов нам доступен путь,
Но ум твой спит, изнемогая:
О ученик! восстань, купая
В лучах зари земную грудь!»

(Рассматривает изображение.)

Как в целом части все, послушною толпою
Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!
Как силы горние в сосудах золотых
Разносят всюду жизнь божественной рукою
И чудным взмахом крыл лазоревых своих
Витают над землей и в высоте небесной –
И стройно все звучит в гармонии чудесной!
О, чудный вид! Но только вид – увы!
Мне не обнять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, – вы,
Дарующие жизнь струею благодатной,
Которыми живет и небо, и земля,

К которым рвется так больная грудь моя?
Вы всех питаете, – что ж тщетно жажду я?

(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак Духа Земли.)

Вот знак другой. Он чувства мне иные
Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!
Теперь себя я чувствую сильнее –
Снесу и горе я, и радости земные.
Как будто бы вином живительным согрет,
Отважно ринусь я в обширный Божий свет;
Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться –
И в час крушенья мне ли утрашиться?
Повсюду мрак и тишина,
Меж туч скрывается луна,
И лампа тихо угасает.
Над головою в вышине
Кровавый луч во мгле сверкает,

И в кровь, стесняя сердце мне,
Холодный ужас проникает.
О дух, ты здесь, ты близок – о, приди!
Как сердце бьется у меня в груди!
Всем существом, души всей мощным зовом
Я порываюсь к чувствам новым!
Явись, явись мне – я всем сердцем твой!
Пусть я умру – явись передо мной!

(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание. Вспыхивает красноватое пламя, в котором является Дух.)

Дух

Кто звал меня?

Фауст

(отворачиваясь)

Ужасное виденье!

Дух

Я вызван мощным голосом твоим;
К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье –
И вот...

Фауст

Увы, твой вид невыносим!

Дух

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой –
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравняться с нами, духами, хотел?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всей силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжен,
Дрожит, в пыли вьась и корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Фауст

Во прах перед тобой я не склонюсь челом,
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всем!

Дух

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рожденье –
Вечное море;
Жизнь и движенье
В вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Фауст

Ты целый мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь, –
Не мне!

(Исчезает.)

Фауст

(падая)

Не тебе!
Но кому ж?

Я, образ божества,
Не близок и тебе!

Стучатся в дверь.

Стучатся. Знаю я: помощник это мой!
Погибло все! О смерть, о муки!
Да, он пришел смутить видений чудный рой,
Ничтожный червь сухой науки!

Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке. Фауст с неудовольствием отворачивается.

Вагнер

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас:
Из греческой трагедии, конечно?
Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:
Ведь декламация в большой цене у нас!
Случалось слышать мне, что может в деле этом
Актер священнику помочь своим советом.

Фауст

Да, если патер ваш актер и сам, –
Как мы нередко видим здесь и там.

Вагнер

Что ж делать? Мы живем всегда в уединеньи;
Едва по праздникам покинешь свой музей,
И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленьи.
Без красноречия – как нам учить людей?

Фауст

Когда в вас чувства нет – все это труд беспечный;
Нет, из души должна стремиться речь,
Чтоб прелестью правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь!
А вы? Сидите да кропайте,
С чужих пиров объедки подбирайте –
И будет пестрый винегрет
Поддельным пламенем согрет.
Когда таков ваш вкус, – пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям;
Но сердце к сердцу речь не привлечет,
Коль не из сердца ваша речь течет.

Вагнер

Нет, лекций красота дает-таки успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Фауст

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.

И если то, что говорится, дельно –
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

Вагнер

Ах, боже мой, наука так пространна,
А наша жизнь так коротка!
В критических трудах корплю я неустанно,
И все-таки порой грызет меня тоска.
Как много надо сил душевных, чтоб добраться
До средств лишь, чтоб одни источники найти;
А тут – того гляди – еще на полпути
Придется бедняку и с жизнью расстаться.

Фауст

В пергаменте ль найдем источник мы живой?
Ему ли утолить высокие стремленья?
О нет, в душе своей одной
Найдем мы ключ успокоенья!

Вагнер

Простите: разве мы не с радостью следим
За духом времени, – за много лет пред нами
Как размышлял мудрец и как, в сравненьи с ним,
Чудесно далеко подвинулись мы сами?

Фауст

О да, до самых звезд! Ужасно далеко!
Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл, и дух, насколько не забыты, –
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени, – увы! – не что иное,

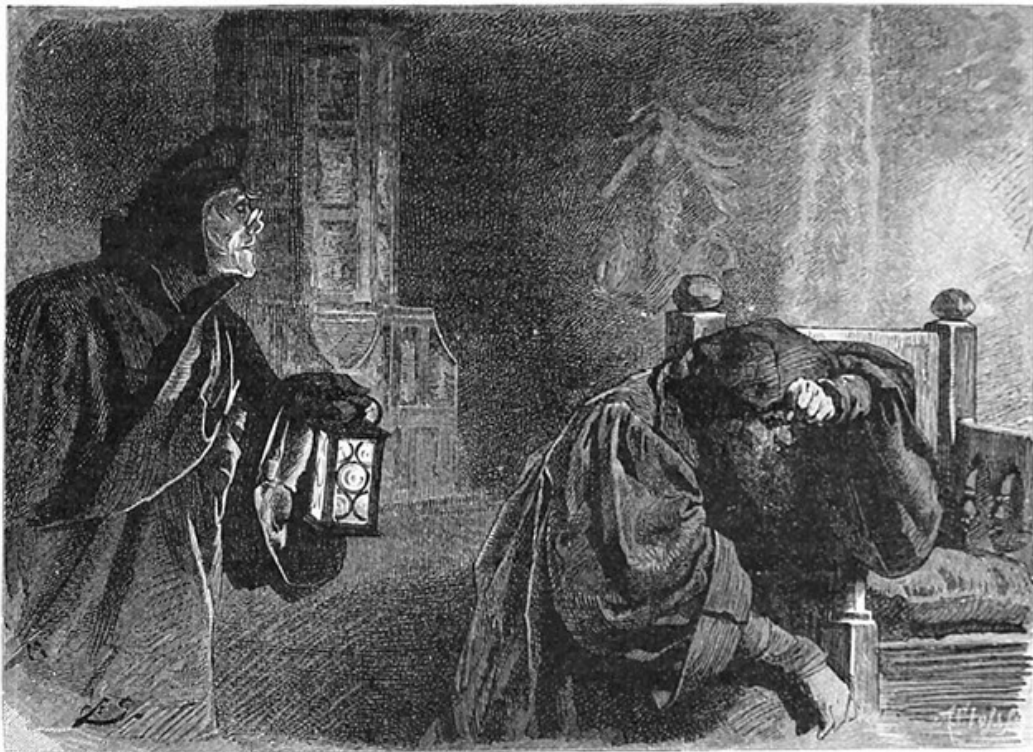
Как отраженье века временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!
От этого в отчаянье порою
Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!
Все пыльный хлам да мусор пред тобою,
И рад еще, когда придется прочитать
О важном «действе» с пышным представленьем
И наставительным в конце нравоученьем,
Как раз для кукольной комедии под стать!

Вагнер

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,
Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

Фауст

Да; но что значит – знать? Вот в чем все затрудненья!
Кто верным именем младенца наречет?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли? Их распинали,
били, жгли...

Однако поздно: нам пора расстаться;
Оставим этот разговор.

Вагнер

А я – хоть навсегда готов бы здесь остаться,
Чтоб только продолжать такой ученый спор!
Ну что ж: хоть завтра, в Пасху, в воскресенье, –
Позвольте вам еще вопрос-другой задать.
Ужасное во мне кипит к наукам рвенье;
Хоть много знаю я, но все хотел бы знать.

(Уходит.)

Фауст

(один)

Он все надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной –
И рад, когда червей находит дождевых!..
И как слова его раздаться здесь могли,

Где духи реяли, всего меня волнуя! Увы! Ничтожнейший из всех
сынов земли, –
На этот раз тебя благодарю я!
Ты разлучил меня с отчаяньем моим;
А без тебя я впал бы в исступленье:
Так грозно-велико восстало то виденье,
Что карликом себя я чувствовал пред ним!
К зеркалу истины, сияющей и вечной,
Я, образ божества, приблизиться мечтал,
Казалось, я быть смертным перестал
В сиянии небес и в славе бесконечной;
Превыше ангелов я был в своих мечтах,
Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,
Как Бог, хотел вкусить святого наслажденья –
И вот возмездие за дерзкие стремленья:
Я словом громовым повержен был во прах!
О нет, не равен я с тобою,
Тебя я вызвать мог тоскующей душою,
Но удержать тебя я силы не имел:
Так мал я, так велик казался – но жестоко
Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока –
И вновь я человек, – безвестен мой удел!

Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?
Чего бежать? Куда идти?
Увы, себе своими ж мы делами
Преграды ставим на пути!
К высокому, прекрасному стремиться
Житейские дела мешают нам,
И если благ земных нам удалось добиться,
То блага высшие относим мы к мечтам.
Увы, теряем мы средь жизненных волнений
И чувства лучшие, и цвет своих стремлений.
Едва фантазия отважно свой полет
К высокому и вечному направит –
Она себе простора не найдет:
Ее умолкнуть суета заставит.
Забота тайная тяжелою тоской
Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,
И сокрушает нам и счастье, и покой,
Являясь каждый день под новою личиной.
Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;

Пожара, яда мы страшимся в высшей мере;
Пред тем, что не грозит, дрожать обречены,
Еще не потеряв, – уж плачем о потере.
Да, отрезвился я – не равен я богам!
Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!
Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый

Пятою путника, и смятый и зарытый.

Да, я во прахе! Полки по стенам
Меня мучительно стесняют:
Дрянная ветошь, полусгнивший хлам
На них лежат и душу мне терзают.
Все пыльный сор да книги! Что мне в них?
И должен ли прочесть я эти сотни книг,
Чтоб убедиться в том, что в мире все страдало
Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?
Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,
Зубами белыми сверкая?
Когда-то, может быть, как я, владелец твой
Блуждал во тьме, рассвета ожидая!
Насмешливо глядит приборов целый строй,
Винты и рычаги, машины в колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой
Считал вас... Ключ хитер, но все же двери той
Не отопрет замка, не разрешит вопроса!
При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свой покров не снимет перед нами;
Увы, чего не мог постигнуть ты душой,
Не объяснить тебе винтом и рычагами!
Вот старый инструмент, не нужный мне, торчит:
Когда-то с ним отец мой много повозился;
Вот этот сверток здесь давным-давно лежит
И весь от лампы копотью покрылся.
Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,
Чем вечно здесь потеть под гнетом мелочей!
Что дал тебе отец в наследное владенье,
Прибрати, чтоб им владеть вполне;
В чем пользы нет – то тягостно вдвойне,
А польза только в том, что даст тебе мгновенье.

Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,
Влечет меня к себе, блестящий, милый взору,

Так сладко нам, когда нам заблестит
В лесу луна в ночную пору.
Привет тебе, единственный фиал,
Который я беру с благоговеньем!
В тебе готов почтить я с умилением
Весь ум людей, искусства идеал!
Вместилище снов тихих, непробудных,
Источник сил губительных и чудных, –
Служи владыке своему вполне!
Взгляну ли на тебя – смягчается страданье;
Возьму ли я тебя – смирятся желанье,
И буря улеглась в душевной глубине.

Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мироздания.
Туда готов лететь я – в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!
Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному солнцу, что блестит вдали,
И грозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело сам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнем своим
Вокруг него сверкает и зияет, –
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!

Приди ж ко мне, кристальный мой бокал,
Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!
Как долго ты лежал, презренный и забытый!
На дедовских пирах когда-то ты сверкал,
Гостей суровых веселя беседу,
Когда тебя сосед передавал соседу.
Краса резьбы причудливой твоей,

Обычай толковать в стихах ее значение
И залпом осушать всю чашу в заключение –
Напоминают мне попойки юных дней.
Не пировать уж мне, тебя опорожня,
Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!
Хмелен напиток мой, и темен зелья цвет:
Его сготовил я своей рукою,
Его избрал всем сердцем, всей душою, –
В последний раз я пью и с чашей роковою
Приветствую тебя, неведомый рассвет!

(Подносит к губам бокал.)

Звон колоколов и хоровое пение.

Хор ангелов

Христос воскрес!
Тьмой окруженные,

Злом зараженные,
Мир вам, прощенные
Люди, с Небес.

Фауст

О звук божественный! Знакомый сердцу звон
Мне не дает испытать напиток истребления,
Его я узнаю: нам возвещает он
Божественную весть Святого Воскресенья.
В ту ночь, когда с землей сроднились небеса,
Не так ли ангелов звучали голоса
Святым залогом искупленья?

Хор женщин

Щедры мы лили
Миро душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы
Был облечен Христос, –
Кто ж из гробницы
Тело унес?

Хор ангелов

Христос воскрес!
Кто средь мучения,
В тьме искушения
Ищет спасения –
Мир вам с Небес!

Фауст

О звуки сладкие! Зовете мощно вы
Меня из праха – вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,
А я – я слышу весть, но не имею веры!
Меня ли воскресить? Могу ли верить я?
А чудо – веры есть любимое дитя!
Стремиться в горний мир, откуда весть нисходит,

Не смею я; туда пути мне нет...
И все же милый звон, знакомый с юных лет,
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.
В субботу тихую касалась меня
Небесная любовь святым своим лобзаньем,
И звон колоколов пленял очарованьем,
И вся молитвою пылала грудь моя.
Влекомый силою какой-то непонятной,
Я уходил в леса, бродил в тиши полей,
И за слезой слеза катилась благодатно,
И новый мир вставал в душе моей.
Все, все мне вспомнилось – и юности отвага,
И счастье вольное, краса моей весны...
О нет! Не сделаю я рокового шага:
Воспоминанием все муки смягчены!
О звуки дивные! Гремите ж надо мною!
Я слезы лью, мирюсь я с жизнью земною!

Хор учеников

Гроб покидает Он,
Смерть побеждая;
К небу взлетает Он,
Славой блистая;
Мир озаряет весь
Светом спасения;
Нас оставляет здесь

В области тления.
Здесь мы томимся все
В тяжелой борьбе!
Сердцем стремимся все,
Боже, к Тебе!

Хор ангелов

Чуждый истления,
Мощно Христос восстал!

Узы мучения
Он разорвал!
Вам, здесь страдающим,
Всех утешающим,
Ближних питающим,
В рай призывающим,
Близок Учитель вам:
С вами Он Сам!

За городскими воротами

Гуляющие выходят из ворот.

Несколько подмастерьев

Эй, вы! Куда вы, господа?

Другие

В охотный двор. А вы куда?

Первые

На мельницу.

Один из подмастерьев

Пойдем к прудам!

Второй подмастерье

Бог с ними!
Туда дорога чересчур худа.

Вторая группа подмастерьев

А ты?

Третий подмастерье

Пойду куда-нибудь с другими.

Четвертый

В Бургдорф наведаться советую я вам!
Какие девушки, какое пиво там!
А драка – первый сорт! Пойдемте-ка, ребята!

Пятый

Знать, чешется спина: всё драки подавай.
Вот погоди, намнут тебе бока-то.
Ступай-ка сам – меня не зазывай.

Служанка

Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

Другая

Куда? Он, верно, там, у тополей, в аллее.

Первая

Да мне-то что за радость в нем?
Он вечно ходит за тобою,
Болтает, пляшет не со мною:
Что мне в веселии твоём?

Вторая

Да мы пойдем не с ним одним:
Кудрявый тоже будет с ним.

Студент

Эх, девки, черт возьми! Смотри, бегут как живо!
А что, коллега, надо их догнать!
Забористый табак, да пенистое пиво,
Да девушка-краса – чего еще желать!

Девушка-горожанка

Вот так молодчики! Как им не удивляться!
Ведь это просто стыд и срам!
Могли бы в обществе отличном прогуляться, –
Нет! за служанками помчались по пятам!

Второй студент

(первому)

Постой: вон две идут другие;
Из них соседка мне одна.
Мне очень нравится она.
Смотри, нарядные какие!
Не торопясь, идут они шажком
И, верно, ждут уж нас тайком.

Первый студент

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.
Скорей вперед: дичь может ускакать!
Чья ручка пол метет, когда придет суббота, –
Та в праздник лучше всех сумеет приласкать.

Горожанин

Нет, новый бургомистр ни к черту не годится.
Что день, то больше он гордится.
А много ль город видит пользы в нем?
Что день, то хуже, без сомненья;
Все только больше подчиненья,
Да платим мы все больше с каждым днем.

Нищий

(поет)

Веселой, пестрою толпою
Вы здесь идете, господа;

Взгляните, сжальтесь надо мною, –
Да тронет вас моя нужда!
Услышьте голос мой молящий!
Лишь тот блажен, кто может дать.
О, пусть день праздника блестящий
Днем сытым буду я считать!

Другой горожанин

Люблю послушать я, как в праздник соберутся
Потолковать о битвах, о войне,
Как где-то в Турции, в далекой стороне,
Народы режутся и бьются.

Стаканчик свой держа, стою перед окном,
И барки по реке проходят предо мною;
А после к вечеру иду себе в свой дом,
Благословляя мир спокойною душою.

Третий горожанин

Так, так, сосед! Мы смирно здесь живем,
А там, кто хочет, пусть себе дерется!
Перевернись весь свет вверх дном –
Лишь здесь по-старому пускай все остается!

Старуха

(девушкам-горожанкам)

Вишь, как разряжены, – что розан молодой!
Ах, вы красавицы! Ну как в вас не влюбиться?
Что гордо смотрите? Не брезгайте вы мной:
Старушка может пригодиться.

Девушка-горожанка

Сюда, Агата! От старухи – прочь!
Нам с ведьмой говорить при людях неприлично.

А знаешь ли, у ней в Андреевскую ночь¹,
В гаданьи, суженый явился мне отлично.

Другая

У ней я тоже видела его:
Мне в зеркале колдунья показала.
Военный, – как хорош! Уж я его искала,
Да встретить не могу, не знаю отчего.

Солдаты

Башни с зубцами,
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!
Все вы сдадитесь!
Славная плата
Смелым трудам!
Подвиг солдата
Сладостен нам.
Сватаны все мы
Звонкой трубою,
К радости шумной,
К смертному бою.
В битвах и штурмах
Дни наши мчатся;
Стены и девы
Нам покорятся.
Славная плата
Смелым трудам!
Миг – и солдата
Нет уже там.

Фауст и Вагнер.

Фауст

Умчались в море разбитые льдины;
Живою улыбкой сияет весна;
Весенней красою блистают долины;

¹ Ночь на 30 ноября.

Седая зима ослабела: в теснины,
В высокие горы уходит она.
Туда она прячется в злобе бесплодной
И сыплет порою метелью холодной
На свежую, нежную зелень весны –
Но солнце не хочет терпеть белизны;
Повсюду живое стремление родится,
Все вырасти хочет, спешит расцветиться,
И если поляна еще не цветет, –
То вместо цветов нарядился народ,
Взгляни, обернись: из-под арки старинной
Выходит толпа вереницею длинной;
Из душного города в поле, на свет
Теснится народ, оживлен, разодет, –
Погреться на солнце для всех наслажденье.
Они торжествуют Христа Воскресенье –
И сами как будто воскресли они:
Прошли бесконечные зимние дни;
Из комнаты душной, с работы тяжелой,
Из лавок, из тесной своей мастерской,

Из тьмы чердаков, из-под крыши резной
Народ устремился гурьбою веселой,
И, после молитвы во мраке церкви,
Ласкает их воздух зеленых полей.
Смотри же, смотри: и поля и дорога
Покрыты веселой и пестрой толпой;
А там, на реке, и возня, и тревога,
И лодок мелькает бесчисленный рой.

И вот уж последний челнок, нагруженный,
С усилием отчалил, до края в воде;
И даже вверху, на горе отдаленной,
Виднеются пестрые платья везде.
Чу! Слышится говор толпы на поляне;
Тут истинный рай им! Ликут селяне,
И старый, и малый, в веселом кругу.
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

Вагнер

Люблю прогулку, доктор, с вами,
В ней честь и выгода моя;
Но враг я грубого – и не решился б я
Остаться здесь один меж мужиками.
Их кегли, скрипки, крик и хоровод
Переношу я с сильным отвращеньем:

Как бесом одержим, кривляется народ, —
И это он зовет весельем, пляской, пеньем!

Крестьяне

(танцующая под липой; пляска и пение)

Пустился в пляску пастушок;
На нем и ленты, и венок,
И куртка красовалась.
Народ под липами кишел,
И танец бешеный кипел,
И скрипка заливалась.

В толпу немедля он влетел
И локтем девушку задел
Для первого начала. Но бойко девушка глядит:
«Как это глупо, — говорит, —
Потише б не мешало!»

Но он, обвив ее рукой,
Пустился с нею в пляс лихой —
Лишь юбки развевались.

Ее он поднял на локте,
Им стало жарко в тесноте,
И оба задыхались.

«Пусти, – меня не проведешь!
Я знаю: ласки ваши – ложь
И клятвы ваши зыбки!»
Но он, обняв ее, влечет,
А там, вдали, шумит народ,
И льются звуки скрипки.

Старый крестьянин

Прекрасно с вашей стороны,
Что вы пришли в веселый час!
Вы так учены и умны,
А не забыли и о нас.
Вас кружкой лучшего питья
Народ признательный дарит –
И громко здесь желаю я:
Пусть грудь она вам освежит,
И сколько капель чистых в ней –
Дай Бог вам столько светлых дней.

Фауст

Я за здоровье ваше пью,
А за привет – благодарю.

Народ собирается вокруг.

Старик

Да, мысль благая – посетить
Народ теперь, в веселый час:
Но вам случалось приходить
И в дни беды, трудясь для нас.

Немало здесь стоит таких,
Которых ваш отец лечил:
От верной смерти спас он их
И нам заразу потушил.
Тогда ты, юноша, за ним
Везде ходил среди больных,
Отважен, чист и невредим,
Меж трупов, гноем залитых, —
И жив остался покровитель:
Хранил спасителя Спаситель.

Народ

Ученый муж, ты многих спас;
Живи ж сто лет, спасая нас!

Фауст

Склонитесь лучше перед тем,
Кто учит всех и благ ко всем.

(Идет с Вагнером дальше.)

Вагнер

Что должен был ты, муж великий, ощутить,
Услышав эту речь и эти восклицанья!
О, счастлив, кто дары свои и знания
С такою пользой мог употребить!

Приход твой мигом изменил картину:
Отец тебя показывает сыну,
Бегут, спешат, теснятся все вокруг;
Замолк скрипач, затихла пляска вдруг;
Проходишь ты – они стоят рядами,
И шапки вверх летят все тут!
Еще момент – и ниц они падут,
Как пред священными дарами.

Фауст

Пойдем туда: на камне том
Присядем мы и отдохнем немного.
Не раз я здесь сидел, томя себя постом,
Молясь и призывая Бога.
С надеждой, с верою в Творца,
В слезах, стена, ломая руки,
Для язвы злой, для страшной муки
Просил я скорого конца.
Слова толпы звучат насмешкой злою
В ушах моих, и знаю я один,
Как мало мы, отец и сын,
Гордиться можем этой похвалою.
Отец мой, темный труженик, в тиши
Над тайнами природы тщетно бился;
В ее круги святые он стремился
Проникнуть всеми силами души –
По-своему, но честно. Меж адептов
Сидел он в черной кухне² взаперти
И силился бальзам целительный найти,
Мешая разных множество рецептов!
Являлся красный лев – и был он женихом.
И в теплой жидкости они его венчали
С прекрасной лилией, и грели их огнем,
И из сосуда их в сосуд перемещали.
И вслед – блиставшую лучами всех цветов
Царицу юную в стекле мы получали:
Целительный напиток был готов.
И стали мы лечить. Удвоились мученья:
Больные гибли все без исключения,

² Черная кухня – кабинет алхимика.

А выздоравливал ли кто –
Спросить не думали про то.
Вот наши подвиги леченья!
Средь этих гор губили мы
Страшной губительной чумы!
Я сам дал тысячам отраву:
Их нет – а я живу... И вот –
В моем лице воздал народ
Своим убийцам – честь и славу!

Вагнер

Ну, стоит ли об этом вам тужить!
Довольно, если правильно и честно
Сумели вы все к делу приложить,
Что от других вам сделалось известно.
Как юноша, трудам отца почет
Воздали вы – он был доволен вами;
Потом науку двинули вы сами,
А сын ваш – снова далее пойдет!

Фауст

О, счастлив тот, кому дана отрада –
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!
Что нужно нам – того не знаем мы,
Что ж знаем мы – того для нас не надо.
Но перестань: не будем отравлять
Прекрасный этот час печальными речами.
Взгляни: уж солнце стало озарять
Сады и хижины прощальными лучами.
Оно заходит там, скрываясь вдали,
И пробуждает жизнь иного края...
О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли
И мчаться вслед за ним, в пути не уставая!
И я увидел бы в сиянии лучей
У ног моих весь мир: и спящие долины,
И блеском золотым горящие вершины,
И реку в золоте, и в серебре ручей.
Ущелья диких гор с высокими хребтами
Стеснить бы не могли стремления души:
Предстали бы моря, заснувшие в тиши,
Пред изумленными очами.

Вот солнце скрылось — но в душе больной
Растет опять могучее желанье
Лететь за ним и пить его сиянье,
Ночь видеть позади, и день передо мной,
И небо в вышине, и волны под ногами.
Прекрасная мечта! Но день уже погас.
Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, —
Нельзя нам воспарить телесными крылами!
Но подавить нельзя подчас
В душе врожденное стремление,
Стремление в высь, когда до нас
Вдруг долетает жаворонка пенье
Из необъятной синевы небес, —
Когда, внизу оставя дол и лес,
Орел парит свободно над горами
Иль высоко под облаками
К далекой родине своей
Несется стая журавлей.

Вагнер

Хандрил и я частенько, без сомненья,
Но не испытывал подобного стремленья.
Ведь скоро надоест — в лесах, в полях блуждать...
Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!
Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!
И ночи зимние так весело летят,
И сердце так приятно бьется!
А если редкий мне пергамент попадется,
Я просто в небесах и бесконечно рад.

Фауст

Тебе знакомо лишь одно стремление,
Другое знать — несчастье для людей.
Ах, две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые, — и жаждут разделенья!
Из них одной мила земля —
И здесь ей любо, в этом мире;
Другой — небесные поля,
Где духи носятся в эфире.

О духи, если вы живете в вышине
И властно реете меж небом и землею —

Из сферы золотой спуститесь вы ко мне
И дайте жить мне жизнь иную!
О, как бы я плащу волшебному был рад,
Чтоб улететь на нем к неведомому миру!
Я б отдал за него роскошнейший наряд,
Его б не променял на царскую порфиру!

Вагнер

Не призывай знакомый этот рой,
Разлитый в воздухе, носящийся над нами;
От века он душе людской
Грозит со всех концов и горем, и бедами.
То мчатся с севера, и острый зуб их лют,
И языком они язвят нас, как стрелою;
То от востока к нам они бездожде шлют
И сушат нашу грудь чахоткой злою;
То, если из пустынь пошлет их жаркий юг, —
Они палящий зной над головой нам копят;
То с запада они примчат прохладу вдруг —
А после нас самих луга и нивы топят.
Они спешат на зов, готовя гибель нам:
Они покорствуют, в обман увлечь желая,
Уподобляются небес святым послам,
И пенью ангелов подобна ложь их злая.
Однако нам домой пора давно:
Туман ложится, холодно, темно...
Да, только вечером мы ценим дом укромный!
Но что ж ты стал? И чем в долине темной
Твое вниманье так привлечено?
Чего твой взор во мгле туманной ищет?

Фауст

Ты видишь — черный пес по ниве рыщет?

Вагнер

Ну да; но что ж особенного в том?

Фауст

Всмотрись получше: что ты видишь в нем?

Вагнер

Да просто пудель перед нами:
Хозяина он ищет по следам.

Фауст

Ты видишь ли: спиральными кругами
Несется он все ближе, ближе к нам.
Мне кажется, что огненным потоком
Стремятся искры по следам его.

Вагнер

Ты в зрительный обман впадаешь ненароком:
Там просто черный пес – и больше ничего.

Фауст

Мне кажется, что нас он завлекает

В магическую сеть среди кругов своих.

Вагнер

Искал хозяина – и видит двух чужих!
Взгляни, как к нам он робко подбегает.

Фауст

Круги тесней, тесней... Вот он уж близок к нам.

Вагнер

Конечно, пес как пес – не призрак: видишь сам!
То ляжет, то, ворча, помчится без оглядки,
То хвостиком вильнет: собачьи все ухватки!

Фауст

Иди сюда! Ступай за нами вслед!

Вагнер

Да, с этим псом – конца забавам нет:
Стоишь спокойно – ждет он терпеливо;
Окликнешь – он к тебе идет;
Обронишь вещь – он мигом принесет;
Брось палку в воду – он достанет живо.

Фауст

Ты прав, я ошибался. Да:
Все дрессировка тут, а духа ни следа.

Вагнер

Да, вот к такой собаке прирученной
Привяжется порой и муж ученый.
Воспитанник студентов удалых,
Пес этот стоит милостей твоих.

Они входят в городские ворота.

Кабинет Фауста

Фауст входит с пуделем.

Фауст

Покинул я поля и нивы;
Они туманом облеклись.
Душа, смири свои порывы!
Мечта невинная, проснись!
Утихла дикая тревога,
И не бушует в жилах кровь:
В душе воскресла вера в Бога,
Воскресла к ближнему любовь.
Пудель, молчи, не мечись и не бейся:
Полно тебе на пороге ворчать;
К печке поди, успокойся, согрейся –
Можешь на мягкой подушке лежать.
Нас потешал ты дорогою длинной,
Прыгал, скакал и резвился весь путь;
Ляг же теперь и веди себя чинно.
Гостем приветливым будь.
Когда опять в старинной келье
Заблещет лампа, друг ночей,
Возникнет тихое веселье
В душе смилившейся моей,
И снова мысли зароятся,
Надежда снова зацветет –
И вновь туда мечты стремятся,
Где жизни ключ струею бьет.
Пудель, молчи! К этим звукам небесным,
Так овладевшим моею душой,
Кстати ль примешивать дикий твой вой?
Часто у нас над прекрасным и честным
Люди смеются насмешкою злой,
Думы высокой понять не умея.
Злобно ворчат лишь, собой не владея.

Так ли ты, пудель, ворчишь предо мной?

Но горе мне! Довольства и смиренья
Уже не чувствует больная грудь моя.
Зачем иссяк ты, ключ успокоенья?
Зачем опять напрасно жажду я?
Увы, не раз испытывал я это!
Но чтоб утрату счастья заменить,
Мы неземное учимся ценить
И в Откровеньи ждем себе ответа,
А луч его всего ясней горит
В том, что Завет нам Новый говорит.
Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,
Проникнусь весь святою стариной
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной.

(Открывает книгу и собирается переводить.)

Написано: «В начале было Слово» –
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль – всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли – начало всех начал?
Пишу, – и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул – и выход вижу я:
В Деянии начало бытия!

Пудель, не смей же визжать и метаться,
Если желаешь со мною остаться!
Слишком докучен товарищ такой:
Мне заниматься мешает твой вой.
Я или ты; хоть и против охоты,
Гостя прогнать принужден я за дверь.
Ну, выходи же скорее теперь:
Путь на свободу найдешь тут легко ты.

Но что я вижу? Явь иль сон?
Растет мой пудель, страшен он –

Громаден! Что за чудеса!
В длину и в ширину растет!
Уж не походит он на пса!

Глаза горят; как бегемот,
Он на меня оскалил пасть!
О, ты мою узнаешь власть!
Ключ Соломона весь свой вес
Тебе покажет, полубес!

Духи

(в коридоре)

Он попался! Поспешим!
Но входить нельзя за ним.
Как лиса среди тенет,
Старый бес сидит и ждет.
Так слетайся же скорей,
Осторожных духов рой,
И старайся всей толпой,
Чтоб избегнул он цепей.
В эту сумрачную ночь
Мы должны ему помочь.
Он велик, могуч, силен:
Помогал не раз нам он!

Фауст

Для покоренья зверя злого
Скажу сперва четыре слова:
Саламандра, пылай!
Ты, Сильфида, летай!
Ты, Ундина, клубись!
Домовой, ты трудись!
Стихии четыре
Царят в этом мире;
Кто их не постиг,
Их сил не проник –
Чужда тому власть,
Чтоб духов заковать.
Исчезни в огне,
Саламандра!

Разлейся в волне Ты, Ундина!

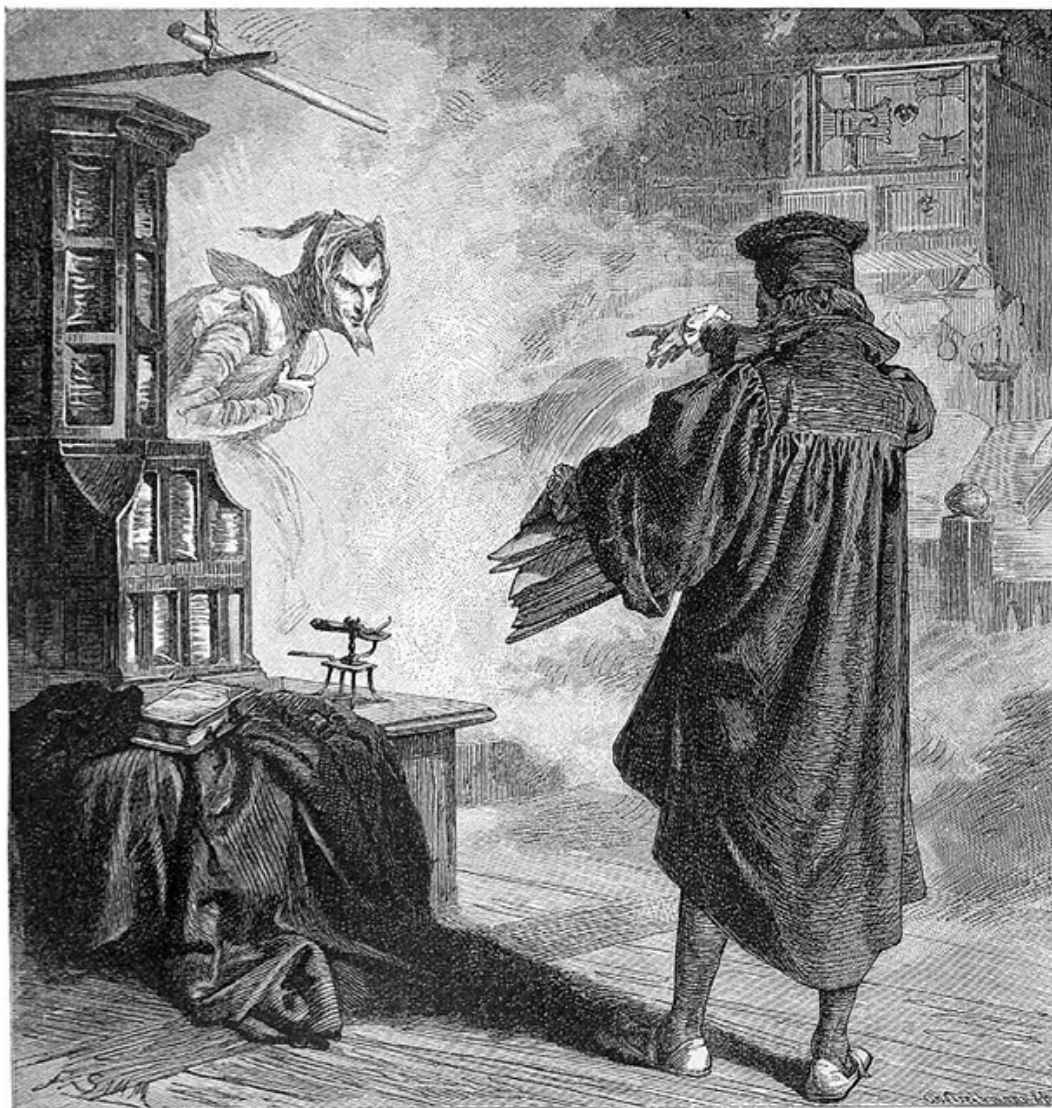
Звездой просверкай
Ты, Сильфида!
Помощь домашнюю дай,

Incubus, Incubus³,
Выходи, чтоб закончить союз!
Нет, ни одной из четырех
В ужасном звере не таится:
Ему не больно; он прилег
И скалит зубы, и глумится.
Чтоб духа вызвать и узнать,
Сильней я буду заклинать.
Но знай же: если ты, наглец,
Из ада мрачного беглец,
То вот – взгляни – победный знак!⁴
Его страшатся ад и мрак,
Ему покорны духи праха.
Пес ошетинился от страха!
Проклятое создание!
Прочтешь ли ты название
Его, несотворенного,
Его, неизреченного,
И смерть, и ад поправшего,
И на кресте страдавшего!
Страшен, грозен, громаден, как слон,
Вырастает за печкою он,
И в тумане он хочет разлиться!
Он весь свод наполняет собой.
Мрачный дух, повелитель я твой:
Предо мною ты должен склониться,
Не напрасно грозил я крестом:
Я сожгу тебя Божьим огнем!
Не жди же теперь от меня
Трикраты святого огня!
Не жди, говорю, от меня
Сильнейшего в таинстве нашем!

Туман рассеивается, из-за печи является Мефистофель в одежде странствующего схоласта.

³ Инкуб (*лат.*) – демон.

⁴ Знак, изображающий начальные буквы имени Иисуса Христа.

Мепистофель

К чему шуметь? Я здесь к услугам вашим.

Фауст

Так вот кто в пуделе сидел;
Схоласт, в собаке сокровенный!
Смешно!

Мепистофель

Привет мой вам, науки жрец почтенный!
По вашей милости изрядно я вспотел.

Фауст

Как звать тебя?

Мефистофель

Вопрос довольно мелочной

В устах того, кто слово презирает
И, чуждый внешности пустой,
Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.

Фауст

Чтоб узнать о вашем брате суть,
На имя следует взглянуть.
По специальности прозвание вам дается:
Дух злобы, демон лжи, коварства – как придется.
Так кто же ты?

Мефистофель

Частица силы я,
Желавшей вечно зла, творившей лишь благое.

Фауст

Кудряво сказано; а проще – что такое?

Мефистофель

Я отрицаю все – и в этом суть моя,

Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живет.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!
Короче, все, что злом ваш брат зовет, –
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это все – моя стихия.

Фауст

Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо мной?

Мефистофель

Я скромно высказал лишь правду, без сомненья.
Ведь это только вы мирок нелепый свой
Считаете за все, за центр всего творенья!
А я – лишь части часть, которая была
Вначале всё, той тьмы, что свет произвела,
Надменный свет, что спорить стал с рожденья
С могучей ночью, матерью творенья.
Но все ж ему не дорасти до нас!

Что б он ни породил – все это каждый раз
Неразделимо связано с телами,
Произошло от тел, прекрасно лишь в телах,
В границах тел должно всегда остаться,
И – право, кажется, недолго дожидаться –
Он сам развалится с телами в пух и прах.

Фауст

Так вот твое высокое значенье!
Великое разрушить ты не мог,
Тогда по мелочам ты начал разрушенье!

Мефистофель

Что делать! Да и тут старался я не впрок.
Дрянное Нечто, мир ничтожный,
Соперник вечного Ничто,

Стоит, не глядя ни на что,
И вред выносит всевозможный:
Бушует ли потоп, пожары, грозы, град –
И море, и земля по-прежнему стоят.
С породой глупою звериной и людскою
Бороться иногда мне не хватает сил –
Ведь скольких я уже сгубил,
А жизнь течет себе широкою рекою.
Да – хоть с ума сойти – все в мире так ведется,
Что в воздухе, в воде и на сухом пути,
В тепле и в холоде зародыш разовьется.
Один огонь еще, спасибо, остается.
А то б убежища, ей-богу, не найти!

Фауст

Итак, великой, животворной,
Могучей силе всеблагой
Ты тщетно, демон непокорный,
Грозишь коварною рукой!
Другое лучше выдумай стремленье,
Хаоса странное творенье!

Мефистофель

О том подумать сами мы хотим...
Но после мы с тобой еще поговорим;
Теперь могу ль я удалиться?

Фауст

К чему такой вопрос? Иди.
Твое знакомство пригодится:
Когда захочешь, приходи.
Не хочешь ли в окно – открытая дорога!
Не то – в трубу ступай; не заперта и дверь.

Мефистофель

Нет, трудновато выйти мне теперь –

Тут кое-что мешает мне немного:
Волшебный знак у вашего порога.

Фауст

Так пентаграмма этому виной?
Но как же, бес, пробрался ты за мной?
Каким путем впросак попался?

Мефистофель

Изволили ее вы плохо начертить,
И промежуток в уголку остался,
Там, у дверей, – и я свободно мог вскочить.

Фауст

Да, случай над тобой удачно посмеялся.
Так ты мой пленник, стало быть?
Вот удалось нежданно-нежданно!

Мефистофель

Не видел пудель этой штуки странной;
Вскочил – и вмиг переменялся вид,
И выход был лукавому закрыт.

Фауст

Ступай в окно, не будет затруднений.

Мефистофель

Увы! таков закон чертей и привидений:
Каким путем вошел, таким и выходить.

Во входе волен я, а выходить обязан
Там, где вошел.

Фауст

И ад законом связан?
Вот новости! Ну что ж? Прекрасно: может быть,
С тобой и договор возможно заключить?

Мефистофель

Что обещаем мы, ты можешь получить
Сполна — ни в чем тебя мы не надуем.
Да, но об этом долго рассуждать.
Другой раз мы подробней потолкуем.
Теперь же я прошу нижайше позволения
Уйти. Нельзя ль вам пентаграмму снять?

Фауст

Куда? Чего спешить? Останься на мгновенье.
Не можешь ли мне сказку рассказать?

Мефистофель

Теперь пусти! Ведь я приду опять;
Тогда расспрашивай: на все я дам решение.

Фауст

Тебя не звал я, сам ты это знаешь;
Ты сам попался в сеть, не правда ли, скажи?
Кто черта держит, тот его держи:
Не скоро ведь опять его поймаешь.

Мефистофель

Ну, если так уж хочешь, я готов
С тобой остаться несколько часов;
Но попрошу мне волю предоставить
Тебя моим искусством позабавить.

Фауст

Что хочешь делай; лишь сумей
Меня занять повеселей.

Мефистофель

Ты в краткий час среди видений
Получишь больше наслаждений,

Чем в целый год обычных дней.
Ни песни духов бестелесных,
Ни дивный ряд картин чудесных
Не будут сном волшебных чар;
Ты будешь тешить обонянье,
И вкус, и даже осязание –
Все, все тебе доставлю в дар!
Приготовлений ждать не нужно:
Мы в сборе все. Начните дружно!

Духи

Вы, темные арки,
О, пусть вас не станет!
Пусть светлый и яркий
Приветливо глянет
Эфир голубой!
Пусть туч, исчезая,
Рассеется рой!
Пусть звезды, мерцая,
Пусть, кротко лаская,
Нам солнца блещут!
Как легкая стая,

В роскошном расцвете
Красы бестелесной
Небесные дети,
Порхая, летят;
И рой их прелестный
То выше умчится,
То стелется ниже,
И ближе, все ближе
К земле он стремится,
И тканью эфирной
Одежды их веют
Над кущами мирной,
Блаженной страны,
Где в неге беседки
Дум сладких полны,
Влюбленные млеют,
Друг другу верны.
И всюду пестреют
Беседки, беседки!
Лоз нежные ветки
Дают виноград;
Давимы тисками,
Сок гроздь струят,
И, пенясь, реками
Стекает вино;
Среди несравненных
Камней драгоценных
Струится оно
И, высь покидая
Сияющих гор,
Течет, ниспадая
В равнины озер.
Холмов вереницы
Меж ними цветут,
И райские птицы
Блаженство там пьют,
И к солнцу стремятся,
И радостно мчатся
Они к островам,
Что в блеске сиянья
Плывут по волнам;
И гимн ликованья
Там слышится нам;
Пленяют нам взоры
Танцующих хоры
На светлых лугах,
Взбираются в горы,
Ныряют в волнах,
И в воздухе реют,

И в сердце лелеют
Стремленья свои
К той жизни блаженной
В безбрежной вселенной,
Где звезды, сверкая,
Дарят им, лаская,
Блаженство любви!

Мефистофель

Он убаюкан, спит. Воздушные творенья,
Спасибо вам мое за ваши песнопенья:

В долгу у вас я за концерт такой.
Нет, Фауст, не тебе повелевать бесами!
Пусть грезит он, объят воздушными мечтами,
Весь погружен в обманчивый покой.
Но надо снять с порога заклинанье:
Его мне крыса отгрызет.
Вот уж одна пришла: бежит и приказанье
Мое исполнить только ждет.
Владыка крыс, мышей, лягушек,
Клопов, и блох, и вшей, и мушек
Тебе изволит приказать
К тому порогу подбежать –
И там, где масло он положит,
Пускай твой зуб усердно гложет.
Живей, зверек! Вперед! Мешает выйти мне
Там, с краю, уголок на левой стороне.
Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!
Ну, Фауст, спи себе! До скорого свиданья!

(Уходит.)

Фауст

(просыпаясь)

Ужели я обманут снова?
Мир духов вновь исчез: во сне
Коварный бес явился мне,
А пудель скрылся из алькова!

Кабинет Фауста

Фауст, Мефистофель.

Фауст

Кто там? Войдите! Вечно помешают.

Мефистофель

Я здесь.

Фауст

Войдите ж!

Мефистофель

Трижды приглашают
Чертей.

Фауст

Войди же!

Мефистофель

Ну, теперь вхожу.

Надеюсь, мы с тобой поладим
И от тебя хандру отвадим.
Примером я тебе служу:

В одежде златотканой, красной,
В плаще материи атласной,
Как франт, кутила и боец,
С пером на шляпе, с длинной шпагой,
Дыша весельем и отвагой, —
Чем я не бравый молодец?
И не пора ли, наконец,
Тебе одеться в том же роде?
Тогда на воле, на свободе,
И, бросив вздорные мечты, —
Что значит жизнь, узнаешь ты!

Фауст

Что ни надень — все мучусь я хандрою

И уз земных не в силах я забыть.
Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,
И слишком юн, чтоб без желаний быть.
Свет ничего не даст мне, я уверен;
«Умерен будь! лишь будь умерен!» –
Вот песня вечная у нас.
Она терзает наши души,
Ее поют нам хрипло в уши
И каждый день, и каждый час!
Встаю ли утром – ждут меня страдания:
Я убежден, что долгий день пройдет
И мне не даст, я знаю наперед,
Ни одного достичь, ни одного желанья!
Мгновенье радости почую ли душой –
Вмиг жизни критика его мне разрушает
И образы, лелеянные мной,
Гримасою ужасной искажает.
Когда же ночь спускается и мне
С тоской в постель приходится ложиться –
Не знаю я покоя и во сне:
Ужасный сон мне будет сниться.
Тот бог, который жив в груди моей,
Всю глубину ее волнует:
Он правит силами, таящимися в ней,
Но силам выхода наружу не дарует.
Так тяжко, горько мне, что жизнь мне не мила, –
И жду я, чтоб скорей настала смерти мгла.

Мефистофель

Ну, смерть, однако, гость не очень-то приятный.

Фауст

О, как завиден жребий благодатный
Того, кто, лавры заслужив в бою,
С победою встречает смерть свою,
Того, кто после пляски знойной
Находит смерть в объятьях девы стройной!
Зачем, зачем с восторженной душой
Не пал я мертвым в миг тот роковой,
Когда мне дух явился величавый!

Мефистофель

А все-таки в ту ночь один знакомый мой
Не осушил бокал, наполненный отравой.

Фауст

Шпионство, видно, страсть твоя?

Мефистофель

Я знаю многое, хоть не всеведущ я.

Фауст

Когда от дикого порыва
Отвлек меня знакомый звон
И чувства детские так живо
Восстали – был я обольщен.
Всему, что душу обольщает,
Я шлю проклятие, – всему,
Что наше сердце увлекает,
Что льстит несчастному уму!
Проклятье – выпретенное мненье
О духе, разуме людском!
Проклятье – наше ослепленье
Блестящим всяким пустяком!
Проклятье грозам лицемерным,
Мечтам о славе, – тем мечтам,
Что мы считаем счастьем верным,
Семейству, власти и трудам!

Тебе проклятье, идол злата,
Влекущий к дерзким нас делам,
Дары постыдные разврата
И праздность неги давший нам!
Будь проклята любви отрада!
Проклятье соку винограда
И искрометному вину,
Надежд и веры всей святыне, –

Но больше всех тебя отныне,
Терпенье пошлое, клянущу!

Хор духов

(невидимо)

Увы, увы! Разбил ты его,
Прекраснейший мир,
Могучей рукой.
Он пал пред тобой,
Разрушен, сражен полубогом!
И вот мы, послушны ему,
Уносим обломки созданья
В ничтожества тьму,
Сквозь плач и рыдания
О дивной погибшей красе...
И молим мы все:
Воспрянь, земнородный, могучий!
Мир новый, чудесный и лучший
Создай в мощном сердце своем;
С душой обновленной
Ты новую жизнь начинай, просветленный,
И новую песнь мы тебе воспоем!

Мефистофель

Слышишь? Дух-малютка
Не лишен рассудка;
Он дает совет разумный:
Кличет к делу, к жизни шумной!
Брось же угол свой,
Где во мгле сырой

Стынет кровь и ум смолкает:
Выйди в мир, где жизнь сверкает!
Довольно же играть своей тоскою,
Что рвет, как коршун, грудь твою! Взгляни:
Ты окружен беспечною толпою,
Ты человек такой же, как они.
Впрочем, ведь я не равняю с тобою
Эту толпу, неразумный народ.
Слушай: хоть я не из важных господ,
Все-таки, если ты хочешь со мною
В светлую жизнь веселее вступить, –
Буду усердно тебе я служить,

Верным тебе я спутником стану
И ни на шаг от тебя не отстану,
Весь и повсюду помощник я твой;
Стану рабом и покорным слугой.

Фауст

А чем я заплачу за эти попеченья?

Мефистофель

О, нам с тобой еще не близко до того!

Фауст

Нет, нет! Черт – эгоист, нельзя ждать от него,
Чтоб даром стал он делать одолженья.
Ясней условимся, мой друг:
Таких держать опасно слуг.

Мефистофель

Я буду верным здесь тебе слугою,
Твоим веленьям подчинен вполне;
Когда же там мы встретимся с тобою,
Ты оплатить обязан тем же мне.

Фауст

Что будет там – о том мне нет заботы;
Когда разрушишь этот свет легко ты –
Пусть себе иной возникнет свет!
Здесь, на земле, живут мои стремленья,

Здесь солнце светит на мои мученья;
Когда ж придет минута разлученья –
Мне до того, что будет, дела нет.
Зачем мне знать о тех, кто там, в эфире, –

Бывает ли любовь и ненависть у них
И есть ли там, в мирах чужих,
И низ, и верх, как в этом мире!

Мефистофель

Что ж; если так – условься же смелей,
И я тебя немедля позабавлю
Своим искусством! Я тебе доставлю,
Чего еще никто не ведал из людей!

Фауст

Что дашь ты, жалкий бес, какие наслажденья?
Дух человеческий и гордые стремленья
Таким, как ты, возможно ли понять?
Ты пищу дашь, не дав мне насыщенья;
Дашь золото, которое опять,
Как ртуть, из рук проворно убегает;
Игру, где выигрыш вовеки не бывает;
Дашь женщину, чтоб на груди моей
Она к другому взоры обращала;
Дашь славу, чтоб чрез десять дней,
Как метеор, она пропала, –
Плоды, гниющие в тот миг, когда их рвут,
И дерево в цвету на несколько минут!

Мефистофель

Ну, это для меня – пустое!
Легко б я надавать таких сокровищ мог;
Но, может быть, захочешь ты, дружок,
Со временем вкусить и что-нибудь другое.

Фауст

Когда на ложе сна, в довольстве и покое,
Я упаду, тогда настал мой срок!
Когда ты льстить мне лживо станешь
И буду я собой доволен сам,

Восторгом чувственным когда меня обманешь.
Тогда – конец! Довольно спорить нам!
Вот мой заклад!

Мефистофель

Идет!

Фауст

Ну, по рукам!

Когда воскликну я: «Мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!» –
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля, разверзись подо мной!
Твою неволю разрешая,
Пусть смерти зов услышу я –
И станет стрелка часовая,
И время минет для меня!

Мефистофель

Я буду помнить все; рискуешь ты, не скрою.
Подумай же.

Фауст

Свободен ты во всем.

Поверь, я не кичусь собою;
Тебе ль, другому ли – рабом
Готов я быть, когда того я стою.

Мефистофель

Итак, пируйте ж, доктор, на досуге,

А я сегодня же исполню роль прислуги!
Еще одно: неверен жизни срок;
Могу ль у вас просить я пару строк?

Фауст

Расписку? Вот педант! Тебе ли видеть ново,
Что значит человек и данное им слово?
То, что сказал я, власть тебе дает
Над всей земною жизнью моею;
Весь мир меняется, несется все вперед,
А я – нарушить клятву не посмею?

Что делать: рождены мы с глупостью такой!
Кто от нее избавиться сумеет?
Блажен, кто верен, чист душой:
Он жертвовать ничем не пожалеет.
Но лист пергамента с печатями на нем –
Вот призрак, всех пугающий, к несчастью.
Мы слову смолкнуть на пере даем,

А воск и кожу – одаряем властью!
Итак, чего ж ты хочешь, бес, ответь!
Пергамент ли, бумагу, мрамор, медь –
Решай же, выбирай свободно!
Перо ли взять, резец иль грифель? Что еще?

Мефистофель

Как ты словами сыплешь горячо!
Без них уладим дело превосходно.
Любой листок лишь взять решишь
И каплей крови подпишись.

Фауст

Изволь, уж если так тебе угодно.
Итак, обряд нелепый, совершись!

Мефистофель

Кровь – сок совсем особенного свойства.

Фауст

Но только, чтоб ни тени беспокойства
За мой залог; я сам стремлюсь, поверь,
Всей силою к тому, что обещал теперь!
Собой напрасно слишком я кичился;
Мое достоинство лишь твоему равно.
Великий дух презреть меня решился,
И тайн природы знать мне не дано.
Теперь конец всему: порвалась нить мышленья;
К науке я давно исполнен отвращенья,
Тушить страстей своих пожар
В восторгах чувственных я буду,
И под густой завесой чар
Готов ко всякому я чуду!
Я кинусь в шумный времени поток,
В игру случайностей, куда забросит рок,
И пусть страданье и отрада,

И пусть удача и досада
Причудливой промчатся чередой;
Кто хочет действовать – тот позабудь покой!

Мефистофель

Не будет вам ни в чем ни меры, ни преграды;
Чем ни захочется полакомиться вам –
Все смело на лету хватайте здесь и там,
Что послужить вам может для отрады!
Не надо лишь робеть и выбор свой стеснять.

Фауст

Не радостей я жду, – прошу тебя понять!
Я брошусь в вихрь мучительной отрады,

Влюбленной злобы, сладостной досады;
Мой дух, от жажды знания исцелен,
Откроется всем горестям отныне:
Что человечеству дано в его судьбине,
Все испытать, изведать должен он!
Я обниму в своем духовном взоре
Всю высоту его, всю глубину;
Все счастье человечества, все горе –
Все соберу я в грудь свою одну,
До широты его свой кругозор раздвину
И с ним в конце концов я разобьюсь и сгину!

Мефистофель

Старался разжевать я смысл борьбы земной
Немало тысяч лет. Поверь ты мне, мой милый,
Никто еще, с пеленок до могилы,
Не переваривал закваски вековой.
Весь этот свет, все мирозданье –
Для Бога лишь сотворены;
Себе Он выбрал вечное сиянье,
Мы в вечный мрак погружены;
А вы – то день, то ночь испытывать должны.

Фауст

Но я хочу!

Мефистофель

Я понимаю это;

Боюсь я за одно, в одном лишь мой протест:
Ars longa, vita brevis est⁵.

Позвольте вам сказать словцо совета:
Коль уж на то пошло, сыщите вы поэта, –
Пусть мыслью в небе он парит
И все возвышенное света
В особе вашей пусть осуществит:
Отвагу пламенную львов,
Оленя быстроту,
Испанца огненную кровь,
Норвежца прямоту.

Пускай найдет он тайное искусство
С коварством согласить возвышенное чувство,

По плану вам составит идеал,
По плану вас влюбить не затруднится;
Ну, словом, если б мог тот идеал явиться,
Ему б я имя «Микрокосма» дал.

Фауст

Что ж значу я, коль не достигну цели,
Венца, к которому стремится род людской,
К которому и сам стремлюсь я всей душой?

Мефистофель

Ты значишь то, что ты на самом деле.
Надень парик с миллионами кудрей,

⁵ Искусство вечно, жизнь коротка (лат.).

Стань на ходули, но в душе своей
Ты будешь все таким, каков ты в самом деле.

Фауст

Да, вижу, что напрасно я собрал
Сокровища познания людского;
Не нахожу в себе я силы снова,
Когда свести я счета пожелал;
Ни на волос не выше я, не ниже
И к бесконечному не ближе.

Мефистофель

Привык смотреть на вещи ты, мой друг,
Как все на них вы смотрите; а надо
Умней, толковей тратить свой досуг,
Пока доступна жизни вся отрада.
Тьфу, пропасть! Руки, ноги, голова
И зад – твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслажденья?
Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы – не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!
Итак – смелей! Раздумья все – долой,
И прямо в шумный мир за мной
Спеши, надеждой окрыленный!
Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойденный,
А вокруг цветет роскошный луг зеленый!

Фауст

С чего ж начать?

Мефистофель

Уйти скорей.

Что делать нам в тюрьме твоей?
Что здесь за жизнь? Тоской да пустяками
Морить себя с учениками?
Оставь соседу эту честь.
Толочь ли воду ты желаешь?
Все лучшие слова, какие только знаешь,
Мальчишкам ты не можешь произнести.
Да вот один идет уж в коридоре.

Фауст

Я не могу его принять.

Мефистофель

Нельзя же так его прогнать:
Бедняжка долго ждал, он будет в страшном горе.
Твой плащ да шапочку на время я возьму;
Как раз к лицу мне быть в таком уборе!

(Переодевается.)

Ты остроумию доверься моему –
Всего лишь четверть часика мне нужно, –
А сам иди да в путь сготовься дружно.

Фауст уходит.

Мефистофель

(один, в длинной одежде Фауста)

Лишь презирай свой ум да знания светлый луч –
Все высшее, чем человек могуч;
Пусть с чародейскою забавой
Тебя освоит дух лукавый, –
Тогда ты мой без дальних слов!
Ему душа дана судьбою,
Стремящаяся вдаль, не вынося оков;
В своем стремлении пылкою душою
Земные радости он презирать готов.
Он должен в шумный мир отныне погрузиться:

Его ничтожеством томим,
Он будет рваться, жаждать, биться,
И призрак пищи перед ним
Над ненасытною главою будет виться;
Напрасно он покоя будет ждать.
И, даже не успеет он душу мне продать,
Сам по себе он должен провалиться.

Входит ученик.

Ученик

Я только что приехал по делам,
И вот, исполнен преданности к вам,
Я утруждать решаюсь посещеньем
Того, о ком все говорят с почтеньем.

Мефистофель

Учтивость ваша делает вам честь:
Таких, как я, немало, впрочем, есть.
Вам приходилось где-нибудь учиться?

Ученик

Я прямо к вам намерен обратиться!
От всей души стараться я готов;
И деньги есть, и телом я здоров.
Меня пускать мать долго не хотела,
Да слишком мной охота овладела
Узнать побольше дельного у вас.

Мефистофель

О, если так – на месте вы как раз.

Ученик

Признаться, я б уехал хоть сейчас

Назад: все эти стены, коридоры
Мучительно мои стесняют взоры;
Так неприветлив, тесен этот дом:
Ни зелени, ни деревца кругом!
А в залах, на скамьях – в одно мгновенье
Теряешь сразу ум, и слух, и зренье.

Мефистофель

На все привычка есть, мой юный друг:
Дитя – и то у матери не вдруг
Берет сосец, чтоб присосаться плотно,
Впоследствии ж питается охотно.
А мудрости божественная грудь –
Что день, то больше даст вам наслажденья.

Ученик

Всем сердцем я желаю к ней прильнуть;
Но как мои осуществить стремленья?

Мефистофель

Сначала дайте мне ответ:
Какой милей вам факультет?

Ученик

Хочу я быть ученым чрезвычайным,
Приблизиться ко всем земли и неба тайнам, –
Обнять желаю, словом, полный круг
Природы всей и всех наук.

Мефистофель

Вы верный путь себе избрали,
Лишь развлекаться не должны.

Ученик

И телом, и душой, от сердца глубины,
Отдамся я ученью; но нельзя ли
И отдохнуть, – гулять по временам,
Хотя бы летом, по воскресным дням?

Мефистофель

Цените время: дни уходят невозвратно!
Но наш порядок даст привычку вам
Распределять занятия аккуратно.
А потому, мой друг, на первый раз,
По мне, полезно было бы для вас
Курс логики пройти: в ее границах
Начнут сейчас дрессировать ваш ум,
Держа его в ежовых рукавицах,
Чтоб тихо он, без лишних дум
И без пустого нетерпенья,
Всползал по лестнице мышленья,
Чтоб вкривь и вкось, по всем путям,
Он не метался там и сям.
Затем внушат вам, ради той же цели,
Что в нашей жизни всюду, даже в том,
Для всех понятном и простом,
Что прежде сразу делать вы умели –
Как, например, питье, еда, –
Нужна команда «раз, два, три» всегда.
Так фабрикуют мысли. С этим можно
Сравнить хоть ткацкий, например, станок.
В нем управление нитью сложно:
То вниз, то вверх снует челнок,
Незримо нити в ткань сольются;
Один толчок – сто петель выются.
Подобно этому, дружок,
И вас философ поучает:
«Вот это – так и это – так,
А потому и это – так,
И если первая причина исчезает,
То и второму не бывать никак».
Ученики пред ним благоговеют,
Но ткань соткать из нитей не сумеют.

Иль вот: живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нем познание получить, –
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!
Encheiresin naturae⁶ именует
Все это химия: сама того не чует,
Что над собой смеется.

Ученик

Виноват:
Неясно это мне.

⁶ Способ действия природы (лат.).

Мефистофель

О, все пойдет на лад:

В редукцию лишь надо вникнуть,
К классификации привыкнуть.

Ученик

Все дико мне! В мозгу моем Все завертелось колесом.

Мефистофель

Затем, первой всего, займитесь неизбежно
Вы метафизикой: учитесь ей прилежно;
Глубокомысленно трудясь,
Вместить старайтесь то, что отродясь
В мозг человеческий не входит;
Вместите ль, нет ли – не беда:
Словечко громкое всегда
Из затрудненья вас выводит!
Но в первые полгода, милый друг,
Порядок вам нужнее всех наук;
Вам в день занятий пять часов нормально:
С утра к звонку являйтесь пунктуально!
Старайтесь раньше дома протвердить
Параграф, чтобы в классе проследить,
Что вам твердит учитель, слово в слово,
Лишь то, что в книге, – ничего другого,
И так старательно пишите все в журнал,
Как будто б Дух Святой вам диктовал.

Ученик

Об этом мне напоминать не надо!
Сам знаю я, какая в том отрада.
Спокойно мы домой тетрадь несем:
Топор не вырубит, что писано пером.

Мефистофель

Так изберите ж факультет.

Ученик

К юриспруденции не чувствую влечения.

Мефистофель

Что ж, не во вред вам это отвращенье:
По правде, в ней большого проку нет.
Законы и права, наследное имянье,
Как старую болезнь, с собой
Несет одно другому поколение,
Одна страна стране другой.
Безумством мудрость станет, злом – благое:
Терпи за то, что ты не дед!
А право новое, родное –
О нем – увы! – и речи нет!

Ученик

К ней утвердили вы мое презренье.
Блажен, кому вы можете помочь!
Я богословие избрать теперь не прочь.

Мефистофель

Не стану вас вводить я в заблужденье,
Мой юный друг. В науке сей
Легко с дороги сбиться: все в ней ложно;
Так яду скрытого разлито много в ней,
Что с пользой различить его едва ли можно.
И здесь учителя вы слушать одного
Должны и клясться за слова его.
И вообще: держитесь слова
Во всем покрепче, каждый раз!

Тогда дорога верная для вас
В храм несомненности готова.

Ученик

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель

Прекрасно, но о том не надо так крушиться:
Коль скоро недочет в понятиях случится,

Их можно словом заменить.
Словами диспуты ведутся,
Из слов системы создаются;
Словам должны вы доверять:
В словах нельзя ни йоты изменять.

Ученик

Простите, вам наскучил я; но снова
Решусь я вас вопросом утруждать:
Нельзя ли будет мне узнать
О медицине ваше слово?
Три года – много ли? А время ведь не ждет –
И – бог мой! – мудрости так необъятно поле!
Когда указан путь, тогда гораздо боле
Почувствуешь себя подвинутым вперед.

Мефистофель

(в сторону)

Ну, речь педантская порядком мне приелась:
Мне сатаной опять явиться захотелось.

(Вслух.)

Дух медицины всяк легко поймет!
Большой и малый свет вам изучать придется,
А там – пускай все остается,

Как бог пошлет.
В науке здесь парить не надо через меру:
Все учатся кой-как, по мере сил;
А кто мгновенье уловил –
Тот мигом делает карьеру.
Притом же вы недурно сложены,
А стало быть, робеть лишь не должны:
Кто верить сам в себя умеет,
Тот и других доверьем овладеет,
И вот – ему успехи суждены.
Особенно ж всегда умейте к дамам
Подделаться: их вечный «ох» да «ах»,
Во всех его бесчисленных видах,

Лечите все одним, все тем же самым;
Тут стоит такта чуточку иметь –
И, смотришь, все попались в вашу сеть.
Ваш титул им внушит тот вывод ясный,
Что вы – искусник редкостный, прекрасный,
Каких на свете мало есть; а там –
Вы сразу приметесь за всяческие штучки,
Которых ждут иные по годам;
Пожмете нежно пульс прелестной ручки
И, пламя хитрое придав своим глазам,
Изящный стан вы обовьете ловко:
Уж не тесна ли, мол, у вас шнуровка?

Ученик

Вот это лучше, видно – как и где.

Мефистофель

Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет!

Ученик

Клянусь, теперь брожу я, как во сне!
Еще разок прийти нельзя ли мне?
Никто учить так мудро не умеет!

Мефистофель

Чем я могу, служить всегда готов.

Ученик

Нельзя ж мне так уйти от вас! Позвольте
Просить вас написать в альбом мне пару слов
В знак вашей благосклонности!

Мефистофель

Извольте!

(Пишет и возвращает ученику альбом.)

Ученик

(читает)

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum⁷.

(Почтительно закрывает альбом и откланивается.)

Мефистофель

Следуй лишь этим словам да змее, моей тетке, покорно:
Божье подобье свое растеряешь ты, друг мой, бесспорно!

Фауст

(входя)

Куда ж теперь?

⁷ И будете, как Бог, знать добро и зло (*лат.*).

Мефистофель

Куда стремишься ты душой.

Сначала в малый свет, потом в большой.
С каким весельем, друг ты мой любезный,
Ты просмакуешь этот курс полезный!

Фауст

Ну нет; я, с этой длинной бородой,
Далек от жизни легкой, молодой.
Не верю я в попытку эту;
Притом всегда я чужд был свету;
Я ниже всех себе кажусь,
Всегда стесняюсь и стыжусь.

Мефистофель

Умение жить придет само собою;
Лишь верь в себя, так жизнь возьмешь ты с бою!

Фауст

Но как же нам пуститься в путь?
Где экипаж, где кони, слуги?

Мефистофель

Мне стоит плащ мой развернуть –
И мы взовьемся легче выюги.
Но на полет отважный свой
Ты не бери узлов с собой;
Вот я дыханьем огненным повею –
И мы поднимемся с поверхности земной:
Чем легче, тем скорей помчишься ты со мной.
Ну-с, с новой жизнью вас поздравить честь имею!

Погреб Ауэрбаха в Лейпциге

Компания гуляк.

Фрош

Никто не пьет! И смеха нет ни в ком!
Эх, проучить бы вас за эти рожи!
Сегодня вы – что мокрые рогожи.
А ведь могли б быть парни с огоньком!

Брандер

Ты виноват, – кого ж винить другого?
Ни глупости, ни свинства никакого!

Фрош

(выливая ему на голову стакан вина)

Так получи сполна!

Брандер

Свиньей свинья!

Фрош

Ты сам просил – исполнил я.

Зибель

Кто ссорится – тех вон! Их нам не нужно!
Знай пойте, пейте да ревите дружно:
«Гоп, голла, го!»

Альтмайер

Пропали мы, беда!
Где вата? Уши мне он раздерет! Ужасно!

Зибель

Когда трясутся своды, лишь тогда
Вся сила баса чувствуется ясно!

Фрош

Идет! А кто перечит, тех – за дверь!
Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Альтмайер

Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Фрош

Ну, глотки все настроены теперь!

(Поет.)

Святой, высокий римский трон,
Как до сих пор не рухнет он?

Брандер

Дрянная песня, тьфу, политикой звучит!
Создателя благодарите смело,
Что римский трон блюсти не ваше дело!
Конечно, уж судьба ко мне благоволит,
Что быть мне канцлером иль князем не велит.

Но старшину иметь не худо и меж нами:
Так изберем мы Папу сами.
Известно вам, какой чертой
Решается избранье в сан святой.

Фрош

(поет)

Взвейся, подымися к небу, соловей,
Сто раз поклонися милой ты моей.

Зибель

Поклона милой нет – и чтоб о том ни слова!

Фрош

Поклон и поцелуй – стою на этом снова!

(Поет.)

Прочь замок! в тиши ночной –
Прочь замок! – ждет милый твой;
Щелк замок! – горит восток.

Зибель

Ну ладно, величай да песни в честь ей пой!
Тебя же осмеют, а никого другого:
Как провела меня, так проведет любого.
Пуškai с ней встретится влюбленный домовый,
На перекрестке пусть ей отведет он очи!
Пусть в полночь с Блоксберга⁸ несущийся домой
Ей проблеет козел спокойной ночи!
Чтоб парень спину гнул пред ней –
Нет, много чести будет ей!
Повыбить окна ей: вот это
Я одобряю для привета!

⁸ Блоксберг – гора в Германии, где проходил шабаш ведьм.

Брандер

(ударяя кулаком по столу)

Молчать! Молчать! Послушайте меня!
Я, как известно, жить умею!
Ведь здесь влюбленных целая семья –
И всем доставить по порядку я
Им кое-что приятное имею.
На новый песенка построй:
Вы петь припев должны за мной!

(Поет.)

Раз крыса в погребе жила,
Все ела жир да сало;
Как доктор Лютер, завела
Брюшко и бед не знала.
Но повар яду ей подлил –
И крысе белый свет постыл:
Ужель она влюбилась?

Хор

(весело)

Ужель она влюбилась?

Брандер

Бежит назад, бежит вперед,
Везде грызет и гложет;
Во всякой грязной луже пьет,
А боль унять не может.
Бедняга скачет там и тут –
Но скоро ей пришел капут:
Ужель она влюбилась?

Хор

Ужель она влюбилась?

Брандер

Средь бела дня она в пылу
Вбежала в кухню, села
В предсмертных корчах на полу
И жалобно пыхтела.
А повар злой, смеясь, твердит:
«Ага! Со всех концов свистит –
Ужель она влюбилась?»

Хор

Ужель она влюбилась?

Зибель

Вишь, умники! Нашли себе отраду!
Как будто нет и подвига славней,
Чем дать бедняжке крысе яду!

Брандер

Давно ли крысы в милости твоей?

Альтмайер

Эх ты, пузан с башкою лысой!
В несчастья тих и кроток он:

Сравнил себя с распухшей крысой –
И полным сходством поражен.

Входят Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

(Фаусту)

Тебя ввожу я с первого же шага
В веселый круг. Вот буйная ватага:
Взгляни, как жить возможно без забот!
Для них – что день, то праздник настает.
С плохим умом, с большим весельем, в мире
Ребята скачут в танце круговом,
Точь-в-точь котята за хвостом.
Им только б был кредит в трактире
Да не трещала б голова, –
Так все на свете трын-трава!

Брандер

Душа моя приезжих сразу чует:
В них по манерам я чужих узнал сейчас;
Они и двух часов не пробыли у нас.

Фрош

Ты прав! Ни перед кем наш Лейпциг не спасует:
Как маленький Париж, он свой народ шлифует.

Зибель

Ты их откуда же считаешь – из каких?

Фрош

Уж предоставьте мне! Я только им поставлю
Бутылочку винца, так без труда я их
Всю подноготную поведать нам заставлю.
Они, должно быть, не простые, брат:
Недаром зло и гордо так глядят.

Брандер

Знать, шарлатаны, черт их подери!

Альтмайер

Должно быть, так.

Фрош

Так надо к ним придраться.

Мефистофель

(Фаусту)

Народец! Черт меж них, а им не догадаться:
Хоть прямо их за шиворот бери.

Фауст

Поклон вам, господа!

Зибель

Спасибо за поклон.

(Взглянув искоса на Мефистофеля, в сторону.)

Но отчего прихрамывает он?⁹

⁹ Дьявол хромает с тех пор, как был свергнут с небес в преисподнюю.

Мефистофель

Присесть к столу прошу я позволения.
Хорошего вина здесь получить нельзя,
Так мы найдем в беседе наслаждение.

Альтмайер

Вы избалованы порядком, вижу я.

Фрош

Вы в Риппахе вчера, должно быть, ночевали?
Не у Иванушки ль вы были дурачка?

Мефистофель

Нет, нынче мы пришли издалека,
Но прошлый раз мы долго с ним болтали.
Нам говорил он много о родне:
Ей снести поклон приказывал он мне.

(Кланяется Фрошу.)

Альтмайер

(тихо)

Что – съел?

Зибель

Да, это парень не простой.

Фрош

Еще его поддену я, постой!

Мефистофель

Входя сюда, мы слышали сейчас,
Как стройно вы здесь хором песни пели.
Здесь голоса должны звучать: как раз
Хорош высокий свод для этой цели.

Фрош

Вы, верно, сами музыкант?

Мефистофель

Охота есть, да невелик талант.

Альтмайер

Что ж, спойте песню нам.

Мефистофель

Хоть сто, когда хотите.

Зибель

С условием одним, что новую дадите.

Мефистофель

О да! В Испании мы были, а она –
Известно, – родина и песни, и вина!

(Поет.)

Жил-был король когда-то.
Имел блоху-друга...

Фрош

Вы слышите – блоху! Понятно ли для вас?
Блоха – вот славный гость у нас!

Мефистофель

(поет)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-друга;
Берег блоху, как злато,
Лелеял, как сынка.
Вот шлет король к портному –
Портной пришел сейчас.
«Сшей плащ другу родному
Да брюки в самый раз».

Брандер

Да вы бы подтвердить портному не забыли,
Чтобы с бедняжки снял он мерку поверней
И чтоб, коль дорожит он головой своей,
Без складок и морщин штанишки сшиты были!

Мефистофель

(поет)

И вот блоха в наряде –

Вся в бархате, шелку, –
И лента при параде,
И орден дан дружку.
Блоха министром стала.
Блестит на ней звезда!
Родня ее попала
В большие господа.
Блоха, дав волю гневу,
Всех жалит с этих пор:
Вельмож, и королеву,
И фрейлин, и весь двор.
Никто не смей чесаться:
Зудит себе наглец!
А мы – посмей кусаться, –
Прицелкнем – и конец!

Хор

(весело)

А мы – посмей кусаться, –
Прицелкнем – и конец!

Фрош

Bis, bravo, bis! Что за припев лихой!

Зибель

Да будет так со всякою блохой!

Брандер

На ноготь лишь ее – и нет блохе исхода.

Альтмайер

Да здравствует вино! Да здравствует свобода!

Мефистофель

Я в честь свободы рад бы выпить сам,
Когда бы вин получше дали нам.

Зибель

Опять! Не нравится нам речь такого рода!

Мефистофель

Хозяина боюсь обидеть я,
А то бы мы гостям почтенным удружили:
Свой погреб мы бы вам охотно предложили.

Зибель

Сюда его, сюда! Беру все на себя!

Фрош

Что ж? Выпить мы не прочь. Смотрите только, чтобы
Не слишком мелки были ваши пробы:
Мне, чтоб о винах правильно судить,
Немало надо в глотку пропустить.

Альтмайер

(тихо)

А! гости с Рейна! Вижу, постигаю!

Мефистофель

Достаньте мне бурав.

Брандер

На что бурав-то вам?
Не бочки же у вас за дверью, полагаю?

Альтмайер

Вон ящик на столе: бурав найдется там.

Мефистофель

(взяв бурав, Фрошу)

Какого же вина отведать вам угодно?

Фрош

Что за вопрос? Иль много их у вас?

Мефистофель

Чего желает кто, всяк выбирай свободно.

Альтмайер

(Фрошу)

А ты уж губы стал облизывать сейчас!

Фрош

Что ж, если так, рейнвейну наливайте:
Я предпочту всему отечества дары.

Мефистофель

(буравя на краю стола перед Фрошем)

Нельзя ли воску для дыры?

Альтмайер

Ах, это фокусы! Вы нас не надувайте!

Мефистофель

(Брандеру)

А вам?

Брандер

Шампанское вино!
Чтоб било в потолок оно!

Мефистофель буравит; один из гостей сделал тем временем восковые пробки и затыкает отверстия.

Брандер

К чему бежать чужого дара?
И вдалеке добро бывает рождено;
Хоть немцу кровному француз совсем не пара,
Но с радостью мы пьем французское вино.

Зибель

(видя, что Мефистофель приближается к нему)

Я кислых вин, признаться, не любитель:
Чего-нибудь послаще не дадите ль?

Мефистофель

(буравит)

Токайского предложим вам тогда.

Альтмайер

Нет, нет! Взгляните-ка в глаза мне, господа:
Я вижу, вы смеетесь лишь над нами.

Мефистофель

Ай, ай, как смеем мы? С такими господами
Опасно было бы шутить.
Ну, поскорей решайте сами,
Каким вином могу служить?

Альтмайер

Любым, чтоб слов не тратить с вами.

Все дыры провернуты и заткнуты восковыми пробками.

Мефистофель

(делая странные жесты)

Нам виноград лоза дала;
На лбу рога есть у козла;
Вино на древе рождено;

Стол деревянный даст вино.

В природу вникните верней:
Поверьте, чудо скрыто в ней!
Ну, пробки прочь – и пейте живо!

Все

(вынимают пробки; требуемое вино льется в стаканы)

О чудный ключ! Какое диво!

Мефистофель

Но берегись, ни капли не пролей!

Они пьют еще раз.

Все

(поют)

По-каннибальски любо нам,
Как будто в луже ста свиньям!

Мефистофель

Народ свободен стал: любуйтесь на него!

Фауст

Мне кажется, что нам пора бы удалиться.

Мефистофель

Постой, должно еще все их скотство
Во всей красе пред нами проявиться.

Зибель пьет неосторожно, вино льется на землю и вспыхивает.

Зибель

Огонь! Спасите! Ад! Мы все сгорим сейчас!

Мефистофель

(заговаривая огонь)

Смирись, союзная стихия!

(Всем.)

Огонь чистилища был тих на этот раз.

Зибель

Что это? Берегись! За шуточки такие
Ответить можешь ты! Не знаешь, видно, нас!

Фрош

Посмей-ка повторить дурачество такое!

Альтмайер

Пусть убирается, оставив нас в покое.

Зибель

Нет, как вы смели? Как вам в ум взбрело
Творить здесь фокусы? Что это за игрушки?

Мефистофель

Цыц, бочка!

Зибель

Сам ты помело!
Ты хочешь, чтоб до кулаков дошло?

Брандер

Смотри! Дождем польются колотушки!
Альтмайер вынимает пробку из стола; на него вылетает огонь.

Альтмайер

Пожар! Горю!

Зибель

Да это колдовство!
За голову его награда! Режь его!
Вынимают ножи и бросаются на Мефистофеля.

Мефистофель

(с важным видом)

Ум, смутися по словам!
Ложный вид предстань очам!
Будьте здесь и будьте там!

Все останавливаются в изумлении, глядя друг на друга.

Альтмайер

Где я и что со мной? Ах, что за сад прелестный!

Фрош

Что вижу я? Лоза!

Зибель

И виноград чудесный!

Брандер

Взгляните, что за куст густой!
И что за гроздь! Боже мой!

(Хватает Зибеля за нос. Другие делают то же и поднимают ножи.)

Мефистофель

(по-прежнему)

Спади с очей, повязка заблужденья!
И помните, как дьявол пошутил!

(Исчезает с Фаустом.)
Приятели выпускают друг друга.

Зибель

Что?

Альтмайер

Как?

Фрош

Так это нос твой был?

Брандер

(Забелю)

А я за твой схватился? Наваждение!

Альтмайер

Каков удар! Всего меня потряс!
Подайте стул: я упаду сейчас.

Фрош

Но что же было тут, я спрашиваю вас?

Зибель

Где этот молодец? Ну, встретиться в одиночку
Мне где-нибудь, так жив не будет он!

Альтмайер

Я видел сам, как он вскочил на бочку
И вмиг на ней верхом умчался вон.
В ногах свинец: со мной недоброе творится.

(Оборачиваясь к столу.)

Я думаю, вино могло б еще политься?

Зибель

Все было тут обман, предательство и ложь.

Фрош

А тем не менее мне кажется, что все ж
Я пил вино.

Брандер

А как же гроздья эти?

Альтмайер

Пусть говорят теперь, что нет чудес на свете!

Кухня ведьмы

На низком очаге, на огне, стоит большой котел. В паре, поднимающемся кверху, виднеются различные образы. Мартышка-самка сидит у котла, снимает пену и смотрит, чтоб она не перелилась через край. Мартышка-самец с детенышами сидит подле и греется. Стены и потолок увешаны причудливою утварью ведьмы.

Фауст и Мефистофель.

Фауст

К бессмысленным их чарам отвращенье
Питаю я: найдется ль исцеленье
Здесь, в этой тьме безумства, для меня?
Я не хочу советов бабы старой!
И снимет ли дрянная пачкотня
Мне тридцать лет долой своею чарой?
Нет, мир надежды для меня потух:
Беда, коль не найдешь другого мне леченья.
Ужель природа и могучий дух
Нам не дадут бальзама возрожденья?

Мефистофель

Мой друг, ты говоришь умно:
Природное есть средство стать моложе;

Жаль, не про нас лишь писано оно,
Да и довольно странно тоже.

Фауст

Я знать хочу его скорей!

Мефистофель

Изволь; вот средство возрождения
Без чар, без денег, без леченья:
Уединись в глуши полей,
Руби, копай, потей за плугом
И ограничить тесным кругом
Себя и ум свой не жалеи;
Питайся просто в скромной доле,
Живи, как скот, среди скотов
И там, где жал ты, будь готов
Сам удобрять навозом поле.
Поверь мне: в этом весь секрет
Помолодеть хоть в восемьдесят лет.

Фауст

Но не привык я к плугу и лопате,
За них мне взяться было бы некстати;
Нет, узкая мне жизнь не суждена!

Мефистофель

Так ведьма, стало быть, нужна.

Фауст

К чему тут баба – непонятно!
Свари напиток сам, без лишних слов.

Мефистофель

Да! Вот бы время я провел приятно!
Уж лучше выстрою я тысячу мостов.
Здесь мало знания и умения;
Здесь нужно, друг, немало и терпенья.
Корпеть пришлось бы тут немало лет:
Ведь раньше времени броженью ходу нет.
Чего-чего тут нет в бродилах
И надо знать уловок тьму!

Хоть черт и учит их всему,
А сам все сделать он не в силах.

(Показывая на зверей.)

Не правда ль, миленький народ?
Вот вам слуга, служанка – вот!

(Зверям.)

А что, хозяйка улетела?

Звери

Она поела,
В трубу взвилась
И унеслась.

Мефистофель

А долго ли она там реет?

Звери

Пока огонь нам лапы греет.

Мефистофель

(Фаусту)

Как ты находишь – хороши?

Фауст

Нет слов сказать, насколько гадки.

Мефистофель

А мне – так нравятся их речи и повадки;
Беседу их люблю я от души.

(Зверям.)

Ну, куклы чертовы, скажите,
Что тут за варево? Над чем вы ворожите?

Звери

Для нищих жидкий суп кипит!

Мефистофель

На этот раз
Немало будет публики у вас.

Самец

(подползая и ласкаясь к Мефистофелю)

Разочек сыграй
Со мною и дай
Набиться карману!
Без денег шабаш;

А денег мне дашь —
Я умником стану!

Мефистофель

Тварь эта с радости совсем бы очумела,
Когда б она в лото играть умела.

Детеныши, играя большим шаром, катят его.

Самец

Вот мир летит,
Спешит, бежит,
Крутятся в пустыне.
Стеклянный звон,
Как хрупок он!
Пустой в середине,
Он тут блестит,
А там горит.
Я жив доныне!
Дитя, мой друг,
Пусти из рук.
Не то умрешь ты.
Здесь глина: стук —
И разобьешь ты.

Мефистофель

Что в решете у вас?

Самец

(доставая решето)

Случись тут вор у нас,
Могли б его узнать мы.

(Бежит к самке и дает ей взглянуть в решето.)

Вгляни-ка в решето:
Вор виден нам, но кто —

Посмеем ли сказать мы?

Мефистофель

А что за польза вам от этого горшка?

(Приближается к огню.)

Самец и самка

Пустая башка!
Не понял горшка,
Котла не поймет он!

Мефистофель

Невежа ты, зверь!

Самец

Присел бы теперь
Ты с веником: вот он.

(Заставляет Мефистофеля сесть.)

Фауст

(который тем временем глядел в зеркало, то приближаясь, то удаляясь)

Что вижу я! Чудесное виденье
В волшебном зеркале мелькает все ясней!
О, дай, любовь, мне крылья и в мгновенье
Снеси меня туда, поближе к ней!
О, если б был не в комнате я тесной,
О, если б мог лететь к богине той!
Но нет, она полузакрыта мглой...
О дивный образ красоты телесной!
Возможна ли подобная краса?
Возможно ли, чтоб в прелести чудесной
Вмещались все неба чудеса?
Найдется ль чудо на земле такое?

Мефистофель

Понятно: шесть ведь дней трудился наш Творец
И «браво» сам себе промолвил наконец, –

Так, верно, что-нибудь да вышло же благое.
Теперь любуйся тем, что видишь пред собой,
А там найду тебе подобное создание,
И счастлив тот, кому дано судьбой
Сокровищем подобным обладанье.

Фауст все смотрит в зеркало. Мефистофель, потягиваясь и играя веником, продолжает говорить.

Сижу, как царь, на возвышеньи трона,
Со скипетром в руках; нужна еще корона.

Звери

(делающие меж тем разные странные движения, с громкими криками приносят Мефистофелю корону)

Корону ты клей:
Пот нужен для ней
И кровь со слезами.

(Они неловко обращаются с короной, ломают ее пополам и прыгают кругом с ее кусками.)

Свершилось! Мы зрим,
Мы слышим, кричим,
И даже стихами.

Фауст

(перед зеркалом)

Ах, я с ума сойду!

Мефистофель

(указывая на зверей)

Увы, на этот раз
И у меня башка кружиться начинает.

Звери

И даже подчас
Бывает, что нас
И мысль осеняет.

Фауст

(также перед зеркалом)

Я весь горю, нет больше сил моих!
Нельзя ли нам отсюда удалиться?

Мефистофель

(в том же положении)

По крайней мере надо согласиться,
Что откровенная поэзия у них.

Котел, оставленный самкою без присмотра, начинает перекипать; возникает большое пламя, бьющее в трубу. Ведьма появляется в этом огне со страшным воплем.

Ведьма

Ай-ай-ай-ай! Вот всех вас я!
Проклятый зверь, свиньей свинья!

Проспал котел! Обжег меня!

Вот всех вас я!

(Замечая Фауста и Мефистофеля.)

Что вижу я!
Зачем вы к нам?
Что нужно вам?
Вот я вам дам:
Сожгу я вас
Огнем сейчас!

(Черпает ложкой из котла и брызжет на всех огнем. Звери визжат.)

Мефистофель

(обернув веник, бьет посуду)

Раз – бью, два – бью!
Котлы свалю,
Стряпню пролью!
Знай, морда: так
Стучу я в такт
Под песнь твою.

Ведьма отступает в ярости и ужасе.

Ну что, костлявая? Теперь узнала ты?
Узнала, пугало, царя и господина?
Махну рукой – и все твои скоты
И ты сама – все прахом, образина!
Не уважаешь красный мой камзол?
Петушьего пера узнать не можешь?
Иль я, закрыв лицо, сюда пришел?
Что ж, самому назваться мне предложишь?

Ведьма

Простите, сударь, мне за грубый мой привет!
Но конского при вас копыта нет, –
И вороны куда, скажите мне, девались?

Мефистофель

На этот раз уж пусть тебе сошло!

С тех пор воды немало утекло,
Как мы с тобой в последний раз видались.
Цивилизация велит идти вперед;

Теперь прогресс с собой и черта двинул.
Про призрак северный забыл везде народ,
И, видишь, я рога, и хвост, и когти кинул.
Хоть ногу конскую иметь я должен все ж,
Но с нею в публике являться не желаю
И вот в фальшивых икрах щеголяю,
Как франтовская молодежь.

Ведьма

(пляшет)

Ах, голова пошла от радости кругом!
Голубчик сатана, вы снова здесь со мною!

Мефистофель

Тсс! Не зови меня, старуха, сатаной!

Ведьма

Как? Почему же? Что дурного в том?

Мефистофель

Давно попало в басни это слово!
Что толку, впрочем, от таких затей?
Не меньше стало злых людей,
Хоть и отвергли духа злого.
Теперь мой титул – «господин барон»:
Других не хуже, рыцарь я свободный;
А что я крови благородной –
Так вот мой герб! Хорош ли он?

(Делает неприличный жест.)

Ведьма

(смеясь во все горло)

Ха-ха-ха-ха! Да, это в вашем роде!
Вы все шалун такой же продувной!

Мефистофель

(Фаусту)

Учись, мой друг, и поспевай за мной:
Вот что приятно ведьмам в обиходе.

Ведьма

Чем, господа, служить могу вам я?

Мефистофель

Подай стакан известного питья;
Но только, знаешь, постарее!
Оно – что год, то действует сильнее.

Ведьма

Охотно. У меня имеется флакон:
Я лакомлюсь порой сама, когда придется.
Притом нисколько не воняет он.
Для вас стакан-другой всегда найдется.

(Тихо Мефистофелю.)

Но если чарами ваш друг не защищен,
Ему и часу жить не остается.

Мефистофель

Не бойся: без вреда приятель выпьет мой
Венец стряпни твоей и знания.
Черти же круг, промолви заклинанья
И влей в стакан напиток чудный твой.

Ведьма со странными жестами выводит круг и ставит в него разные предметы. Стаканы и горшки начинают звенеть и составляют концерт. Наконец она приносит большую книгу и ставит мартышек в круг. Одна из них держит на спине книгу, другие стоят с факелами. Затем она кивает Фаусту, чтоб он подошел.

Фауст

(Мефистофелю)

К чему, скажи мне, эти представления?
Чушь глупая, безумные движенья,
Обман и ложь пошлейшие кругом.
Мне этот вздор давно знаком.

Мефистофель

Чудак, ведь это лишь для смеха!
Не будь к старухе слишком строг:
Она ведь тоже врач. Пусть будет ей потеха.
Без этого питье тебе пойдет не впрок.

(Заставляет Фауста войти в круг.)

Ведьма

(напыщенно декламируя по книге)

Пойми: причти
Раз к десяти,
Два опусти,
А три ставь в ряд –
И ты богат.
Четыре сгладь,
А шесть и пять
За семь считать
И восемь раз –
Закон у нас.

Пусть девять в счет
За раз пойдет,
А десять сгладь.
Так ведьма учит умножать!

Фауст

Старуха, видно, бредит в лихорадке.

Мефистофель

О, это, друг, еще одни начатки,
А далее вся книга так гласит!
Понять ее стараться – труд напрасный:
Глупец и умный с толку будет сбит
Противоречий массою ужасной.
Все это и старо, и ново! Посмотри
В историю и вспомни: не всегда ли,
Три за одно, одно за три
Считая, люди вздор за правду выдавали?
Так учат зря болтать с начала всех веков, –
С глупцами заводить никто не хочет спора.
Да людям редко что и нужно, кроме слов:
Что в них есть мысли, – верят без разбора!

Ведьма

(продолжая)

Познания свет
Для всех секрет,
Для всех без исключенья!

Порою он,
Как дар, сужден
И тем, в ком нет мышленья!

Фауст

Какая чушь! Я убежать готов:
Пожалуй, лопнет голова от вздора.
Я точно слышу песню хора
Ста тысяч круглых дураков!

Мефистофель

Ну, будет, будет, мудрая Сивилла!
Ты лучше бы стаканчик предложила,
Налив его полнее, до краев.
Приятелю он не придется солон:
Недаром ведь все степени прошел он
И много разных дельвал глотков.

Ведьма с разными церемониями наливает питье в бокал: когда Фауст подносит его к губам, вылетает легкое пламя.

Мефистофель

Живее пей до дна бокал –
И ты мгновенно ободришься.

На «ты» давно ты с чертом стал,
А все еще огня боишься.

Ведьма открывает круг; Фауст выходит.

Мефистофель

Теперь стоять не надо; живо в путь!

Ведьма

Пусть вам глоточек принесет отраду!

Мефистофель

(ведьме)

При случае получишь ты награду;
В Вальпургиеву ночь мне можешь намекнуть.

Ведьма

Вот песенка: чтоб дать всю силу соку,
По временам ее должны вы петь.

Мефистофель

(Фаусту)

Скорей! Иди, а то не будет проку:
Ты непременно должен пропотеть,
Чтоб весь насквозь ты пропитался зельем.
Ты прогуляешься спокойно, без забот –

И вдруг почувствуешь с отрадой и весельем,
Как сладко Купидон играть в тебе начнет.

Фауст

Дай в зеркало мне бросить взор прощальный:
Так был прекрасен образ идеальный!

Мефистофель

Не стоит: скоро въявь увидишь ты
Образчик лучший женской красоты.

(В сторону.)

Да, этим зельем я тебя поддену.
Любую бабу примешь за Елену!

Улица

Фауст и Маргарита, проходят.

Фауст

Прекрасной барышне привет!
Я провожу вас, если смею.

Маргарита

Прекрасной барышни здесь нет!
Домой одна дойти сумею.

(Вырывается и уходит.)

Фауст

Как хороша! Я клятву б дал,
Что в жизнь подобной не видал!
Так добродетельна, скромна –

И не без колкости она.
А взор потупленных очей –
Запечатлен в душе моей.
Румяных губ и щечек цвет...
Ах, позабыть его – нет сил!
А как суров и краток был
Ее находчивый ответ!
Восторг – и слов тут больше нет!

Входит Мефистофель.

Фауст

Ты должен мне добыть девчонку непременно.

Мефистофель

Какую?

Фауст

Ту, что только что прошла.

Мефистофель

Как, эту? У попа она сейчас была
И от грехов свободна совершенно:
К исповедальне подойдя,
Отлично все подслушал я.
Она на исповедь напрасно
Пришла: невинна, хоть прекрасна, —
И у меня над нею власти нет.

Фауст

Не меньше ж ей четырнадцать лет?

Мефистофель

Ты говоришь, как Дон Жуан порочный:
Подай ему сейчас любой цветок!
Он мнит, что нет любви, нет чести прочной,
Которой он похитить бы не мог!
Но не всегда бывает это впрок.

Фауст

Достопочтенный ментор мой, нельзя ли
Меня теперь избавить от морали?
Без лишних слов скажу тебе одно:
Знай, если эту ночь я в неге страстной
Не проведу с малюткою прекрасной,
То в полночь нам с тобой расстаться суждено!

Мефистофель

Подумай, друг: не все же мне подвластно!
Мне надобно не меньше двух недель,
Чтоб достижимой сделать эту цель:
Сыскать предлог, найти заручку...

Фауст

Будь семь часов спокоен я, –
Не надо черта мне в друзья,
Чтоб соблазнить такую штучку!

Мефистофель

Ты судишь, как француз, слегка.
Прошу тебя, однако, не сердиться.

К чему – так сразу: взять и насладиться?
Утеха, право, тут невелика.
Не лучше ли пойти путем интрижки,
Увлечь ее, водить и так и сяк,
Как учат нас иные книжки?

Фауст

Мой аппетит хорош и так.

Мефистофель

Нет, кроме шуток: лишь впросак
Попасть с горячностью здесь можно.
Здесь надо дело осторожно
Вести, – тут сила не возьмет:
Тут хитрый надобен подход.

Фауст

Достань же мне вещицу от бесценной,
Сведи меня в покой ее священный,
Достань платочек мне с ее груди,
Подвязку хоть на память мне найди!

Мефистофель

Ну, если так влюбился ты в девуцу –
Смотри, как верно я тебе служу
И каждую минутой дорожу:
Сегодня ж к ней сведу тебя в светлицу.

Фауст

К ней? Ею обладать?

Мефистофель

Ну вот!

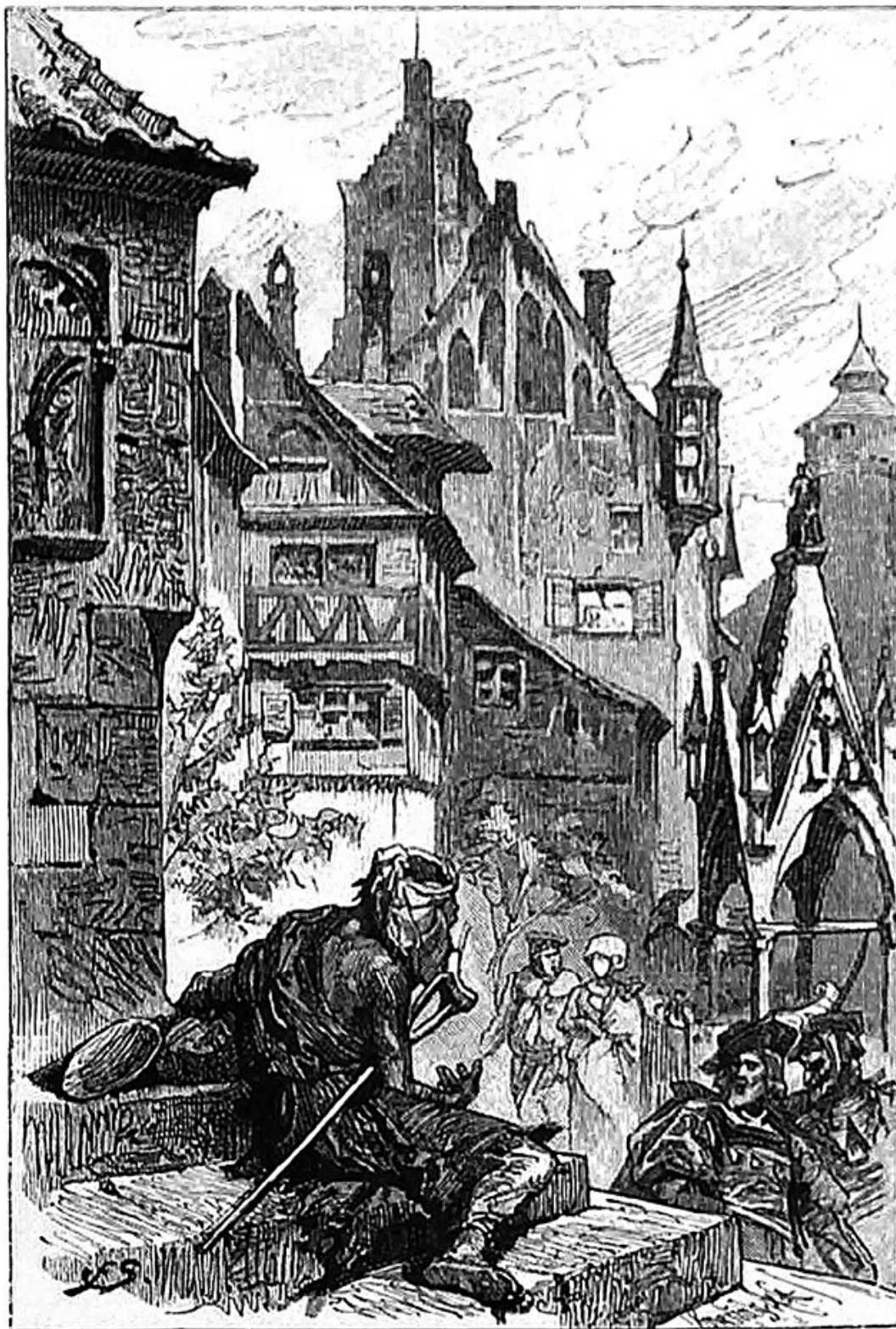
Не сразу же! Она уйдет
К соседке; ты ж, в уединеньи скромном,
О счастье будущем мечтам отдайся томным.

Фауст

Когда ж? Сейчас?

Мефистофель

Немного попоздней.

Фауст

Так не забудь достать подарок ей!

(Уходит.)

Мефистофель

Как, уж дарить? Недурно для начала!
Успехи делать может он вполне!
Известно много старых кладов мне:
Теперь пора проведать их настала.

Вечер

Маленькая опрятная комната. Маргарита заплетает косу.

Маргарита

Я, право, дорого б дала,
Когда бы я узнать могла,
Кто этот видный господин!
Должно быть, это дворянин:
Так благородно он глядел
И так уверен был и смел.

(Уходит.)

Мефистофель и Фауст.

Мефистофель

За мной, потише — вот сюда!

Фауст

(после некоторого молчания)

Я здесь один хочу остаться.

Мефистофель

(оглядывая комнату)

Да!
У девушек так чисто не всегда!

(Выходит.)

Фауст

(осматриваясь кругом)

О милый сумрак, о приют святой, –
Привет мой вам! Владей, любви томленье,
Душой моей; питай свое стремленье
Надежды милой сладкою росой!
Как дышит здесь повсюду дух покоя,
Порядком все проникнуто кругом!
Средь бедности довольство здесь какое!
Святой приют! Благословенный дом!

(Бросается в кожаное кресло у постели.)

Прими ж меня, семейный старый трон!
Отцов и дедов нежил ты покоем
В дни радости и горя, окружен
Детей беспечным шумным роем!
Быть может, и она, мой ангел, меж детей,
В красе румяных щечек, ликовала
И, благодарная за елку, всех нежней
Сухую руку деда целовала.
Твой дух, о дева, надо мной парит,
Дух тихого довольства и порядка;
Устами матери тебе он говорит,
Чтоб чистой скатертью твой стол был устлан гладко,
И учит посыпать, узоры выводя,
Песком весь чистый пол каморки тесной.
О милая рука! Божественность твоя
Из хижины создать способна рай небесный!
А здесь!

(Отдергивает полог кровати.)

Святой меня объемлет страх!
Я не ушел бы, кажется, отсюда!
Лелеяла природа в легких снах
Здесь ангела, и вот – явилось чудо!
Дитя дышало в сладком сне,
И чистой творческою силой
Прекрасный образ в тишине
Расцвел, божественный и милый!..

А я? Сюда что привело меня?
О небо, как глубоко тронут я!
Чего хочу? Чем совесть так задета?
О бедный Фауст, ты ли, ты ли это?
Не чары ли, под кровом полутьмы,
Здесь в воздухе? Я шел, чтоб насладиться, —
Пришел — и сердце грезами томится!
Иль ветерка игрушкой служим мы?
Как я своих бы мыслей устыдился,
Когда ее сейчас бы увидал!
Я за минуту был не больше как нахал,
Теперь же в прах пред нею бы склонился.

Мефистофель

(входя)

Скорей беги! Она сюда идет!

Фауст

Прочь! Навсегда! Ее мне видеть больно!

Мефистофель

А я принес и ларчик; вот —
Увесист, кажется, довольно!
Ей в шкаф поставим мы его:
Она с ума сойдет, ручаюсь!
Такой вещицей хоть кого
Для вас сманить я обещаю:
Игра — всегда игра; дитя — всегда дитя!

Фауст

Осмелюсь ли?

Мефистофель

Вы это не шутя? Хотите ларчик вы себе оставить?

Так раньше бы сказать, не ждать до этих пор,
Чтоб нам не тратить времени на вздор
И от пустых меня хлопот избавить!
Не скряга ж вы, надеюсь, милый мой!
Для вас затылок трешь, мозолишь руки...

(Ставит ларчик в шкаф и запирает его.)

Ну, прочь! Скорей теперь за мной!
Пусть соблазняется: ей надо быть одной!
А вы – стоите с видом скуки,
Как будто вам приходится идти
На лекцию, и вот уж на пути
И метафизика, и физика пред вами
Живьем стоят с постылыми словами!

Уходят. Маргарита входит с лампой.

Маргарита

Как душно! Тяжесть в воздухе какая!

(Открывает окно.)

А ночь совсем не так тепла.
Скорей бы маменька пришла!
Чего-то все боюсь одна я,
И страх, и дрожь меня берет:
Такой мы глупенький народ!

(Начинает петь и раздеваться.)

Жил в Фуле¹⁰ король; он до гроба
Был верен душою простой;
Ему, умирая, зазноба
Оставила кубок златой.
И стал ему кубок заветный
Дороже всего с этих пор;
Он пил – и слезой чуть заметной
Средь пира туманился взор.
И роздал король пред кончиной
Наследникам все города;
Но кубок – лишь кубок единый –
Оставил себе навсегда.

¹⁰ Фула – сказочная страна на Крайнем Севере.

Морские валы грохотали
Под башней, бушуя у скал;
Меж рыцарей, в дедовской зале,
Прощаясь, король пировал.
И встал он, и выпил весь полный
Свой кубок, – с ним жизни весь пыл;
И в шумные, бурные волны
Священный свой кубок пустил.
Он видел, как кубок, волною
Подхвачен, черпнул и пропал;
И очи покрылися тьмою, –
И пить он, и жить перестал.

(Отпирает шкаф, чтобы убрать платье, и видит ларчик.)

Как этот ларчик тут явиться мог?
Шкаф, кажется, был заперт на замок.
Вот странно! Что за вещи тут – не знаю!
Но, впрочем, понимать теперь я начинаю:
Не взят ли, может быть, он маменькой в залог?
А! ключик здесь, привязанный тесьмою.
Что, если я его возьму да и открою?

(Отпирает.)

Что это! Боже мой! Чудеснейший убор!
Не приходилось мне такого до сих пор
Видать нигде. Его и барыня б надела
И на гулянье в нем отправилась бы смело.
Цепочку бы надеть: каков-то в ней мой вид?
Чья ж эта роскошь вся? Кому принадлежит?

(Наряжается и смотрит в зеркало.)

Хоть серьги мне иметь хотелось бы ужасно!
Наденешь их – сейчас совсем уже не то!
К чему красивой быть? Совсем, совсем напрасно!
Не худо это, – я, конечно, в том согласна;
Да люди красоту нам ставят ни во что
И хвалят только нас из жалости. Вот слава:
Все денег ждут,
Все к деньгам льнут;
Ах, бедные мы, право!

Гулянье

Фауст задумчиво прохаживается.
Подходит Мефистофель.

Мефистофель

Клянусь отвергнутой любовью, бездной ада!
Ругался б хуже я, да нечем, – вот досада!

Фауст

Ну, что с тобой? Вот морда-то из морд!
Что там могло с тобою приключиться?

Мефистофель

Я рад бы к черту провалиться,
Когда бы сам я не был черт!

Фауст

Да ты не спятил ли, приятель?
К лицу ль тебе беситься, к стати ль?

Мефистофель

Подумай: ценный наш убор
Стащил у Гретхен патер-вор.
Мамаше Гретхен показала,
А той сейчас же жутко стало:
В молитвы вся погружена
И чуткой быть приучена,
Повсюду нюхает она,
Свята ли штука иль грешна, –
А тут разгадка, видимо, простая,
Что святость в этом ларчике плохая.
«Дитя мое, – старуха шепчет ей, –
Неправое имянье – лютый змей!

Снесем его Царице мы Небесной –

И манны нам пошлет она чудесной».

Бедняжка Гретхен от таких речей
Поморщилась, надула молча губы:
Дареному коню не смотрят, дескать, в зубы,
И чем же, мол, уж так безбожен был,
Кто мне сережки подарил?
Мать между тем попа призвать успела;
Тот сразу видит, в чем тут дело.
«Поступку вашему я рад, –
Им говорит он с постной рожей, –
Кто воздержался – тот богат».
Желудок, мол, хорош у Церкви Божьей;
Немало стран уж слопала она
И несвареньем все же не больна.
Одна лишь Церковь может, без сомненья,
Переварить неправые именья.

Фауст

Да, все берет она сегодня, как вчера!
Король и жид на то такие ж мастера.

Мефистофель

Потом браслеты, кольца, брошки
Загреб он, как грибы в лукошке,
Прибрал – спасибо не сказал,
Как будто горсть орехов взял,
И посулил за то награды
В раю, а те стоят – и рады!

Фауст

А Гретхен?

Мефистофель

Мучится, жалеет:
Подарок спать ей не дает –
И день и ночь с ума нейдет,
А с ним – кто так дарить умеет.

Фауст

Бедняжка! Как ее мне жаль!
Другой достать для ней нельзя ль?
Да не такие безделушки.

Мефистофель

Для вас, конечно, всё игрушки!

Фауст

Я так хочу, – хоть разорвись!
Да ты к соседке подберись:
Будь бес как бес, не размазня!
Чтоб был подарок у меня!

Мефистофель

Так точно, сударь: рад служить на славу!

Фауст уходит.

Влюбившийся дурак на глупости горазд:
И солнце, и луну, и звезды он отдаст
На фейерверк, – красоте на забаву!

Дом соседки

Марта

(одна)

Господь с тобой, мой муж! Скажу правдиво:
Ты поступил со мной несправедливо!
Пропал куда-то с буйной головой,
А я – седи соломенной вдовой!

А чем его я в жизни оскорбила?
Свидетель Бог, как я его любила!

(Плачет.)

Давно уж он и умер, может быть!
О смерти б хоть свидетельство добыть.
Входит Маргарита.

Маргарита

Ах, Марта!

Марта

Гретхен, что с тобою?

Маргарита

Колена гнутся подо мною:
В шкафу я вновь ларец такой
Нашла с чудесною резьбой;
А вещи – просто загляденье
И лучше прежних без сравненья.

Марта

Ты матери о том не говори,
А то опять снесет на покаянье!

Маргарита

Ах, погляди! Ах, посмотри!

Марта

(наряжая ее)

Ах ты, счастливое создание!

Маргарита

Что толку в том! Ведь в них не смею я
Ни погулять, ни в церкви показаться...

Марта

А ты бывай почаще у меня:
Тихонько здесь ты можешь наряжаться.
Пред зеркальцем повертишься часок:
Вот нам и радость будет, мой дружок!
А там, при случае, – ну, в праздник, что ли, –

станем
Мы вещь за вещью в люди надевать:
Цепочку, серьги там... Твоя старуха-мать
И не заметит их; а то ведь и обманем!

Маргарита

Но ларчик как ко мне поставлен в шкаф и кем?
Тут, Марта, что-то есть, – тут чисто не совсем.

(Стучатся.)

Ах боже мой, не мать ли уж за мною?

Марта

(смотрит в дверное окошечко, отдернув занавеску)

Какой-то господин; сейчас ему открою.

(Отворяет дверь.)

Пожалуйте.

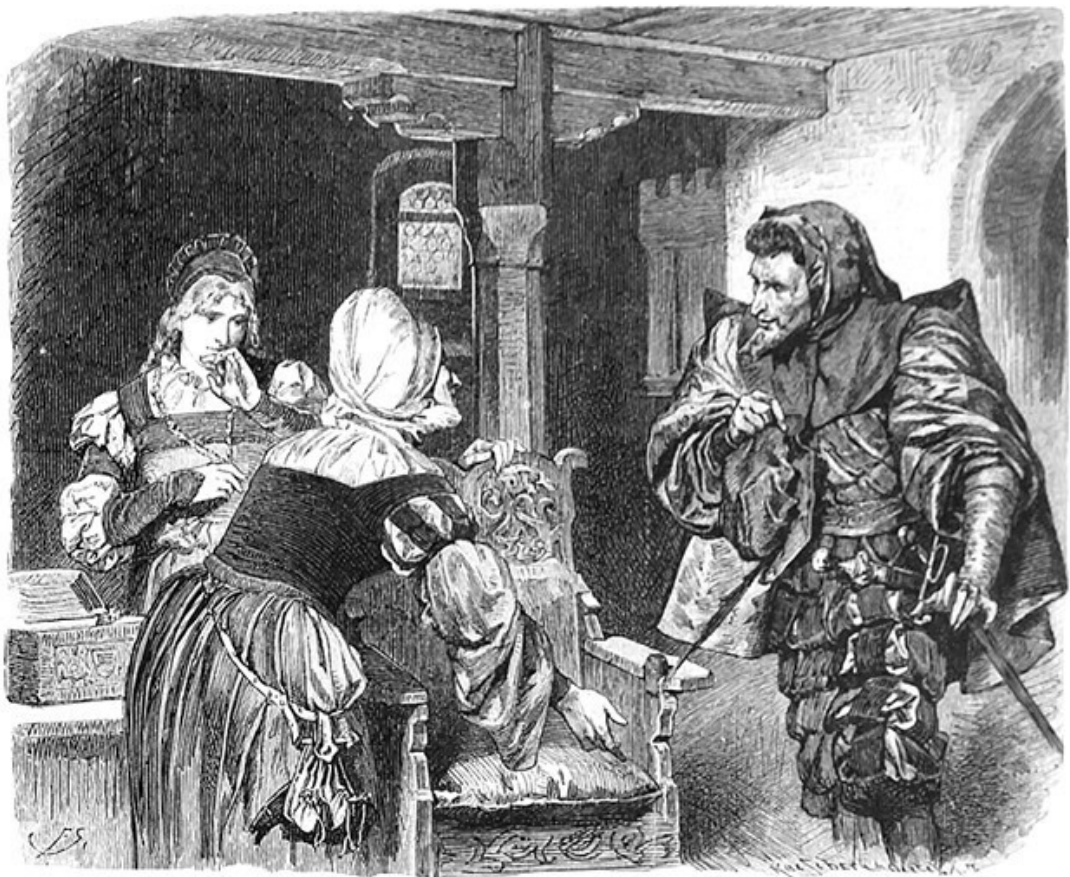
Мефистофель

(входя)

Прошу простить меня,
Что прямо к вам вхожу я так свободно.

(Почтительно отступает перед Маргаритой.)

Я к Марте Швердтлейн.

Марта

Марта – это я.
Что, сударь, будет вам угодно?

Мефистофель

(тихо Марте)

Благодарю: теперь я знаю вас;
Но барышня в гостях у вас сейчас;
Итак, прошу прощенья за помеху.
Я к вам зайду попозже: мне не к спеху.

Марта

Вы, сударь, приняли за барышню ее?
Подумай, – что за честь тебе, дитя мое!

Маргарита

Ах, вовсе нет! Я девушка простая...
Вы чересчур добры... Цепочка золотая
И эта брошка – не моя.

Мефистофель

Сударыня, судил не по цепочке я!
Осанка, взгляд ваш – как у дамы знатной.
Так я могу остаться? Как приятно!

Марта

Ну что ж, какую же вы принесли мне весть?

Мефистофель

О, как желал бы я вам лучшую принести!
Да, тяжело слова мне выговорить эти:
Ваш добрый муж велел вам долго жить на свете.

Марта

Он умер? Мой дружок, супруг мой дорогой!
Ах, я не вынесу! За что беда такая!

Маргарита

Ах, Марта, не тужи, утешься, дорогая!

Мефистофель

Угодно ль выслушать рассказ печальный мой?

Маргарита

Нет, лучше жить, любви совсем не зная:
Я б умерла от горести такой!

Мефистофель

Нет худа без добра, и нет добра без худа!

Марта

Скажите ж, как и где он дух свой испустил?

Мефистофель

Лежит он в Падуге, там, далеко отсюда,
Святой его Антоний приютил.
Он спит теперь сном вечным и отрадным
В священном месте, тихом и прохладном.

Марта

Что ж поручил он вам?

Мефистофель

Мне долг велит

Большую передать вам просьбу: непременно
Просил он отслужить три сотни панихид.
Карманы ж у меня – пустые совершенно.

Марта

Как? Ни одной монетки? Ни одной
Вещицы? Да любой мастеровой
В своей котомке что-нибудь приносит
На память в дом и делится с женой;
Скорей не ест, не пьет и милостыню просит!

Мефистофель

Мадам, мне очень жаль; а впрочем, ваш супруг
Не расточитель был. Он вынес много мук,
Когда в грехах своих он каялся душевно
И жаловался всем, как жизнь его плачевна.

Маргарита

О, как несчастны люди! За него
Я помолюсь от сердца моего.

Мефистофель

Вы замуж выйти хоть сейчас достойны:

Такое вы премилое дитя!

Маргарита

Ах нет, мне рано!..

Мефистофель

Будьте в том спокойны,

И поручусь вам чем угодно я,
Что лучший кавалер обрадовался б счастью
Такую прелесть обнимать со страстью.

Маргарита

Обычай скромный наш на это не похож.

Мефистофель

Обычай или нет, – бывает это все ж!

Марта

Ну, продолжайте же!

Мефистофель

Я был при смертном ложе

Супруга вашего: под ним всего была
Солома лишь одна навозная, но все же
Он умер во Христе, кляня свои дела.
«Увы! – он восклицал. – Достоин я проклятья
За то, что бросил так жену и все занятья!

Воспоминание об этом – казнь моя.
Ах, если бы жена грехи мне отпустила!»

Марта

(плача)

Мой добрый муж, давно я все тебе простила!

Мефистофель

«Но, видит Бог, она еще грешней, чем я!»

Марта

Он лжет! Бездельник! Лгать у гробового края!..

Мефистофель

О да! Поверьте мне, подумал сам тогда я,
Что это бредит зря в предсмертных муках он.
Он говорил: «Я жил не праздну, не зевая, –
В поту лица детей и хлеб свой добывая,
Ел только черствый хлеб, измучен, истощен,
Но и того не мог ни разу съесть в покое».

Марта

А всю мою любовь, дневное и ночное
Страданье он забыл? Вся верность – нипочем?

Мефистофель

О нет, он свято помнил обо всем!
Он говорил: «Из Мальты уезжая,

Молился я о детях, о жене, —
И милость Небо ниспослало мне:
Нам в море барка встретила большая
Турецкая, которая везла
Несметные сокровища султана.
Напали мы, и храбрость верх взяла,
И мне уделена частичка тут была,
При дележе богатства басурмана».

Марта

Ах! Где ж он деньги дел? Быть может, их зарыл?

Мефистофель

Ну, денег тех искать — что ветра в поле!
Когда потом в Неаполе он был
И здесь, как гость, покучивал на воле —
Им крепко занялась красавица одна;
И вот участие приняла она
Столь близкое в его печальной доле,
Что он ее любовь и верность оценил
И знаки нежности до гроба сохранил.

Марта

Подлец! Мерзавец! Вор! Враг своего семейства!
Ни горе, ни нужда, ни смертный час — ничто
Не сокрушило в нем бесстыдства и злодейства!

Мефистофель

Ну вот и умер он зато!
На вашем месте я, даю вам слово,
Всего лишь год бы траур поносил,
А там бы мужа стал искать другого.

Марта

Увы, каков мой первый был,
Навряд ли я найду второго!
Такой он был милейший дурачок!
Любил он только жен чужих, к несчастью.
Вино чужое пил, где только мог,
Да был бродягою, да был еще порок:
Игре проклятой предан был со страстью.

Мефистофель

И только? Что ж, когда и вам
Он позволял, что делал сам,
Так жить с ним было превосходно!
С таким условием с вами нам
Ударить можно по рукам.

Марта

Насмешник! Вам шутить угодно.

Мефистофель

(про себя)

Удрать теперь: у ней такая прыть,
Что даже черта рада подцепить.

(Маргарите.)

А ваше сердце все еще свободно?

Маргарита

Что вы сказать хотите?

Мефистофель

(про себя)

О дитя
Невинное!

(Громко.)

Я уйду. Простите!

Маргарита

Прощайте!

Марта

Ах, минутку подождите:

Свидетельство иметь хотела б я,
Где ясно б каждый пункт обозначался –
Когда и где и как мой муж скончался.
Порядка другом я всегда была,
А потому охотно бы прочла
Известие о смерти и в газете.

Мефистофель

Сударыня, повсюду, в целом свете
Свидетелей достаточно двоих,
Чтоб истину упрочить. Вот, пожалуй,
Есть у меня приятель, – славный малый;
Он подтвердит правдивость слов моих.
Я приведу его сюда.

Марта

Ах, приведите!

Мефистофель

А барышня придет?
Прошу вас, приходите!

Он молодец собой, умен:
Ну, словом, кавалер вполне изящный он.

Маргарита

Боюсь, придется мне краснеть пред господином!

Мефистофель

Краснеть? – Ни пред одним на свете властелином!

Марта

Так вечерком у нас в саду
Я с нею вас сегодня жду.

Улица

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Ну что? Ну как? Идет на лад?

Мефистофель

Ого! В огне вы! Вот так диво!
Не бойтесь: птичку схватим живо!
Пойдем сегодня к Марте в сад.
Вот баба, доложу вам! Точно

Быть сводней создана нарочно.

Фауст

Прекрасно!

Мефистофель

Но и ей должны мы удружить.

Фауст

Что ж, за услугу я готов служить.

Мефистофель

Она добыть от нас свидетельство б хотела
О том, что брненное ее супруга тело
В могиле, в Падуе, почило вечным сном.

Фауст

Умно! Так съездить мы туда должны сначала?

Мефистофель

Sancta simplicitas!¹¹ Еще недоставало!
Свидетельство и так, без справок, подмахнем.

Фауст

¹¹ Святая простота! (лат.)

Когда нет лучшего – то, значит, все пропало.

Мефистофель

О муж святой, ужель вы всех других честней
Хотите быть? Ужель ни разу не давали
Свидетельств ложных в жизни вы своей?
О Боге, о земле, о том, что скрыто в ней,
О том, что в голове и в сердце у людей
Таится, – вы давно ль преважно толковали
С душою дерзкою, с бессовестным челом?
А если мы вникать поглубже начинаем –
Сейчас же видим мы, что знали вы о том
Не более, чем мы о муже Марты знаем.

Фауст

Софист и лжец ты был и будешь!

Мефистофель

Обмануть

Меня не пробуйте: я знаю, в чем тут суть.
Не завтра ли, душа святая,
Бедняжку Гретхен надувая,
В любви божиться станешь ты?

Фауст

И от души!

Мефистофель

Ну да, конечно,

И в вечной верности, и в вечной
Любви, и в страсти бесконечной.

И все от сердца полноты?

Фауст

Оставь! Когда я чувством нежным
Томлюсь, назвать его хочу,
Порывам бурным и мятежным
Напрасно имени ищу,

И мыслью мир весь облетаю
И высшие слова хватаю,
Какие лишь найти могу, –
И называю пыл сердечный
Любовью вечной, бесконечной, –
Ужель тогда, как бес, я лгу?

Мефистофель

А все-таки я прав!

Фауст

Послушай: всяк имеет

Свой взгляд, но, чем надсаживать нам грудь,
Скажу тебе одно, а ты не позабудь:
Кто хочет правым быть и языком владеет,
Тот правым быть всегда сумеет.
Итак, скорей! Что толку в болтовне?
Будь прав хоть потому, что нужно это мне!

Сад

Маргарита под руку с Фаустом, а Марта с Мефистофелем прогуливаются по саду.

Маргарита

Я чувствую, что вы жалеете меня,
Ко мне снисходите; мне перед вами стыдно;
Вы путешественник: привыкли вы, как видно,

Всегда любезным быть. Ведь понимаю я,
Что вас, кто столько видел, столько знает,
Мой бедный разговор совсем не занимает.

Фауст

Одно словечко, взор один лишь твой
Мне занимательней всей мудрости земной.

(Целует ее руку.)

Маргарита

Ах, как решились вы! Ну что вам за охота!
Взгляните, как жестка, груба моя рука;
Лежит на мне ведь всякая работа:
У маменьки любовь к порядку велика.

Проходят.

Марта

И что же? Так должны вы ездить вечно?

Мефистофель

Что делать: ремесло и долг нам так велят!
В иных местах остаться был бы рад,
А надо ехать, хоть скорбишь сердечно.

Марта

Пока кто молод, почему
По свету вольной птицей не кружиться!
А вот как в старости придется одному
К могиле, сирому, холостяком тащиться –
Едва ли это нравится кому.

Мефистофель

Увы, со страхом я предвижу это.

Марта

Ну что же, вовремя послушайте совета!

Проходят.

Маргарита

Да, с глаз долой – из сердца вон!
Лишь по привычке вы учтивы.
Других друзей всегда б найти могли вы,
Кто вправду сведущ и умен.

Фауст

О друг мой, верь, что мудрость вся людская –
Нередко спесь лишь пошлая, пустая!

Маргарита

Как?

Фауст

О, зачем невинность, простота
Не знает, как она бесценна и свята!
Смиренье, скромность чувств невинная, святая –
Вот самый лучший дар для нас.

Маргарита

Когда б вы обо мне подумали хоть раз,
О вас бы думала с тех пор всегда, всегда я.

Фауст

И часто ты одна?

Маргарита

Да; хоть невелико

У нас хозяйство – все же нелегко
Его вести. Служанки нет: должна я
Варить, мести и шить; с рассвета на ногах...
А маменька во всем престога такая
И аккуратна так, что просто страх!
И не от бедности: мы вовсе не такие,
Чтоб хуже жить, чем все живут другие.
Отец покойный мой довольно был богат,
Оставил домик нам, а с ним и старый сад.
Теперь наш дом затих, труды мне легче эти:
Ушел служить в солдаты брат,
Сестрички нет уже на свете...
Немало с ней хлопот я приняла,
Но вновь все перенести я с радостью б могла:
Так было мне дитя родное мило!

Фауст

О, если на тебя малютка походила –
Она, конечно, ангелом была!

Маргарита

Да. Я ее вскормила, воспитала...
И как меня любить малютка стала!
Отца уж не было в живых, когда на свет
Она явилась; матушка ж, бедняжка,
Слегла в постель и захворала тяжко;
Мы думали, что уж надежды нет,
И времени прошло у нас немало,
Пока она поправилась и встала.
Где ж было ей самой кормить дитя!
И вот его взялась лелеять я,
Кормила крошку молоком с водою, –
Она совсем, совсем моя была,
И на руках моих, по целым дням со мною,
Барахталась, ласкалась и росла.

Фауст

Чистейшим счастьем ты в то время обладала!

Маргарита

И горя тоже много я видала.
Со мною по ночам стояла колыбель
Рядком; дитя чуть двинется – я встану.
Беру из люльки и к себе в постель
Кладу иль молоком кормить, бывало, стану;
А не молчит – должна опять вставать,
Чтоб проходить всю ночь да песни распевать.
А по утрам – белье: чуть свет встаю и мою;
Там время на базар, на кухню там пора, –
И так-то целый день, сегодня, как вчера!
Да, сударь: иногда измучишься заботой!
Зато и сладко спишь, зато и ешь с охотой.

Проходят.

Марта

Холостяки, всегда вы таковы:
Чрезмерно к бедным женщинам суровы!

Мефистофель

О, мы всегда исправиться готовы,
Найдя такую женщину, как вы!

Марта

Признайтесь: есть у вас кто на примете?
Привязанность – есть где-нибудь на свете?

Мефистофель

Пословица гласит: жена своя и кров
Дороже всех на свете нам даров.

Марта

Но до любви у вас не доходило дело?

Мефистофель

Я всюду и всегда любезно принят был.

Марта

Не то! Серьезен ли был ваш сердечный пыл?

Мефистофель

Ну, с дамами шутить – чрезмерно было б смело!

Марта

Ах, вы не поняли!

Мефистофель

Жалею всей душой!
Но очень понял я, как вы добры со мной!

Проходят.

Фауст

Так ты меня сейчас, мой ангельчик, узнала,
Когда перед тобой в саду явился я?

Маргарита

Вы видели, что я потупилась сначала.

Фауст

И ты меня простишь, прекрасная моя,
Что я себе тогда позволил слишком много,
Когда к тебе я подошел дорогой?

Маргарита

Смутилась я: мне это в первый раз.
Насчет меня нигде не говорят дурного.
Уж не нашел ли он – я думала о вас –
Во мне бесстыдного чего-нибудь такого,
Что прямо так решился подойти,
Игру с такой девчонкой завести.
Но все ж во мне, признаться, что-то было,
Что в вашу пользу сильно говорило.
И как же на себя сердита я была,
Что я на вас сердиться не могла!

Фауст

Мой друг!

Маргарита

Пустите-ка!

(Срывает астру и оципывает лепестки.)

Фауст

Что рвешь ты там? Букет?

Маргарита

Нет, пустяки, – игра.

Фауст

Что?

Маргарита

Полно вам смеяться!

(Шепчет.)

Фауст

Что шепчешь ты?

Маргарита

(вполголоса)

Он любит – нет; он любит – нет!

Фауст

О ангел, как тобой не восхищаться!

Маргарита

(продолжает)

Он любит – нет; он любит – нет!

(Вырывая последний лепесток, радостно.)

Он любит! Да!

Фауст

О, пусть цветка ответ

Судьбы глаголом будет нам, родная!
Да, любит он! Поймешь ли, дорогая?

(Берет ее за обе руки.)

Маргарита

Я вся дрожу!

Фауст

О, не страшись, мой друг!

Пусть взор мой, пусть пожатье рук
Тебе расскажут просто и не ложно,
Что выразить словами невозможно!
Отдайся вся блаженству в этот час
И верь, что счастье наше бесконечно:
Его конец – отчаянье для нас!
Нет, нет конца! Блаженство вечно, вечно!

Маргарита жмет ему руку, вырывается и убегает; Фауст стоит несколько минут в задумчивости, потом следует за нею.

Марта

(подходя)

Смеркается.

Мефистофель

Да, нам пора домой.

Марта

Я вас подольше б удержать хотела,
Но знаете, уж город наш такой:
Как будто здесь у всех другого нет и дела,
Заботы будто нет у них другой,
Как только за соседями день целый
Подсматривать; и что ты тут ни делай, –
Глядишь, – пошла уж сплетня меж людей.
А наша парочка?

Мефистофель

Вдоль по саду пустилась,
Как пара мотыльков.

Марта

Она в него влюбилась.

Мефистофель

А он в нее. Таков уж ход вещей!

Беседка

Маргарита вбегает, становится за дверь, прикладывает пальцы губам и смотрит сквозь щель.

Маргарита

Идет!

Фауст

Меня ты дразнишь? Ах, плутовка!
Постой же: я тебя поймаю ловко.

(Целует ее.)

Маргарита

(обнимая его и возвращая поцелуй)

Люблю тебя всем сердцем, милый мой!

Мефистофель стучится.

Фауст

(топая ногой)

Кто там?

Мефистофель

Приятель.

Фауст

Скот!

Мефистофель

Пора домой.

Марта входит.

Марта

Да, сударь, поздно уж.

Фауст

Позволите ль из сада
Вас проводить?

Маргарита

А маменька? Меня

Так проберет она за это!.. Нет, не надо!
Прощайте!

Фауст

Очень жаль, что должен я

Уйти так скоро, против ожидания.
Прощайте же!

Марта

Адъё!

Маргарита

До скорого свиданья.

Фауст и Мефистофель уходят.

Маргарита

Ах боже мой, как он учен!
Чего не передумал он!
А я – краснею от стыда,
Молчу иль отвечаю: да...
Ребенок я, – он так умен:
И что во мне находит он?

(Уходит.)

Лес и пещера

Фауст

(один)

Могучий дух, ты все мне, все доставил,
О чем просил я. Не напрасно мне
Свой лик явил ты в пламенном сиянии.
Ты дал мне в царство чудную природу,
Познать ее, вкусить мне силы дал;
Я в ней не гость, с холодным изумленьем
Дивящийся ее великолепью, –
Нет, мне дано в ее святую грудь,
Как в сердце друга, бросить взгляд глубокий.
Ты показал мне ряд созданий жизни,
Ты научил меня собратий видеть
В волнах, и в воздухе, и в тихой роще.
Когда в лесу бушует ураган,
И богатырь-сосна, ломаясь с треском,
В прах повергает ближние деревья,
И холм ее паденью глухо вторит –
В уединенье ты меня ведешь,
И сам себя тогда я созерцаю
И вижу тайны духа моего.
Когда же ясный месяц заблестит,
Меня сияньем кротким озаряя,
Ко мне слетают легкою толпою
С седой вершины влажного утеса
Серебряные тени старины
И созерцанья строгий дух смягчают.
Для человека, вижу я теперь,
Нет совершенного. Среди блаженства,
Которым я возвышен был, как Бог,
Ты спутника мне дал; теперь он мне

Необходим; и дерзкий, и холодный,

Меня он унижает и в ничто
Дары твои, смеясь, он обращает.
В груди моей безумную любовь
К прекраснейшему образу он будит;
Я, наслаждаясь, страсть свою тушу
И наслажденьем снова страсть питаю.

Входит Мефистофель.

Мефистофель

Чем жизнь такая радостна для вас?
Не надоест вам все в глуши слоняться?
Я понимаю – сделать это раз,
А там опять за новое приняться.

Фауст

Другое дело мог бы ты найти,
Чем в добрый час смущать меня бесплодно.

Мефистофель

Ну, ну! Не злись: ведь я могу уйти, –
Уйду совсем, когда тебе угодно.
С тобой, блажным, безумным, грубым, жить –
Неважный дар послала мне судьбина.
Весь день изволь трудиться и служить
И так и сяк старайся удружить:
Не угодишь ничем на господина.

Фауст

Ну вот, теперь упреки мне пошли!
Ты надоед, а я – хвали за это.

Мефистофель

А чем бы жил ты, жалкий сын земли,
Без помощи моей, не видя света?
Не я ль тебя надолго исцелил
От тягостной хандры воображенья?
Не будь меня, давно бы, без сомненья,
Здесь, на земле, ты дней своих не длил.
К чему же ты сюда, в леса и горы,
Как мрачный филин, обращаешь взоры?

Во влажном мху, под кровом темноты
Себе, как жаба, жизни ищешь ты.
Прекрасная манера веселиться!
Нет, все еще педант в тебе гнездится.

Фауст

Поймешь ли ты, что я в пустыне здесь
Чудесной силой оживаю весь?

Да, если б мог понять ты, то, конечно,
Как черт, ты мне б завидовал сердечно.

Мефистофель

Еще бы! Неземная благодать!
Всю ночь на мокром камне пролежать,
К земле и небу простирать блаженно
Объятья, раздуть себя надменно
До божества и в самый мозг земли
Впиваться мыслью, полною стремленья;
Все ощущать, что в мир внесли

Все шесть великих дней творенья;
Внезапно гордой силой воспылав,
Не знаю, чем-то пылко упиваться
И, всю вселенную обьяв,
В любви блаженной расплываться,
О смертности своей забыв совсем,
И созерцанье гордое затем
Вдруг заключить, а чем – сказать мне стыдно!

(Делает неприличное движение.)

Фауст

Тьфу на тебя!

Мефистофель

Не нравится, как видно?

Как тут стыдливо не плевать вам!
Ведь нравственным ушам внимать обидно
Про то, что мило нравственным сердцам!
Глупец! Ему позволил я порою
Полгать себе, потешиться игрою, –
Да вижу, что не выдержать ему.
Ты и теперь худеешь и томишься;
Не нынче – завтра возвратишься
К мечтам и страху своему.
Довольно же! Возлюбленная страждет,
Сидит она печальна и мрачна;

Тебя, тебя увидеть жаждет,
В тебя она безумно влюблена!
Любовь твоя недавно бушевала,
Как речка, что бежит со снежных гор,
Бедняжку Гретхен страстью заливала,
И вдруг – иссякла речка! Что за вздор!
По мне, чем здесь в лесу царить уныло –
Не лучше ли тебе вернуться вновь
И бесконечную любовь
Вознаградить своей бедняжки милой?
День медленно для ней идет:
Глядит она в окно, следит за облаками,
Бегущими грядой над старыми домами;
«Будь Божьей птичкой я!» – все только и поет,

И в полдень ждет, и в полночь ждет,
То равнодушной станет снова,
То вдруг всплакнет, не молвя слова,
И вновь влюбилась.

Фауст

О змея, змея!

Мефистофель

(про себя)

Пожалуй, лишь поймать тебя сумел бы я!

Фауст

Уйди, уйди отсюда! Сгинь, проклятый!
Не называй красавицу мне вновь
И не буди к ней плотскую любовь
В душе моей, безумием объята!

Мефистофель

Что ж, ей ведь кажется, что от нее уйти
Решил ты навсегда; да так и есть почти.

Фауст

Где б ни был я, мне всюду остается
Она близка; везде она – моя!
Завидую Христову телу я,
Когда она к Нему устами прикоснется¹².

Мефистофель

Так, милый мой! Не раз завидно было мне
При виде парочки на розах, в сладком сне.

Фауст

Прочь, сводник!

Мефистофель

Что ж, бранись; а я смеюсь над бранью,
Творец, мужчину с женщиной создав,
Сам отдал должное высокому призванью,
Сейчас же случай для того им дав.
Да полно же, оставь свой вид унылый! Подумаешь, какое горе тут:
Ведь в комнату к красоте милой,
А не на казнь тебя зовут!

Фауст

В ее объятьях рай небесный!
Пусть отдохну я на груди прелестной!
Ее страданья чую я душой!
Беглец я жалкий, мне чужда отрада,
Пристанище мне чуждо и покой.

¹² Речь идет о католическом обряде причащения.

Бежал я по камням, как пена водопада,
Стремился жадно к бездне роковой;
А в стороне, меж тихими полями,
Под кровлей хижины, дитя, жила она,
Со всеми детскими мечтами
В свой тесный мир заключена.
Чего, злодей, искал я?
Иль недоволен был,
Что скалы дерзко рвал я
И вдребезги их бил?
Ее и всю души ее отраду
Я погубил и отдал в жертву аду!
Пусть будет то, что суждено судьбой.
Бес, помоги, промчи мне время страха!
Пусть вместе, вместе в бездну праха
Она низвергнется со мной!

Мефистофель

Опять кипит! Опять пылает!
Ступай, утешь ее, глупец!
Чудак, всему уж и конец
Он видит, чуть лишь нить теряет.
Кто вечно смел, хвалю того;
Ты ж, с чертом столько дней проводивший, –
Ты что? Нет хуже ничего,
Как черт, в отчаянье пришедший!

Комната Гретхен

Гретхен

(одна за прялкой)

Покоя нет,
Душа скорбит;
Ничто его
Не возвратит.
Где нет его,
Там все мертво,
Там счастья нет,
Не красен свет.
Мой бедный ум
Смущен, молчит;
Мой бедный дух
Сражен, разбит.

Покоя нет,
Душа скорбит:
Ничто его
Не возвратит!
Лишь для него
В окно гляжу,
Лишь для него
Я выхожу.
Походка, стан,
Улыбка, взгляд,
Как талисман,
К себе манят.
Его речей
Волшебный звук,
Огонь очей,
Пожатые рук!
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
К нему, за ним
Стремится грудь;
К нему прильнуть
И отдохнуть!
Его обнять,
И тихо млеть,
И целовать,
И умереть!

Сад Марты

Маргарита и Фауст.

Маргарита

Так обещай же, Генрих, мне!

Фауст

Охотно,
Все, что могу!

Маргарита

Скажи ты мне прямой:
Как дело обстоит с религией твоей?
Ты славный, добрый человек, но к ней
Относишься как будто беззаботно.

Фауст

Оставь, дитя! Мою узнала ты любовь:
За близких сердцу рад свою пролить я кровь;
Не против веры я, кому в ней есть отрада.

Маргарита

Нет, мало этого: нам твердо верить надо.

Фауст

Да надо ли?

Маргарита

Ах, не найти мне слов,
Чтоб убедить тебя! Ты и Святых Даров
Не чтишь.

Фауст

Я чту их.

Маргарита

Да, но без охоты

Принять их. В церкви не был уж давно ты,
На исповедь не ходишь уж давно.
Ты в Бога веришь ли?

Фауст

Мой друг, кому дано
По совести сказать: я верю в Бога?
Священников ты спросишь, мудрецов, –
У них тебе ответ всегда готов;
Но весь ответ их, как рассудишь строго,
Окажется насмешкой над тобой.

Маргарита

Не веришь ты?

Фауст

Пойми же, ангел мой:

Назвать Его кто смеет откровенно?
Кто исповедать может дерзновенно:
Я верую в Него?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую в Него?
Он, Вседержитель
И Всехранитель,
Не обнимает ли весь мир –
Тебя, меня, себя?
Не высится ль над нами свод небесный?
Не твердая ль под нами здесь земля?
Не всходят ли, приветливо мерцая,
Над нами звезды вечные? А мы
Не смотрим ли друг другу в очи,

И не теснится ль это все
Тебе и в ум, и в сердце,
И не царит ли, в вечной тайне,
И зримо, и незримо вокруг тебя?
Наполни же все сердце этим чувством,
И, если в Нем ты счастье ощутишь, –
Зови Его как хочешь:
Любовь, блаженство, сердце, Бог!
Нет имени Ему! Все в чувстве!

И имя – только дым и звук,
Туман, который нам свет неба затемняет.

Маргарита

Как это хорошо, мой друг!
Нам это патер так же объясняет,
Немножко лишь в других словах.

Фауст

Везде, мой друг, во всех местах
Сиянье неба восхваляет
Весь мир на разных языках, –
И мой не хуже их нимало.

Маргарита

Да, как послушаешь, сначала
Все будто так, но горе в том,
Что не проникнут ты Христом.

Фауст

Дитя мое!

Маргарита

Я ужас ощущаю

Давно уже, – скорблю всем существом,
Когда тебя с товарищем встречаю.

Фауст

С кем это?

Маргарита

С кем повсюду ходишь ты.
Он ненавистен мне от сердца полноты!
Изо всего, что в жизни я видала,
Я не пугалась столько ничего,
Как гадкого лица его.

Фауст

Поверь мне, куколка, не страшен он нисколько.

Маргарита

Его присутствие во мне волнует кровь.
Ко всем и ко всему питаю я любовь;
Но как тебя я жду и видеть жажду,
Так перед ним я тайным страхом стражду;
Притом мне кажется, что плут он и хитрец,
И если клевету – прости меня, Творец!

Фауст

И чудачкам, как он, ведь жить на свете нужно!

Маргарита

Нет, жить с таким я не могла бы дружно!
Он всякий раз, как явится сюда,
Глядит вокруг насмешливо всегда,
В глазах его таится что-то злое,
Как будто в мире все ему чужое;
Лежит печать на злом его челе,
Что никого-то он не любит на земле!
С тобой всегда я так довольна,
Мне так легко, тепло, привольно;
При нем же сердцем унываю я.

Фауст

Ах ты, вещунья милая моя!

Маргарита

И столько он мне ужаса внушил,
Что, если к нам войти ему случится,
И ты как будто мне уже не мил.
При нем никак я не могу молиться;
И так тогда мне больно, милый мой!
И верно, Генрих, то же и с тобой.

Фауст

Здесь антипатия!

Маргарита

Прощай, идти мне надо.

Фауст

Мой друг, когда же будет мне отрада
Часочек хоть с тобою отдохнуть,
Душа с душой и с грудью грудь?

Маргарита

Ах, я дверей бы запирасть не стала,
Когда бы только я спала одна;
Но маменька: так чутко спит она,
И если б нас она застала,
Я с места, кажется, не встала бы живой!

Фауст

Мы все устроим, ангел мой!
Вот капли: действуют прекрасно!
В питье немножко ей подлей,
И сон слетит глубокий к ней.

Маргарита

Я для тебя на все согласна!
Конечно, здесь ведь яду нет?

Фауст

Могу ль я дать тебе такой совет?

Маргарита

Ты приковал какой-то чудной силой
Меня к себе: на все готова я, —
И больше сделать, кажется, нельзя,

Чем для тебя я сделала, мой милый!

(Уходит.)

Мефистофель

(входя)

Мартышка! Где она?

Фауст

Шпионил ты опять?

Мефистофель

Да, кое-что я мог понять.
Вас, доктор, катехизису учили:
Надеюсь, вы урок на пользу получили.
Для девушек так интересно знать,
Кто чтит религию: кто верит непритворно,
Тот и за нами, мол, пойдет покорно.

Фауст

Чудовище! Не видишь, что она
В душе любовь лишь чистую лелеет:
Своею верою полна,
Той верою, которая одна
Спасенье ей, – она жалеет,
Как душу близкую, погибшего меня.

Мефистофель

Эх, ты! В тебе ведь только похоть бродит!
Тебя девчонка за нос водит!

Фауст

Прочь, гнусный изверг грязи и огня!

Мефистофель

А в рожках ловко суть она находит!
При мне минутки не сидится ей:
Ум замечая в рожице моей,
Она томится и скорбит безмерно,
Что если я не черт, то гений уж наверно.
Гм! эта ночь!..

Фауст

Тебе-то что до ней?

Мефистофель

И мне в ту пору веселей!

У колодца

Гретхен и Лизхен с кувшинами.

Лизхен

Ты уж о Бербельхен слыхала?

Гретхен

Нет. Я ведь дома все сижу одна.

Лизхен

Мы знаем кое-что! Сивилла мне сказала!
Попалась наконец она!
Вперед не важничай!

Гретхен

А что?

Лизхен

Да дело скверно!
Что ест она и пьет — двух кормит: это верно.

Гретхен

Ах!

Лизхен

Да, теперь награждена!

На шею парню вешалась она:
На все гулянья с ним ходила,
С ним танцевала и кутила;
Везде хотела первой быть,
Есть пирожки да вина пить,
Себя красавицей считала;
Дошла в бесстыдстве до того,
Что наконец уж от него
Открыто брать подарки стала!
Ласкала, нежила дружка, —
Вот и осталась без цветка!

Гретхен

Бедняжка!

Лизхен

Ты еще жалеешь!

А мы? Как мать велит, бывало, прясть, –
Сидишь да ночью вниз сойти не смеешь;
Она же мигом к миленькому – шась!
Там, на скамье, иль в переулке темном,
Не скучно было в уголке укромном!
Теперь вот пусть свою убавит спесь
Да перед нами в церкви грех свой весь
В рубашке покаянной пусть расскажет!

Гретхен

Ее он замуж взять, наверно, не откажет.

Лизхен

Держи карман! Нет, парень не дурак:
Получше может заключить он брак.
Да он уж и удрал.

Гретхен

Он поступил нечестно.

Лизхен

Да хоть женись – не очень будет лестно.
Ей наши парни разорвут венки,
А мы насыпем сечки на порог!

(Уходит.)

Гретхен

(идя домой)

И я, бывало, храбро осуждала,
Как девушка, бедняжка, в грех впадала!
Проступки я бранила строже всех;

Чтоб их клеймить, не находила слова:
Каким мне черным ни казался грех,
Я все его чернить была готова!
Сама, бывало, так горда, важна:
А вот теперь и я грешна!
Но Боже, что меня смутило,
Так было сладостно, так мило!

У городской стены

В нише стены статуя Mater dolorosa¹³, перед нею кружки с цветами. Гретхен ставит свежие цветы.

Гретхен

Скорбя, страдая,
О Мать Святая,
Склонись, склонись к беде моей!
С мечом в груди ты
На лик убитый
Христа глядишь, полна скорбей.
Отца зовешь ты
И вздохи шлешь ты
Из глубины души своей.
Увы, кто знает,
Как изнывает
Вся грудь моя, тоски полна?
Как душа моя томится,
Как дрожит, куда стремится, —
Знаешь ты лишь, ты одна!
С людьми ли я, — невольно
Мне больно, больно, больно,
Везде тоскую я!..
Одна ли горе прячу, —
Я плачу, плачу, плачу,
И рвется грудь моя.
Цветы омыла эти
Слезами я, скорбя,
Когда я на рассвете
Рвала их для тебя.

¹³ Скорбящая мать (лат.) — Богородица.

Когда мне заблестели
Лучи зари в окно —

Сидела я в постели,
Рыдая уж давно.
Меня позором не убей!
Молю тебя я,
О Мать Святая,
Склонись, склонись к беде моей!

Ночь. Улица перед домом Гретхен

Валентин, солдат, брат Гретхен.

Валентин

Сидишь, бывало, за столом
С друзьями; шум идет кругом;
О девках только и речей, –
И каждый хвалится своей
Да пьет, красой ее кичась;
А я, спокойно подбочась,
При этой шумной похвальбе
Сиж да слушаю себе;
И вдруг, смеясь, крутя свой ус
И полный вверх стакан подняв,
Скажу: «У всякого свой вкус,
Не угодишь на каждый нрав;
Но мне назвать прошу я вас
Одну хоть девушку у нас,
Чтоб Гретхен стоила моей,
В подметки чтоб годилась ей!»
Тут шум пойдет, и звон, и гром:
«Он прав, он прав! – толпа кричит. –
Нет краше девушки кругом!»
Любой хвастун тут замолчит.
Теперь – рви волосы да злись,
Лезь на стену, – хоть разорвись
От гнева: стали все кругом
Кивать, подмигивать глазком.
Язвить любой бездельник рад:
А я, как будто виноват,
Сиж, молчу. Чуть кто сболтнет,
Меня бросает в жар и пот.
Хоть разнесешь их всех, а все ж
Не скажешь им, что это ложь!

Кто там? Какой там черт ползет?
Не двое ль их? Пришли за нею!
Постой же: пусть я околею,

Когда он с места жив уйдет!

Входят Фауст и Мефистофель.

Фауст

Вон в ризнице церковной под окном
Блестит огонь лампы: то затихнет,
Слабей, слабей, то снова ярко вспыхнет,
То вновь замрет – и мрак густой кругом.
В душе ж мой давно огонь не блещет.

Мефистофель

Что до меня, то грудь моя трепещет,
Как у кота, когда влезает он
На крышу, юной кошкою прельщен.
И мысли все хорошие такие:
То похоть, то проказы воровские.
Все существо мое с восторгом ждет
Чудеснейшей Вальпургиевой ночи.
Вот послезавтра к нам она придет;
В ту ночь недаром сна не знают очи.

Фауст

А этот клад, что видится вдали:
Поднимется ль он вверх из-под земли?

Мефистофель

Порадуйся, недолго ждать: оттуда
Ты котелок достанешь без труда.
Недавно я заглядывал туда:
Там талеров¹⁴ порядочная груда.

¹⁴ Талер – старинная серебряная монета.

Фауст

Браслетов нет ли иль перстней
Моей красотке на веселье?

Мепистофель

Найдутся там и вещи поценней:
Жемчужное я видел ожерелье!

Фауст

Вот это хорошо! Мне больно к ней идти
И ничего с собой в подарок не нести.

Мепистофель

По мне, так чем же было б неприятно
Себя порой потешить и бесплатно?
Как ярки звезды! В блеске их лучей
Теперь я шутку выкину на диво:

Спою я песню нравственную ей,
Чтоб тем верней сманить красотку живо.

(Поет, аккомпанируя на гитаре.)

Не стой, не стой,
Не жди с тоской
У двери той,
Катринхен, пред денницей!
Не жди, не верь:
Войдешь теперь
Девницей в дверь,

А выйдешь не девицей!
Не верь словам!
Насытись сам,
Бедняжке там

«Прости, прощай!» – он скажет.
Скажи: «Постой,
Повеса мой,
Пока со мной
Кольцо тебя не свяжет!»

Валентин

(выходя)

Черт побери! Кого ты там
Смущаешь, крысолов проклятый?
Гитара к черту! К черту сам
Слетишь и ты, певец завзятый!

Мефистофель

Гитара сломана: ее не нужно нам!

Валентин

Теперь и череп пополам!

Мефистофель

(Фаусту)

Ну, доктор, я вас приглашаю!
Вперед, смелее! Не робей,
Валяй шпажкой своей,
Коли смелей, я отражаю.

Валентин

Так отражай же!

Мефистофель

Я к услугам весь!

Валентин

Еще!

Мефистофель

Могу!

Валентин

Сам черт дерется здесь!
Но что со мной! Рука уж ослабела.

Мефистофель

(Фаусту)

Коли же!

Валентин

(падая)

Ох!

Мефистофель

Смирили дурака!

Теперь пора убраться нам приспела:
Тут будет шум и крик наверняка.
Хоть мне возня с полицией легка,
Но уголовный суд – иное дело!

Уходят.

Марта

(у окна)

Сюда скорей!

Гретхен

(у окна)

Сюда огня!

Марта

Здесь драка, спор! Здесь шум, возня!

Народ

Убит один, – гляди!

Марта

(выходя)

А где убийца, где злодей?

Гретхен

(выходя)

Кто здесь?

Народ

Сын матери твоей.

Гретхен

Всевышний, пощади!

Валентин

Я умираю; скор тут сказ,
И скор конец вдвойне.
Не войте, бабы! Все ко мне –
И слушать мой рассказ!

Все обступают его.

Ты, Гретхен, очень молода
И так глупа, что навсегда
Плохой избрала путь.
Могу при всех тебе сказать:
Когда могла ты шлюхой стать, –
Так уж открыто будь!

Гретхен

О Боже! Брат мой, что такое?

Валентин

Оставь хоть Бога ты в покое!
Что было – нам не воротить;
Уж, видно, так тому и быть.
Ты начала теперь с одним,
Потом другой придет за ним.

А как до дюжины дойдет,
К тебе весь город побредет.

Когда впервые грех родится,
Себя таит он в первый миг;
Под кровом ночи рад он скрыться
И закрывает грозный лик;
Тогда убить его не поздно.
Но скоро, скоро грех растет,
Средь бела дня, открыт, идет;
Лицо его не меньше грозно,
Но чем лицо его страшней,
Тем яркий свет ему нужней.

Я знаю, срок настанет твой, —
И честный гражданин любой,
Как перед язвой моровою,
Распутница, перед тобою
Отпрянет. От стыда горя,
В глаза открыто ты не взглянешь;
В цепочке ты франтить не станешь
И убежишь от алтаря!
Не будешь в танце красоваться
Ты в кружевном воротничке:
Меж нищих и калек скрываться
Ты будешь в темном уголке!
И если Бог простит твой грех,
Ты на земле презренней всех!

Марта

Предайтесь лучше покаянью,
Чем удручать себя вам бранью!

Валентин

Когда б сломать я ребра мог
Тебе, бесстыжей сводне скверной,
Я знаю, что простил бы Бог
Тогда грехи мои наверно!

Гретхен

О муки ада! Брат мой, брат!

Валентин

Напрасны слезы, говорят!
Сестра, ты честь свою забыла,
Меня ты в сердце поразила, –
На Божий суд идет твой брат,
Без страха, честно, как солдат.

(Умирает.)

Собор

Служба, пение, орган. Гретхен в толпе народа; позади ее Злой Дух.

Злой Дух

Не так ты, Гретхен, прежде,
С душой невинной,
Ходила к алтарю.
Молясь по книжке старой,
Ты лепетала,
Наполовину детским играм,
Наполовину Богу
Душою предана!
О Гретхен!
Где голова твоя?
И на душе твоей
Какой тяжелый грех?
Ты молишься ль за мать свою? Она
Тобой для долгих-долгих мук усыплена!
Чья кровь у дома твоего?
Что у тебя под сердцем скрыто?
Не шевелится ль что-то там
И не тревожит ли тебя
Присутствием своим?

Гретхен

Увы, увы!
Как дум мне этих избежать,
Которые теснятся отовсюду
Ко мне и в душу проникают?

Хор

Dies irae, dies illa
Solvat saeculum in favilla¹⁵.

Звуки органа.

Злой Дух

Гнев неба над тобою!
Труба звучит;
Заколебались гробы;
Душа твоя
Из бездны праха
Для мук ужасных
Огня и ада,
Дрожа, встает!

Гретхен

О, если б мне уйти отсюда!
Мне грозный гром органа
Дышать мешает,
Меня терзает это пенье
До глубины сердечной!

Хор

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet, adparebit,
Nil inultum remanebit¹⁶.

Гретхен

Как душно мне!
Как эти арки, эти своды

¹⁵ День гнева, этот день разрушит мир, превратив его в пепел (*лат.*).

¹⁶ Когда воссядет судья, то откроется все сокрытое, и ничто не останется без возмездия (*лат.*).

Теснят меня!
Воздуха, воздуха больше!

Злой Дух

Беги! Но грех и стыд
Не будет скрыт.
Что? Воздуха? Света?
Горе тебе!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus,
Quem patronum rogaturus,
Quum vix justus sit securus?¹⁷

¹⁷ Что я скажу тогда, несчастный, какого покровителя я буду умолять, когда и праведник едва спасется? (лат.)

Злой Дух

Свой лик пресветлый отвращают
Святые от тебя,
И руку протянуть тебе
Им, чистым, страшно!
Увы!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus?

Гретхен

Соседка, ваш флакон!..

(Падает в обморок.)

Вальпургиева ночь

Местность в горах Гарца, в окрестностях деревень Ширке Эленд.
Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

Не чувствуешь нужды ты в помеле?
Теперь на дюжем рад бы я козле
Погарцевать, уставши от дороги.

Фауст

Меня еще покамест носят ноги.
Дубинкой путь стараюсь облегчать.
К чему дорогу сокращать?
То странствовать в извилистой долине,
То лезть с утеса на утес к вершине,
Откуда вниз ручей стремится в дол, —
Мне весело, и путь мой не тяжел.
Везде весна: береза зеленеет,
Позеленела даже и сосна;
Ужель на нас весною не повеет?

Мефистофель

Признаться, мне чужда весна!
Во мне зима царит: мне надо,
Чтоб снег, мороз был на пути моем.
В ущербе месяц; тусклою лампадой
Едва мерцает красным он лучом;
Неважный свет! Здесь каждый шаг нам может
Опасен быть: наткнешься прямо лбом
На камень или ствол. Постой-ка, нам поможет
Блудящий огонек, мелькающий кругом!

Эй, ты, поди сюда и посвети, любезный!
К чему иначе свет твой бесполезный?
Веди-ка нас вперед средь этой тьмы.

Блуждающий огонек

Мне изменить придется, вам в угоду,
Мой легкий нрав и всю мою природу.
И вкривь, и вкось блуждать привыкли мы,

Мефистофель

Эге! ты – человека подражатель?
Во имя черта, – марш вперед, приятель,
Не то – тебя задую я сейчас!

Блуждающий огонек

Я вижу, вы хозяин здесь; для вас
Все сделать я готов, чтоб не сойти с дороги.

Но помните: гора от чар с ума сойдет,
И если вас огонь блуждающий ведет,
То вы к нему не будьте слишком строги!

Фауст, Мефистофель и Блуждающий огонек
(поют попеременно)

Фауст

В область сна вошли мы, словно
В очарованные страны.
О, води нас прямо, ровно
Сквозь леса и сквозь туманы,
Чрез пустыню, меж горами!

Огонек

Вот деревья вдаль рядами
Сзади нас, шумя, несутся;
Гор вершины будто гнутся;
Скалы длинными носами
Захрапели перед нами.

Фауст

Под камнями, под кустами
Слышу я ручья шептанье:
Песня ль это иль журчанье?
Зов любви ли, звук ли смеха,
Счастья ль отклик – нам утеха,
Песнь надежд, любви мечтанья?
И всему свой отзыв эхо
Шлет, как старое преданье.

Мефистофель

С шумом, гулом мчатся бойко
Сыч и чибис, с ними сойка:

Все проснулись, всем гулянье!
А в кустах сидят лягушки –
Долгоножки, толстобрюшки.
Будто змеи, меж камнями
Вьются корни за корнями,
Западни для нас готовят,
И пугают нас, и ловят,
И, ожив, деревьев капы¹⁸,
Как полипы, тянут лапы
Нам навстречу. И, несметны,
Мох и вереск наполняя,
Беспокойны, разноцветны,
Мыши носятся шныряя;
И вокруг роями реет
Светляков толпа живая
И, с дороги нас сбивая,
Яркой свитой пламенеет.

Фауст

Но скажи: вперед мы шли ли,
Иль на месте все мы были?
Лес и горы заходили;
Скалы, сучья рожи злые
Строят нам; огни ночные
Засверкали, засветили.

Мефистофель

За меня держись сильнее:
Здесь с горы всего виднее
Будет нам, как царь Маммон
Заблестит со всех сторон.

Фауст

Как странно мутный свет мерцает
Внизу румяною зарей!
В глубокой бездне он сверкает
И льется слабою струей;

¹⁸ *Капы* – болезненные наросты на деревьях.

Здесь встал туман, там – пар безбрежный;
Сквозь дымку жар горит лучом;
Здесь свет струится нитью нежной,
Там брызжет огненным ключом;
То, охватив всю глубь долины,
Он в сотнях жил струится там,
То, заключен среди теснины,
Он одиноко блещет нам;
Там сыплет искры, их взметая,
Как золотой песок со дна,
А здесь – смотри – горит седая
Утеса старого стена!

Мефистофель

Ужель на праздник досточтимый
Маммон дворца б не осветил?
Ты, к счастью, всю картину охватил:
Уж мчится хор гостей неукротимый.

Фауст

Как грозен вихрь! В порыве бурных сил
Он в спину бьет могучими толчками.

Мефистофель

За ребра скал обеими руками
Держись: не то ты свалишься в обрыв.
Лес потемнел; в туман весь погруженный,
Шумит он. Вот, глаза раскрыв,
Взлетает филин пробужденный,
И ломятся колонны
Зеленого лесного дома.
Ты слышишь ли раскаты грома,
Стволов паденье, шум ветвей,
И леса стон, и скрип корней?
Ствол за стволом друг друга кроет
В глубокой пропасти, на дне,
И ветер свищет, буря воет
Среди обломков в глубине.
Слышишь крики – дальше, ближе?

Слышишь вопли – выше, ниже?
Между скал, по скатам гор
Шумно мчится дикий хор.

Хор ведьм

На Брокен все! Толпа густа;
Посев был зелен, рожь желта.
Там Уриан¹⁹ вверху сидит,
К вершине ведьмам путь лежит
Средь гор и скал, с метлой, с козлом, –
И вонь, и гром стоят кругом.

Голос

Старуха Баубо²⁰ в стороне
Летит на матушке-свинье!

Хор

Хвала, кому хвала идет!
Вперед же, Баубо! Пусть ведет!
На дюжей свинке Баубо-мать
Достойна хором управлять.

Голос

Откуда ты?

Голос

Чрез Ильзенштейн я шла:

Там я сову в гнезде нашла,
А та глаза себе таращит!

¹⁹ Уриан – одно из имен черта.

²⁰ Баубо – кормилица древнегреческой богини земли Деметры, здесь – предводительница ведьм.

Голос

О, чтоб тебя нелегкая взяла!
Кой черт тебя так скоро тащит?

Голос

Она зацепила меня, пролетая:
Глядите-ка, рана какая!

Хор ведьм

Нам всем дорога немала, —
К чему друг друга задевать?
Нас колют вилы, бьет метла:
Дитя убила, — лопнет мать.

Колдуны

(полухор)

Улиткой наши все ползут,
А бабы все вперед бегут.
Где зло, там женщина идет
Шагов на тысячу вперед.

Второй полухор колдунов

Не будем в споре тратить слов!
Нужна им тысяча шагов;
Мужчина вздумает — и вмиг
Одним прыжком обгонит их.

Голос

(сверху)

Вперед, вперед, вы, из озер!

Голос

(снизу)

Мы рады влезть на скаты гор;
Мы мылись – чисты, хоть куда,
Зато бесплодны навсегда.

Оба хора

Вот вихорь стих, звезда мутна.
За тучи прячется луна;
Темно повсюду с этих пор,
И мечет искры шумный хор.

Голос

(снизу)

Подождите! Тише, тише!

Голос

(сверху)

Кто кричит в скалистой нише?

Голос

(снизу)

Это я! Да, это я!
О, возьмите вы меня!
Триста лет я здесь копаюсь
И к своим попасть пытаюсь.

Оба хора

На вилах мчись, свезет метла,
На жердь садись, седлай козла!
Пропал навеки тот – поверь,
Кто не поднимется теперь.

Полуведьма

(внизу)

Тащусь я здесь за шагом шаг,
Другие ж вон умчались как!
Я раньше всех сюда пошла,
А все угнаться не могла.

Хор ведьм

Мазь ведьме бодрость придает,
Тряпье – за парус нам сойдет.
Корыто – лодка. Не взлетит
Вовеки, кто теперь сидит!

Оба хора

Взлетев к вершине в этой мгле,
Мы ниже спустимся к земле, И чашу леса всю собой
Наполнит наш волшебный рой.

(Спускаются.)

Мефистофель

Толкают, жмут, бегут, летают,
Шипят, трещат, влекут, болтают,
Воняют, брызжут, светят. Ух!
Вот настоящий ведьмин дух!
Ко мне, не то нас растолкают!
Да где ж ты?

Фауст

(издали)

Здесь!

Мефистофель

Туда уж увлечен?
В хозяйские права вступить я принужден.
Дорогу! – черт идет! Дорогу, чернь, живет!
Я здесь, брат-доктор! Ухватись скорее!
Пойдем в сторонку; эта толкотня
Невыносима даже для меня.
Вон там какой-то странный свет мелькает
И в те кусты невольно привлекает.
Нырнем туда, бока свои храня.

Фауст

Противоречий дух, не сам ли ты старался
Меня увлечь сюда? Уж слишком ты умен!
В Вальпургиеву ночь пришел на Брокен он,
И что же? – под кусты запрятаться собрался.

Мефистофель

Одни не будем мы и там;
Смотри: огни, пестрея, загорелись!
Веселым клубом гости там расселись.

Фауст

Все ж наверху бы лучше было нам.
На злое дело вся толпа стремится;

Взгляни: уж дым столбом пошел у них.
Немало здесь загадок разрешится.

Мефистофель

Немало и возникнет их.
Пусть свет большой шумит, бушуя,
Тебя подальше утащу я.
Везде бывает так – сомненья в этом нет, –
Что свет большой рождает малый свет.
Взгляни: разделась ведьма молодая,
А старая накидочку взяла.
Будь вежлив к ним: услуга мне большая,
Труд невелик, забава немала.
Чу, музыка играет! Вот досада!
Проклятый скрип! Но покориться надо.
Вперед, вперед! С тобою я пойду,
Вступлю в их круг, тебя в него введу
И познакомлю с новыми гостями.
Что скажешь, друг! Равнина здесь тесна ль?
Взгляни: конца не видно в эту даль!
Здесь тысячи огней горят рядами;
Болтают, пляшут, варят, любят, пьют, –
Чего же лучше? Чем же худо тут?

Фауст

Как мы войдем? Намерен притвориться
Ты колдуном иль чертом к ним явиться?

Мефистофель

Инкогнито я мог бы предпочесть,
Но всяк свой орден в праздник надевает.

Меня «подвязка» хоть не украшает,
Зато копыту здесь большая честь.
Смотри: ползет улитка; протянула
Она рога свои навстречу нам.
Пронюхала, кто я такой, смекнула!
Не скрыться здесь, хоть и хотел бы сам.

Мы от огня к огню пойдем повсюду;
Ты будешь женихом, я – сватом буду.

(Подходит к нескольким сидящим у тлеющих углей.)

Что, господа, сидите в стороне?
Вы лучше время провели бы
Средь молодежи в толкотне;
А так сидеть и дома вы могли бы!

Генерал

Кто может верить нациям беспечно?
Я делал им добро – и что ж?
Толпа – как женщина, и вечно
У ней в почете только молодежь.

Министр

Народ теперь о правде позабыл,
Былое времечко умчалось.
Тот век, когда пред нами все склонялось,
Век золотой, поверьте, был.

Parvenu²¹

И мы не глупы были ведь, небось!
Мы всем по-своему вертели,
И вдруг пошло все вкривь и вкось,
Когда свой труд упрочить мы хотели.

²¹ Выскочка (фр.).

Автор

Кто книгу с мыслью умной и благой
Теперь у нас читает, в самом деле?
Нет, молодежь до дерзости такой
Дошла теперь, как никогда доселе!

Мефистофель

(на миг являясь дряхлым стариком)

Народ созрел, и близок Страшный суд;
В последний раз на Брокен я взбираюсь...

Так мутно дни мои текут,
Что и весь мир к концу идет, ручаюсь!

Ведьма-ветошница

Не проходите, господа:
Удобный случай уловите,
Мои товары посмотрите:
Я много их снесла сюда;

Мой магазин – пребогатеиший: Ему на свете равных нет.
Здесь ни вещицы нет малейшей,
Не наносившей миру вред:
Здесь нету шпаги, кровью не облитой;
Здесь кубка нет, в котором не бывал
Когда-нибудь напиток ядовитый;
Убора нет, который не прельщал
Невинных дев, и каждый здесь кинжал
Противника изменой убивал.

Мефистофель

Эх, тетенька, ты плохо постигаешь
Дух времени: что было, то прошло.
Ты новостей зачем не предлагаешь?
Нас новое скорей бы привлекло.

Фауст

Однако здесь совсем остолбенеешь:
Вот так базар! Тут оторопь берет.

Мефистофель

Стремится кверху весь водоворот:
Ты думаешь, что сам толкать умеешь, —
Глядишь, тебя ж толкают все вперед.

Фауст

Кто это там?

Мефистофель

Знать хочешь, кто она?
Взмотришь: Лилит.

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая жена
Адама. Берегись косы ее касаться:
Коса — ее единственный убор.
Кого она коснется, тот с тех пор
Прикован к ней, не может с ней расстаться.

Фауст

Вон там старуха с молодой присела.
Умаялись — им пляска надоела.

Мефистофель

Ну нет: сегодня отдых здесь плохой.
Вот пляшут вновь: пойдем и мы с тобой!

Фауст

(танцует с молодой)

Прекрасный сон я раз видал:
Я перед яблоней стоял;
Вверху два яблочка на ней;
Я влез на яблоню скорей.

Красавица

Всегда вам яблочки нужны:
В раю вы ими прельщены.
Я рада, что в моем саду
Я тоже яблочки найду!

Мефистофель

(танцует со старухой)

Встревожен был я диким сном:
Я видел дерево с дуплом;
В дупле и сыро, и темно,
Но мне понравилось оно.

Старуха

Копыта, рыцарь, я для вас
Готова всем служить сейчас:
Дуплю охотно я отдам,
Когда оно не страшно вам.

Проктофантасмист

Народ проклятый! Как вы это смели?
Не ясно ль вам доказано давно,
Что духам ног телесных не дано?
А вы плясать, как люди, захотели!

Красавица

(танцует)

А он зачем пришел на бал?

Фауст

(танцует)

Э, где он только не бывал!
Другие пляшут – он их осуждает;
Когда ж на каждый шаг рацей²² он не найдет,
То этот шаг он просто отрицает.
Всего больней ему, что мы идем вперед;
Вот если б вы на месте все кружились,
Как он на старой мельнице своей, –
Возликовал бы он душою всей,
Особенно когда б ему вы поклонились.

Проктофантасмист

Вы здесь еще? Нет, вынести – нет сил!
Исчезните! Ведь я же разъяснил.
Но эти черти к поученьям глухи!
Мы так умны – а в Тегеле²³ есть духи!
Как долго я ни просвещал людей,

²² Рацей – поучение, наставление.

²³ Тегель – имение известного немецкого ученого Гумбольдта, где якобы водились привидения.

А толку нет! Неслыханно, ей-ей!

Красавица

Когда же он надоедать нам бросит?

Проктофантасмист

Вам всем в лицо свой приговор я шлю!
Я деспотизма духов не терплю:
Мой дух его не переносит.

Пляска продолжается.

Сегодня мне ничто не удастся,
Но продолжать я путь готов,
И, может быть, в конце концов
Поэтов и чертей мне победить придется.

Мефистофель

Постой, вот он сейчас увязнет в луже той,
Где успокоиться от всех трудов он может;

А как пиявка там крестец ему погложет,
Забудет духов он и дух испустит свой.

(Фаусту, который оставляет пляску.)

А где ж, скажи, красавица твоя?
Она, танцуя, так приятно пела.

Фауст

Во время пенья вдруг увидел я,
Как с губ у ней мышь красная слетела.

Мефистофель

И только? Строго ж ты, мой друг, на все глядишь!
Благодари судьбу, – не серая хоть мышь.
Ведь в час любви до этого – нет дела.

Фауст

Еще я вижу...

Мефистофель

Что?

Фауст

Вдали передо мной

Встал образ девы бледной и прелестной.
Она ступает медленной стопой,
Как будто цепью скованная тесной.
Признаться, в ней, когда гляжу,
Я сходство с милой Гретхен нахожу.

Мефистофель

Оставь ее: бездушна дева эта,
Всего лишь – тень, бегущая рассвета.
С ней встреча – смерть, не счастье, не любовь;
При встрече с ней вмиг стынет в жилах кровь,
И человек, как камень, замирает.
Миф о Медузе – кто его не знает?

Фауст

Глаза ее недвижно вдаль глядят,
Как у усопшего, когда их не закрыла

Рука родная. Это Гретхен взгляд.
Да, это тело, что меня прельстило!

Мефистофель

Ведь это колдовство! Обман тебя влечет:
Красавицу свою в ней каждый узнает.

Фауст

Какою негою, мучением каким
Сияет этот взор! Расстаться трудно с ним!
Как странно под ее головкою прекрасной,
На шее полоса змеится нитью красной,
Не шире, чем бывает острый нож!

Мефистофель

Давно все это знаю я: ну что ж?
Под мышку голову берет она порою,
С тех пор, как ей срубил ее Персей.
Ты все, как прежде, носишься с мечтою.
Вперед, на холм, за мною поскорей!
Он весь покрыт веселою толпою:
Как в Пратере, кипит веселье тут!
Уж не театр ли? Мне сдается,
Что скоро здесь спектакль начнется.
Что здесь у вас?

Servibilis²⁴

Сейчас начнут
Последнее, седьмое представление, –
Всегда уж столько принято давать.
Любителя на сцене сочиненье,

²⁴ Услужливый (лат.).

Любители здесь будут и играть.
Я уйду, – прошу в том извиненья:
Я сам любитель – занавес поднять.

Мефистофель

На Блоксберге такие представленья
Как раз у места, без сомненья.

Сон в вальпургиеву ночь, или Золотая свадьба Оберона и Титании

Интермедия

Директор театра

Дам я, Мидинга сыны,
Отдых вам и смену.
Холм и поле здесь должны
Заменить нам сцену.

Герольд

Срок для свадьбы золотой –
Полстолетья дата,
Но, коль кончен спор четой,
Мир приятней злата!

Оберон

Пусть сегодня духов рой
Верность мне покажет:
В этот час меня с женой
Дружба снова свяжет.

Пук

Пук идет, вертась, крутась,
В такт ногой ступая;
Духов рой за ним, смеясь,
Мчится, припевая.

Ариэль

Много знает Ариэль
Песенок чудесных;
Много рож пленяет трель,
Много лиц прелестных.

Оберон

Чтобы в мире муж с женой
Жили – мы наука;
Чтобы дружной быть четой –
Нам нужна разлука.

Титания

Зла жена, ворчун супруг, –
Надо разлучиться!
Пусть жена спешит на юг,
Муж на север мчится.

Оркестр

*(tutti fortissimo)*²⁵

Комары, мушья хоботки
Со всей родней талантов,
В траве лягушки и сверчки, –
Вы – наш хор музыкантов!

Solo

Вон волынка там гудит, А пузырь-то мыльный;

Толстый нос жужжит, сопит,
Мелет вздор обильный.

Дух, только что образующийся

Жаба, ноги паука
И, как прибавленье,
Крылья: нет еще зверька –
Есть стихотворенье.

²⁵ «Все очень громко» – музыкальный термин (*ит.*).

Парочка

Краток шаг, высок прыжок
По траве росистой...
Ходишь ты, но ты б не мог
Взвиться в воздух чистый.

Любопытный путешественник

Маска ль это? Кто бы мог
Верить? Что за чудо!
Оберон, прекрасный бог,
Ты пришел откуда?

Ортодокс

Нет рогов и нет когтей,
Но причислен нами
Все ж и он к числу чертей
С древними богами.

Северный художник

Схвачу одни я здесь кругом
Эскизы, я уверен;
Зато в Италию потом
Уехать я намерен.

Пурист

О, я несчастный! Для чего
Пришел я? Что за мерзость!
Я вижу: ведьмы две всего
Напудрены. О, дерзость!

Голая ведьма

Я пудры с платьем не взяла, –
Старухам уступаю.
Нагая села на козла
И тела не скрываю.

Старая ведьма

Мы слишком опытни, умны –
Не станем спорить с вами.
Что юность, свежесть! Сгнить должны,
Как мы, вы скоро сами.

Капельмейстер

Комары, мушья хоботки,
Вкруг голой не собирайтесь!
В траве, лягушки и сверчки,
Вы с такта не сбивайтесь!

Флюгер

(в одну сторону)

В прекрасном обществе я тут:
Невесты взор прельщают,
И кавалеров круг не худ –
Премного обещают!

(в другую сторону)

Коль не раскроется сейчас
Земля, их поглощая,
Готов уйти от них как раз
Хоть в самый ад тогда я.

Ксении

Как мухи, к этой стороне
Примчались мы с клещами:
Хотим папаше Сатане
Принести поклон мы сами.

Геннингс

Они слетелись в тесный рой, Хотят острить над нами –
И скажут: «С доброй мы душой
И с добрыми сердцами».

Музагет

Недурно здесь: как раз мой вкус!
Мне ведьмы очень милы:
Скорей меж них, чем между муз,
Гожусь я в заправилы.

Ci-devant гений своего времени

Ты ладь с людьми, так в люди сам
Пройдешь и ты, бесспорно.
Как на Парнасе нашем, нам
На Брокене просторно.

Любопытный путешественник

Скажите, как его зовут?
Надменный, сановитый,
Готов везде он нюхать: тут
Не скрыты ль иезуиты?

Журавль

Чиста ль вода, мутна ль вода –
Ловлю я рыбу все же.
Так и святоша иногда

К чертям заходит тоже.

Сын мира

Святоши, верьте мне, возьмут
Все средства без разбора:
Пожалуй, Брокен изберут
Как место для собора.

Танцор

Как? Новый хор примчался к нам?
Вдали трезвонят что-то.
Нет, это выпи стонут там,
Крича на все болото.

Танцмейстер

Пошли плясать и так и сяк, –
Стараться все решили;

Бежит хромой, бежит толстяк,
О грации забыли.

Скрипач

Весь этот сброд всего сильнее
Друг друга съесть желает;
Но, как Орфей смирял зверей,
Волынка их смиряет.

Догматик

Не может критика смутить,
Ввести меня в сомненье:
Черт чем-нибудь да должен быть,
А то – он измышление.

Идеалист

Клянусь, фантазия моя
На этот раз чрезмерна;
И если это все есть я –
То глуп я стал, наверно.

Реалист

Меня все это здесь сейчас
Как будто злит нарочно:
Стою сегодня в первый раз
Я на ногах непрочно.

Супернатуралист

Мне в этой весело стране!
Возможно, без сомненья,
По духам зла составить мне
О добрых духах мненье.

Скептик

Идут за искрой: клад иметь
Желают. Заблужденье:
Я кстати здесь; рифмует ведь
С «сомненьем» – «привиденье».

Капельмейстер

В траве лягушки и сверчки –
Дрянные дилетанты!

Комары, мушья хоботки!
Ведь вы же музыканты!

Ловкие

Sans souci все нас зовут;
Не сравнятся с нами:
Ноги больше не идут –
Ходим вверх ногами.

Неловкие

Ловили прежде мы куски,
А нынче – ну их к Богу!
Идем, стоптавши башмаки,
Мы на босую ногу.

Блуждающие огни

Сюда пришли мы из болот,
Откуда мы и родом;
Однако дан нам полный ход
Блистать меж этим сбродом.

Падающая звезда

Я с высоты упала, свет
Повсюду разливая, –
И вот, подняться силы нет:
Лежу в траве одна я.

Массивные

Нам места, места, тесно тут!
Ложись, трава, под нами:
То духи, духи к вам идут
С тяжелыми ногами.

Пук

Что за грубый шум и стук!
Вы, слоны, смирнее!
Хочет сам сегодня Пук
Всех быть тяжелее.

Ариэль

Мчись, кому даны судьбой
Крылья, кто душою
В край стремится неземной, –
На цветы за мною!

Оркестр

(pianissimo)

Мгла тумана на полях
Проясниться стала;
Ветер шепчет в камышах, –
Мигом все пропало.

Пасмурный день. Поле

Фауст и Мефистофель.

Фауст

В одиночестве! В отчаянии! В страданиях долго блуждала она по земле – и вот теперь заключена, заключена в темницу на ужасные мучения, как преступница, – она, это несчастное, милое создание. Вот до чего дошло! И ты, изменник, недостойный дух, смел скрывать все это от меня! Стой же, стой теперь и вращай яростно своими сатанинскими очами! Стой и терзай меня невыносимым своим присутствием! В плену! В невыразимом мучении! Предана власти духов зла и бесчеловечно осуждающего человечества! И ты стараешься развлечь меня отвратительными удовольствиями, скрываешь от меня ее растущее горе, оставляешь ее гибнуть без помощи!

Мефистофель

Она не первая.

Фауст

Пес! Отвратительное чудовище! О дух бесконечный! Преврати его, преврати червя этого в его собачий образ, который он так часто принимал ночью, бегая предо мною, вертясь под ногами беззаботного путника и бросаясь на плечи, чтобы увлечь падающего. Преврати его в этот излюбленный им образ, чтобы он пресмыкался передо мной по земле, чтоб я мог ногами топтать его, отверженного. Не первая! О муки, муки, невыносимые для души человека! И не одно такое создание погибло в бездне горя и несчастья! И эта первая недостаточно искупила пред очами всепрощающего все грехи прочих в своем ужасном смертном горе! Мозг мой и мое сердце терзаются, когда я смотрю на одну эту страдалицу, а ты издеваешься хладнокровно над судьбою тысячи существ!

Мефистофель

Да, теперь мы снова приближаемся к границам нашего остроумия – туда, где человек теряет управление своим рассудком. К чему же ты вступаешь в сообщество с нами, когда не в силах поддержать его? Хочешь летать – и боишься, что голова закружится? Мы ли тебе навязывались или ты нам?

Фауст

О, не скаль же так на меня свои прожорливые зубы: это отвратительно! О великий, чудесный дух, удостоивший меня видеть лицо свое! Ты знаешь сердце мое, душу мою: к чему же было приковывать меня к этому постыдному спутнику, который во вреде видит свою жизнь, а в убийстве – наслажденье!

Мефистофель

Скоро ты кончишь?

Фауст

Спаси ее или – горе тебе! Тягчайшее проклятие на голову твою на тысячи лет!

Мефистофель

Не в моих силах разрывать узы мстителя и снимать его затворы. Спасти ее! Но кто, скажи, ввергнул ее в бездну погибели? Я или ты? (*Фауст дико озирается кругом.*) За громы схватиться хочешь? Счастье, что не вам даны они, жалким смертным! Раздробить невинного возжателя – вот известный прием тиранов, к которому они прибегают, когда их поставят в тупик!

Фауст

Веди меня туда: она должна быть свободна.

Мефистофель

А опасность, которой ты сам подвергаешься? Знай, что в городе ты оставил следы твоего кровавого греха. На месте убийства парят мстительные духи и ждут возвращения убийцы.

Фауст

Что еще предстоит мне от тебя? Смерть и проклятие всей вселенной на тебя, чудовище! Веди меня, говорят тебе, и освободи ее!

Мефистофель

Изволь, я сведу тебя. Слушай же, что я могу сделать: ведь не все же силы земли и неба в моей власти. Я могу помрачить ум тюремщика, а ты завладей ключами и выведи ее человеческою рукою. Я буду на страже: волшебные кони, которые умчат вас, будут готовы. Вот все, что я могу.

Фауст

Туда – и сейчас же!

Ночь. Открытое поле

Фауст и Мефистофель мчатся на вороных конях.

Фауст

Зачем там слетелись у плахи они?

Мефистофель

Не знаю, но вижу, там что-то творят.

Фауст

Взлетают, кружатся, спускаются вниз.

Мефистофель

Колдуют.

Фауст

Нет, сеют, над чем-то кадят.

Мефистофель

Пускай их колдуют! За мною, вперед!

Тюрьма

Фауст со связкой ключей и лампой перед железною дверью.

Фауст

Вся скорбь людей скопилась надо мною:
Давно мне чуждым страхом я объят;
Вот здесь ее, за влажною стеною,
Невинную оковы тяготят.
Что ж медлишь ты, войти не смея?
Боишься встретить милый взгляд?
Твой страх – ей смерть! Вперед скорее!

(Хватается за замок.)

Песня внутри

Мать, распутница-мать,
Погубила меня;
Мой отец, негодяй,
Изглодал всю меня;
А сестричка моя
Мои кости нашла,
Тайно в поле снесла.
Резвой птичкою я
Мчусь в чужие края!

Фауст

(отворяя дверь)

Не чувствует она, что милый здесь стоит!
Лишь цепь на ней гремит, солома шелестит.

(Входит.)

Маргарита

(прячась на кровати)

Идут! Настал час смертный мой!

Фауст

(тихо)

Молчи, молчи: свободна будешь!

Маргарита

(бросаясь перед ним на колени)

Кто б ни был – сжался надо мной!

Фауст

Потише: стражу ты разбудишь!

(Начинает разбивать цепи.)

Маргарита

(на коленях)

Кто власть тебе такую дал,
Палач, над бедной надо мною?
Меня будить ты в полночь стал...
О, сжался: дай побыть живою
Хоть до утра, – казни тогда!
Я молода, так молода,
И вот завтра умираю!

(Встает.)

Я хороша была – за то и погибаю!

Был близок друг, теперь далек,
Цветы увяли, сорван мой венок...
О, не хватай меня ты, умоляю!
Тебе я зла не делала, поверь:
Мы в первый раз встречаемся теперь.
Палач, палач, услышь мои моления!

Фауст

Переживу ль все эти я мученья!

Маргарита

Палач, твоя теперь я, вся твоя!
Свою бы дочь я только накормила:
Всю ночь ее в слезах ласкала я...
Ее украли, чтобы я тужила,
А говорят, что я ее убила.
Я никогда не буду весела:

Ведь про меня и песня ходит злая...
Такая в сказке – правда – мать была;
Но разве я такая?

Фауст

(становясь на колени)

Возлюбленный у ног твоих лежит;
Он от цепей тебя освободит.

Маргарита

(падая рядом с ним на колени)

Скорей на колени!
Смотри, у ступени,
У двери зияет
Весь ад и пылает;
Злой дух там стоит,
Шумит и гремит.
Дрожу от испуга!

Фауст

(громко)

Гретхен! Гретхен!

Маргарита

(прислушиваясь)

Это голос друга!

(Вскакивает. Цепи падают.)

Я слышу, он зовет меня!
Свободна я, свободна я!
К нему помчусь я, изнывая,
К нему прильну я, отдыхая!
Он звал меня: «Гретхен!» У двери стоял он,
Сквозь крики бесовские громко взывал он,
Сквозь хохот, и грохот, и яростный вой
Я слышала голос знакомый, родной.

Фауст

Я здесь!

Маргарита

Ты здесь? О, повторить нельзя ль?

(Обнимая его.)

Ты здесь, ты здесь? Где вся моя печаль?

Где страх тюрьмы? Ты цепи разбиваешь!
Ты здесь: пришел и из тюрьмы спасаешь!
Я спасена! А вот и улица опять,
Где в первый раз тебя пришлось мне повстречать.
А вот и сад я увидала,
Где с Мартою тебя я поджидала.

Фауст

(увлекая ее)

Идем! Идем!

Маргарита

О милый, подожди!

(Ласкается к нему.)

Так люблю мне с тобою!

Фауст

Выходи!
Спешу, – не то ты горько пожалеешь!

Маргарита

Иль целовать ты больше не умеешь?
Ты лишь на миг со мной в разлуке был,
И целовать меня уж позабыл!
О, отчего теперь перед тобой дрожу я,
Когда еще вчера в тебе, в твоих словах
Я находила рай, как в ясных небесах, –
И ты душил меня в объятиях, целуя?
Целуй, целуй скорей меня.
Не хочешь – поцелую я
Тебя сама!

(Обнимает его.)

Увы, остыла
Твоя любовь; твои уста
Так стали холодны!
Твоих объятий сила
Исчезла... То ли прежде было?
О горе, горе мне! Иль я уже не та?

(Отворачивается от него.)

Фауст

За мной, за мной! Опомнись, дорогая:
Я твой всегда от сердца полноты!
Иди, – молю лишь об одном тебя я!

Маргарита

(оборачиваясь к нему)

Так это ты? Наверно это ты?

Фауст

Я, я! Идем!

Маргарита

И ты освобождаешь

Меня, мой друг, и к сердцу прижимаешь?
Ужель тебе не страшно быть со мной?
Да знаешь ли, кого ты, милый мой,
Освободил?

Фауст

Уж стало рассветать!

Маргарита

Ах! я свою убила мать,
Свое дитя убила я!
Ребенок, дочь моя, твоя...
Твоя? Ты здесь? Да, это он!
Дай руку! Это был не сон?
Рука твоя; но оботри
Ее скорее: посмотри –
Дымится кровь его на ней!
Что сделал ты! Скорей, скорей
Вложи в ножны свой страшный меч,
Вложи, чтоб больше не извлечь!

Фауст

Что было – вновь тому не быть;
Но ты нас можешь погубить.

Маргарита

О нет, живи, живи, мой милый!
Послушай, вырой три могилы...

С зарей придется умирать...
На первом месте будет мать,
С ней рядом брат мой будет спать.
А я – поодаль, но немного,
Немного, милый, ради бога!
Ребенка ж положи ты на груди моей;
Кому ж, как не ему, лежать теперь со мною?
А помнишь, милый друг, как много мы с тобою
Когда-то провели блаженно-чудных дней!
Теперь мне обнимать уж больше не придется
Тебя, мой дорогой, затем, что мне сдается,
Что ты меня в ответ с презреньем оттолкнешь.
А все же это ты – все так же добр, хорош!

Фауст

Коль любишь ты меня, за мною ты пойдешь!

Маргарита

Куда?

Фауст

На волю!

Маргарита

Что ж, когда могилу там
Найду и с нею смерть – пойдем дорогой тою
К загробной тишине, к безмолвному покою;
Но дальше – ни на шаг... Идешь ты, милый мой?
О если бы и я могла идти с тобой!

Фауст

Ты можешь, если б только захотела!

Маргарита

Нет, мне нельзя! Надежда улетела!
Зачем бежать? Меня там стража ждет...
Жить в нищете так тягостно и больно!
А совесть? Как не вспомнить все невольно!
Так горько мне идти в чужой народ...
Да и поймают скоро нас, я знаю!

Фауст

Я остаюсь!

Маргарита

Спеши же, заклинаю!
Ступай все вниз, все вниз,
К ручью спустись,
Тропинку там найди
И в лес войди.
Налево под мостом
Одна она лежит,
И плачет, и кричит,
Влекомая ручьем.
Она жива. Хватай,
Хватай ее, спасай!

Фауст

Приди в себя! Не медли боле!
Опомнись: шаг – и ты на воле!

Маргарита

Нам только бы гору скорей миновать;
На голом там камне сидит моя мать, –
По жилам мороз пробегает...
На голом там камне сидит моя мать
И мне головою кивает.
Недвижны глаза; голова тяжела...
Не встать ей: увы! – она долго спала, –
Уснула, чтоб мы без нее наслаждались...
Дни счастья минули; куда вы умчались?

Фауст

Ни словом, ни просьбой увлечь не могу я, –
Так силой с собою тебя увлеку я!

Маргарита

К чему насилье? О, оставь, молю!
Не жми так крепко руку ты мою, –
И без того послушною была я.

Фауст

Уж скоро день! Опомнись, дорогая!

Маргарита

День? Скоро день? То день последний мой,
А должен бы он быть днем свадьбы нам с тобой!

Смотри, мой друг, чтоб люди не узнали,
Что был ты у меня. Венок мой разорвали, –
Увы, беда стряслася надо мной!
Постой, еще мы встретимся с тобой, –
Не в хороводе только, – нет, едва ли!
Безмолвно дыханье свое затая,
Теснится толпа; их так много:
Вся площадь полна, вся дорога...
Чу, колокол слышится... Вот уж судья
Сломал свою палочку...²⁶ Разом схватили,
Связали, на плаху меня потащили!
И каждому страшно: пугается он,
Как будто топор и над ним занесен...
Вокруг тишина, как под крышкою гроба!

Фауст

О, если б не был я рожден!

Мефистофель

(в дверях)

За мной, иль вы погибли оба!
Скорей, – восток уж озарен!
Оставьте ваши вздохи, ахи!

²⁶ Судья ломал свой жезл после объявления приговора в знак того, что пора приступить к казни.

Дрожат уж кони, жмутся в страхе!

Маргарита

Кто из земли там вырос? Он!
То он! Нельзя дышать при нем!
Зачем на месте он святом?
За мной?

Фауст

Ты жить должна! Скорее!

Маргарита

Суд Божий, предаюсь тебе я!

Мефистофель

За мной, иль с ней тебя покину я!

Маргарита

Спаси меня, Господь! О Боже, я твоя!
Вы, ангелы, с небес ко мне слетите!

Меня крылами осените!
Ты, Генрих, страшен мне!

Мефистофель

Она
Навек погибла!

Голос свыше

Спасена!

Мефистофель

(Фаусту)

За мной скорее!

(Исчезает с Фаустом.)

Голос Маргариты

(из тюрьмы, замирая)

Генрих! Генрих!

Часть вторая

Действие первое

Живописная местность

Фауст лежит, утомленный, на цветущем лугу, в беспокойном сне. Сумерки. Над Фаустом парит хор прелестных малюток-духов.

Ариэль

(пение, сопровождаемое звуками эоловых арф)

В дни, когда весна сияет,
Дождь цветов повсюду льет,
Поле в зелень одевает,
Смертным радости несет, –
Крошек-эльфов дух великий
Всем спешит смягчить печаль;
Свят ли он, иль грешник дикий, –
Несчастливца эльфам жаль.
Вы, что сюда слетелись в рой свободный,
Исполните долг эльфов благородный:
Смирите в нем свирепый пыл борьбы,
Смягчите боль жестокою упрека,
Изгладьте память ужасов судьбы.
В безмолвии ночном четыре срока²⁷.
Не медлите ж! Слетясь со всех сторон,
Его склоните нежно к изголовью,
Росою Леты окропив с любовью, –
Усталые расправит члены сон,
И день он встретит, бодр и укреплен.
Итак, скорее подвиг свой начните:
К святому свету вновь его верните!

²⁷ Древние римляне делили вечернюю и ночную пору (от шести вечера до шести утра) на четыре части. Далее Гёте называет их Sérénade – вечер, Notturmo – ночь, Mattutino – рассвет и Réveil – утро.

Хор эльфов

(поодиночке, по два и по несколько, чередуясь и соединяясь)

(Sérénade)

Теплый воздух безмятежен,
Тихо в зелени полян,

Сладок запах и безбрежен
Легкий вечера туман;
Нашепчите ж мир ночлега,
Детским отдыхом маня,
И очам усталым нега
Пусть затворит двери дня!

(Notturmo)

Ночь восходит, рассыпая
Сотни звезд по небесам;
Рой светил горит, мерцая,
Блещет здесь, сияет там;
Спят озер зеркальных воды;
Чисто небо; ночь ясна,
И над тихим сном природы
Пышно царствует луна.

(Mattutino)

Пусть текут часы забвенья,
Грусть и радость устрани;
Близко время исцеленья, –

Верь же вновь сиянью дня!
По долине меж холмами
Тихо в зелени дерев,
И серебристыми волнами
Нива зыблет свой посев.

(Réveil)

Достижимы все стремленья;
Посмотри: заря ясна!
Слабы цепи усыпленья, –
Сбрось же, сбрось оковы сна!
Меж медлительной толпою
Будь творцом отважных дел!
Всемогущ, кто чист душою,
Восприимчив, быстр и смел.

Громадный шум возвещает восход солнца.

Ариэль

Чу! Шумят, бушуют Оры!
Шум их слышат духов хоры;
Новый день увидят взоры!
Чу! Скрипят ворота неба!
Чу! Гремят колеса Феба!
Сколько шуму вносит свет!
Трубный звук гудит и мчится,
Слепнут очи, слух дивится,
Лишь для смертных шума нет!
Поскорей к цветам спешите,
Глубже, глубже в них нырните;
Скройтесь в листья, в щели скал,
Чтоб вас шум не оглушал!

Фауст

Опять ты, жизнь, живой струею льешься,
Приветствуешь вновь утро золотое!
Земля, ты вечно дивной остаешься:
И в эту ночь ты в сладостном покое
Дышала, мне готова наслажденье,
Внушая мне желанье неземное
И к жизни высшей бодрое стремленье.
Проснулся мир – и в роще воспевают
Хор стоголосый жизни пробужденье.
Туман долины флером одевает,
Но озаряет небо предо мною
Их глубину. Вот ветка выступает,
Не скрытая таинственной мглой;

За цветом цвет является, ликуя,
И блещет лист трепещущей росой.
О чудный вид! Здесь, как в раю, сижу я!

А там, вверху зажглися гор вершины,
Зарделись, час высокий торжествуя.
Вы прежде всех узрели, исполины,
Тот свет, который нам теперь сияет!
Но вот холмы и тихие долины
Веселый луч повсюду озаряет,
И ниже все светлеют очертанья.
Вот солнца диск! Увы, он ослепляет!
Я отвернусь: не вынести сиянья.

Не так ли в нас высокие стремленья
Лелеют часто гордые желанья
И раскрывают двери исполнения –
Но сразу мы в испуге отступаем,
Огнем объаты и полны смущенья:
Лишь светоч жизни мы зажечь желаем,
А нас объемлет огненное море.
Любовь тут? Гнев ли? Душно; мы страдаем;
Нам любо, больно в огненном просторе;
Но ищем мы земли – и пред собою
Завесу снова опускаем в горе.

К тебе я, солнце, обращусь спиною;
На водопад сверкающий, могучий
Теперь смотрю я с радостью живою, –
Стремится он, дробящийся, гремучий,
На тысячи потоков разливаясь,

Бросая к небу брызги светлой тучей.
И между брызг как дивно, изгибаясь,
Блестает пышной радуга дугою,
То вся видна, то вновь во мгле теряясь,
И всюду брызжет свежеею росой!
Всю нашу жизнь она воспроизводит:
Всмотрись в нее – и ты поймешь душою,
Что жизнь на отблеск красочный походит.

Императорский дворец

Тронная зала. Государственный совет. Трубы. Входит Императорс блестящей свитой
и садится на трон. Справа от него становится Астролог.

Император

Привет вам, други! Весь вполне
Вокруг меня мой двор собрался.
Мудрец со мной; куда ж девался
Дурак, мой шут, скажите мне?

Юнкер

За вашим шлейфом он влачился,
Упал при входе и разбился.
Толстяк был поднят, унесен:
Не знаю – пьян иль умер он.

Другой юнкер

За ним другой – откуда взялся,
Не знаю – быстро протолкался.
Одет был очень пышно он,
Но безобразен и смешон.
Уж он пробрался до чертога,
Но алебарды у порога
Пред ним скрестила стража тут.
Да вот и он, наш смелый шут!

Мефистофель

(преклоняя колена перед троном)

Что ненавистно — и отраднo?
Что всяк и звать и гнать готов?
Что все ругают беспощадно,
Чтоб защищать в конце концов?
Кого ты звать не должен смело?

Чье имя всех к себе влекло?
Что к трону путь найти сумело?
Что гнать само себя могло?

Император

Довольно, шут, слова плести лукаво;
Твои загадки здесь некстати, право;
Загадки любы этим господам:
Им разгадай их; это будет нам
Приятней. Старый шут покинул сцену,
Пожалуй, стань сюда, ему на смену.

Мефистофель становится по левую сторону трона.

Говор толпы

Вот шут другой – к другой беде!
Откуда он? Как он вошел?
Приелся прежний. Прежний где?
Тот бочка был, а этот – кол.

Император

Итак, о други дорогие,
Привет! Сошлись предо мной
Вы под счастливою звездой:
Сулит нам небо радости большие.
Хотели мы взглянуть на Божий свет
Повеселей, от дел освободиться
И маскарадом пышным насладиться.
Помех, казалось, для веселья нет.
К чему сошлись на скучный мы совет?
Сказали вы: «Так надо!» Покоряюсь –
И вот пред вами я теперь являюсь.

Канцлер

Как лик святых сияньем окружен,
Так добродетель высшая венчает
Чело владыки: ею обладает
Лишь он один, и всем он одарен;
Все, что народу нужно, любо, мило,
Нам божество в лице его явило.
Увы! К чему рассудка полнота,

Десницы щедрость, сердца доброта,
Когда кругом все стонет и страдает,
Одна беда другую порождает?
Из этой залы, где стоит твой трон,
Взгляни на царство: будто тяжкий сон
Увидишь. Зло за злом распространилось,
И беззаконье тяжкое в закон
В империи повсюду обратилось.

Наглец присваивает жен,
Стада, светильник, крест церковный;
Хвалясь добычею греховной,
Живет без наказания он.

Истцы стоят в судебной зале,
Судья на пышном троне ждет;
Но вот преступники восстали,
И наглый заговор растет.
За тех, кто истинно греховен,
Стоит сообщников семья,
И вот невинному «виновен»
Гласит обманутый судья.
И так готово все разбиться:
Все государство гибель ждет.
Где ж чувству чистому развиться,
Что к справедливости ведет?
Перед льстецом и лиходеем
Готов и честный ниц упасть.
Судья, свою утратив власть,
Примкнет в конце концов к злодеям.
Рассказ мой мрачен; но, поверь,
Еще мрачнее все теперь.

Пауза.

И нам нельзя откладывать решения!
Средь этой бездны зла и разрушенья
И самый сан небезопасен твой.

Военачальник

Все нынче буйны, удержу не знают,
Теснят друг друга, грабят, убивают,
Не слушают команды никакой.
Упрямый бюргер за стенами
И рыцарь в каменном гнезде

Сидят себе, смеясь над нами,
И нас не слушают нигде.

Наемные роптать солдаты стали:
Упорно платы требуют у нас,
И, если б мы им так не задолжали,
Они бы нас покинули сейчас.
Чего б себе они ни запросили –
Не дать попробуй: будешь сам не рад.
Мы защищать им царство поручили,
Они ж его разграбить норовят.

Полцарства гибнет: если их оставить
Так буйствовать – пропала вся страна!
Хоть короли кой-где еще и правят,
Но им опасность не ясна.

Казначей

К союзникам толкнуться – мало прока;
Обещанных субсидий нет притока, –
Казна у нас – пустой водопровод!
В твоих обширных, государь, владеньях,
Какие нынче господа в именьях?
Куда ни глянь – везде живет не тот,
Кто прежде жил; всяк нынче независим;
Мы смотрим, чтоб по вкусу мы пришлись им,
А подчинить ни в чем не можем их.
Мы столько прав гражданских надавали,
Что не осталось прав для нас самих.
От разных партий, как бы их ни звали,
Поддержки тоже нет на этот раз.
Хвала и брань их безразличны стали,
Бесплодна их любовь и злость для нас.
Ни гибеллинов нет, ни гвельфов²⁸ нет и следу:
Все спрятались – потребен отдых им.
Кто нынче станет помогать соседу?
Все делом заняты своим;
У золота все двери на запоре,
Всяк для себя лишь копит: вот в чем горе!
А наш сундук, – увы! – нет денег в нем!

²⁸ Политические партии: *гибеллины* – сторонники императора, *гвельфы* – сторонники папской власти.

Кастелян

Беда и у меня: огромны
Издержки наши; как ни экономны,
А тратим мы все больше с каждым днем.
Для поваров, как прежде, нет стеснений:
Бараны, зайцы, кабаны, олени
У них еще в порядке, как всегда;
Индейки, гуси, утки и цыплята –
Доход наш верный: шлют их таровато.
Все это есть; в вине одном нужда:

Где прежде полных бочек массы были

И лучших сборов лучший цвет хранили,
Все до последней капли истребили
Попойки вечные сиятельных господ.
Для них открыл и магистрат подвалы:
И вот звенят их чаши и бокалы;
Все под столом лежат, и пьянство все растет.
Я счет веду: платить за все ведь надо;
А от жида какая уж пощада?
По векселям он вечно заберет
Изрядный куш на много лет вперед.
Давно у нас уж свиньи не жирели,
Заложен каждый пуховик с постели,
И в долг мы каждый подаем обед.

Император

(после некоторого размышления, к Мефистофелю)

Ты тоже, шут, немало знаешь бед?

Мефистофель

Я? Никогда! Я вижу блеск чудесный,
Тебя и пышный двор. Сомненья неуместны,
Где нерушимо сам монарх царит,
Врагов своих могуществом разит,
Где светлый ум и доброй воли сила
И мощный труд царят на благо нам, –
Как может зло и мрак явиться там,

Где блещут эти чудные светила?

Говор толпы

Мошенник, плут! Умен, хитер!
Он лжет бесстыдно! С этих пор
Я знаю, что нам предстоит.
А что? Проект он сочинит.

Мефистофель

Везде своя нужда: таков уж белый свет!
Здесь то, другое там. У нас вот денег нет;
Здесь, на полу, валяться их не будет;
Но мудрость их из-под земли добудет.
Войдите в тьму пещер глубоких: там
В кусках, в монетах золото сверкает.

А кто его из бездны извлекает?
Дух выпренный, природой данный нам.

Канцлер

Природа, дух – таких речей не знают
У христиан, за это сожигают
Безбожников: такая речь вредна!
Природа – грех, а дух есть сатана:
Они лелеют в нас сомнение,
Любимое сил адских порожденье.
Нет, здесь не то! Два рода лишь людей
Имеет государь в империи своей:
То божьих алтарей служители святы
И рыцари. Они хранят нас в бури злые;
Лишь в них себе опору трон найдет.
За то им земли государь дает.
Пустой толпы безумные затеи
Противостать пытаются порой,
Еретики и злые чародеи
Мутят страну и потрясают строй.
Шуту они любезны свыше меры;
Душе преступной всех они милей.
И смеешь дерзкой шуткою своей

Ты омрачать возвышенные сферы?

Мефистофель

О, как ученый муж заметен в вас сейчас!
Что осязать нельзя – то далеко для вас,
Что в руки взять нельзя – того для вас и нет,
С чем не согласны вы – то ложь одна и бред,
Что вы не взвесили – за вздор считать должны,
Что не чеканили – в том будто нет цены.

Император

К чему ты эту проповедь читаешь?
Мне надоело это: перестань!
Здесь денег нет, – скорей же их достань,
Словами ж ты беды не уменьшаешь.

Мефистофель

Достану больше я, чем кажется вам всем;
Все это хоть легко, но трудно вместе с тем.

Клад не далек, но, чтобы докопаться,
Искусство нужно и умение взяться.
В тот давний век, как толпы дикарей
Губили жадно царства и людей,
Напора орд их человек пугался
И укрывать сокровища старался.
Так было в мощный Рима век, давно;
Но и теперь немало их зарыто,
И все, что там лежит в земле сокрыто,
Правительству принадлежать должно.

Казначей

Да, хоть дурак, а рассудил он здраво!
Конечно, это государя право!

Канцлер

Вам ставит дьявол золотой капкан:
В преступный вас желает ввесть обман.

Кастелян

Чтоб провиант был у меня в запасе,
Я на обман даю свое согласие.

Военачальник

Дурак умен: всем благ наобещал!
Солдат не спросит, где он деньги взял.

Мефистофель

Иль я вам лгу? Что ж сомневаться много?
Вот вам мудрец: спросите астролога.
Как дважды два, он знает день и час.
Скажи, что видно в небесах для нас?

Говор толпы

Плути! Союз уж заключен:
Шут и авгур²⁹ взошли на трон. Все песня та ж – сюжет избит:
Глупец велит – мудрец гласит.

Астролог

(повторяя громко тихий подсказ Мефистофеля)

Как золото, нам Солнце свет свой льет;
Меркурий, вестник, за услуги ждет

²⁹ *Авгур* – жрец, гадающий по полету птиц.

Награды щедрой; благосклонный нам
Бросает взор Венера по утрам
И вечерам; Луны капризен вид;
Марс, хоть бессилён, гибелью грозит;
Юпитер всех ясней всегда сиял;
Сатурн велик, а кажется нам мал.
Хоть как металл он низко оценен,
Но – если взвесить – полновесен он.
Да, коль сойдутся Солнца лик с Луной,
Сребро со золотом – это знак благой!
Все явится, что б пожелать ты мог:
Дворцы, сады, балы, румянец щек;
Ученый муж доставит это вам,
Исполнив то, что невозможно нам.

Император

Всю речь вдвойне как будто слышу я,
А все же трудно убедить меня.

Говор толпы

Что мелет он
На старый тон?
Врет звездочет!
Алхимик врет!
Сто раз слышал!
Напрасно ждал!
Опять и тут
Обманет плут!

Мефистофель

Находке верить ли – не знает
Никто из них; дивятся все:
Один альравнов³⁰ вспоминает,
Другой о черном бредит псе.

Тот трусит, тот смеяться хочет;
Но я скажу вам наверняка:

³⁰ *Альравны* – духи, обитающие в корнях мандрагоры.

Когда в подошве защекочет
Иль вдруг неверен станет шаг,
То знайте, что на вас влияет
Природа силою своей:
Струя живая возникает
Из глубочайших областей.
Когда мороз знобит вам тело
И не сидится что-то вам –
Вы в землю вкапывайтесь смело
И тотчас клад найдете там.

Говор толпы

Ух, тяжко! Что-то беспокоит
Меня. Рука, озябнув, ноет.
Мне что-то палец заломило.
А у меня в спине заныло.
По этим признакам под нами
Лежат сокровища пудами.

Император

Ну, к делу ж! Так ты не уйдешь отсюда!
Правдивость слов своих нам докажи
И нам места сокровищ укажи.
Свой меч и скипетр я сложу покуда
И к делу сам немедля приступлю.
Когда не лжешь, осуществляю я чудо,
А если лжешь – тебя я в ад сошлю.

Мефистофель

Туда-то я дорогу твердо знаю.
Конечно, я всего не сосчитаю,
Что там лежит, на свет не выходя.
Пример: крестьянин, землю бороздя,
Златой сосуд порой зацепит плугом;
Порой селитры ищет он простой –
И видит свертки золота. С испугом
И радостью он бедною рукой
Старинные нам открывает своды.
Туда-то, в эти галереи, ходы,

В подземный мир с киркой проникнуть рад
Искусный муж, преследуя свой клад.
В тех погребках сокровищ чудных гряда:
Тарелки, чаши, золотые блюда
Везде рядами пышными стоят;
Что ни бокал – рубинами сверкает;
А из него испить кто пожелает,
Найдет в бочонке старое вино;
А обручи на бочке той старинной –
Поверите ль? – скрепляет камень винный,
А дерево истлело уж давно.
И чем та область мрака не богата!
Да, не одних камней там и злата
Довольно: есть и вин большой запас.
Но лишь мудрец их вынесет оттуда.
При свете видеть это все не чудо,
А мрак все тайной делает для нас.

Император

К чему нам мрак, к чему нам тайны эти?
Что драгоценно – покажи при свете:
Кто плутовство во мраке уличит?
«Все кошки ночью серы», – говорит
Пословица. Даю приказ тебе я
Доставить те сокровища скорее!

Мефистофель

Так сам возьми лопату, бур и лом –
И возвеличен будешь ты трудом,
Причем душою снова ты воспрянешь.
Златых тельцов появятся стада, –
Себя и милую свою тогда
Вновь украшать алмазами ты станешь,
А камни те, играя и горя,
И красоту возвысят, и царя.

Император

Смелей за труд! Скорей за исполнение!

Астролог

(как выше)

Умерь, монарх, могучее стремление:
Сперва окончить праздник свой решишь!

За много дел ты сразу не берись:
Ведь заслужить сперва должны мы сами
Дары земли достойными делами.
Добра кто хочет, должен добрым быть;
Кто жаждет благ, тот должен дух смирить;
Кто алчет вин, тот у тисков трудися;
Кто ждет чудес, тот верой утвердися.

Император

Прекрасно! Пустим празднества мы в ход,
А там – пускай суровый пост придет.
Итак, повеселей во что бы то ни стало,
Отпразднуем теперь мы время карнавала!

Трубы. Все уходят.

Мефистофель

Глупцы! Судьба своих даров,
Заслуг не видя, не истратит!
Имей вы камень мудрецов –
Для камня мудреца не хватит.

Маскарад

Обширный зал с примыкающими к нему покоями, декорированный и украшенный для маскарада.

Герольд

Не думайте, что здесь, в стране германской,
Шутов иль бесов танец басурманский
Предстанет вам иль пляска мертвецов:
Для вас веселый праздник здесь готов.
В Рим государь свершил поход далекий;
Перешагнул он Альп хребет высокий,
И дивный край во власть стяжал он там,
Себе на пользу и на радость вам.
Права на трон себе приобретая,
Облобызал священный он башмак, —
И вот на нем корона золотая,
А нам принес он шутовской колпак.

Весь наш народ переродился:
Весь светский люд, потехе рад,

В костюме дурацкий нарядился,
Все сумасшедшими глядят,
И всяк умен на свой обычный лад.
Но вот уж гости: к нам они несутся,
То врозь, то парами сойдутся,
Толпой сюда они бегут.
Скорей войдите же сюда вы!
Что было прежде, то и тут:
Весь мир, любя лишь игры и забавы,
В конце концов – один огромный шут.

Садовницы

(пение, сопровождаемое звуками мандолин)

Разодевшись, как картинки,
Чтоб блеснуть нам при дворе,
Молодые флорентинки,
Мы вперед бежим в игре.

В кудри черные вплетали
Мы цветочек за цветком;
Бархат, шелк, атлас играли
Роль немалую при том.

Мы подделки все находим
Здесь достойными похвал:
Так цветок мы производим,
Чтоб весь год он не увял.

Из цветных кусков мы сшили
Симметричные цветы:
По частям – лоскутья были,
В целом – чудо красоты.

Роль цветочниц, вкус и мода
Сочетались дивно в нас.
Да, с искусственным природа
Тесно в женщине слилась!

Герольд

Снять с голов и рук спешите
Вы в корзинках груз красивый

И на выбор предложите

Всем гостям, что принесли вы.
Зацветет здесь сад чудесный –
Лишь раскройте нам кошницы;
Одинаково прелестны
И товар и продавщицы.

Садовницы

Подойдите к нам, готовым,
Не торгуясь, продавать,
И разумно – кратким словом –
Всяк, кто взял, умеи называть.

Оливковая ветвь с плодами

Всех цветов милей я взору,
Не склонна к вражде и спору:
Злоба в тягость для меня;
Между стран кладу между я,
Мира символом служу я,
Тишину в полях храня,
И, надеюсь, здесь, как всюду,
Украшать красавиц буду.

Золотой венок из колосьев

Всем к лицу и всем любезен
Дар Цереры золотой;
И прекрасен и полезен,
Вас украсит он собой.

Фантастический венок

Мох попал сюда нежданно,
Вроде мальвы пестрый цвет!
Для природы – это странно,
Но для моды вовсе нет.

Фантастический букет

Без сомненья, как зовусь я –
Феофраст не скажет сам,
Но пленить надеюсь вкус я
Хоть одной из милых дам,
И, быть может, выбран ею,

Я в причёске запестрею,

Иль приколет кто-нибудь,
Может быть, меня на грудь.

Вызов

Пусть причуда расцветает
По последней пестрой моде
И кокетливо блистает,
Непокорная природе!
Стебельки цветов молодые,
Колокольчики золотые
Хороши, –

Почки роз

Но счастлив тот,

Кто, сокрытых, нас найдет!
Как наступит радость лета
И раскроется бутон –
Кто не будет восхищен
Исполнением обета?
Розы, царствуя, пленят
Сердце, чувство, ум и взгляд.

Под зеленым навесом садовницы красиво раскладывают свои товары.

Садовники

(пение под звуки теорб)

Пусть цветы – глазам отрада,

Вам их свойственно любить;
Но плодов отведасть надо:
В них нельзя обману быть.

Вишни, персики и сливы
Блещут смуглою семьей;
Но покушать их должны вы:
Глаз – судья о них плохой.

Подходите ж, покупайте,
Выбирайте, что вкусней!
О цветках стихи слагайте;
Плод вкушайте поскорей!

(Обращаясь к садовницам.)

К вам, прелестнейшему хору,
Мы поближе подойдем
И товаров наших горю
Рядом с вами разберем.

Под веселою листвою,
Что в беседках здесь растет,
Всяк найдет перед собою
Почки, листья, цвет и плод.

Оба хора с пением под звуки теорб и гитар проходят в глубину сцены, раскладывают свои товары и предлагают их гостям.

Мать и дочь.

Мать

(обращаясь к дочери)

Дочка! чуть ты в жизнь вошла –
Чепчик получила;
Тельцем ты нежна была,
Личиком манила.
О дочурке хлопоча,
Я в мечтах ей богача
В женихи сулила.
Ах, промчался ряд годов, –
Толку что-то мало!
Было много женихов, –
Даром все пропало!
Тщетно в танцах ты одним
Жала руки, а другим
Томный взор бросала.
Сколько праздников прошло, –

Счастье не дается;
В танцах, фантах, как назло,
Нам судьба смеется.
Хоть теперь, в веселый день,
Ты кого-нибудь поддень:
Может быть, нарвется!

Молодые, красивые подруги присоединяются к ним. Раздается шумная, непринужденная болтовня. Затем входят рыбаки и птицеловы с сетями, удочками, клейкими прутьями и другими принадлежностями своего ремесла и смешиваются с толпой красивых детей. Они бегают по сцене и ловят друг друга. Завязываются веселые разговоры.

Дровосеки

(входя шумно и неуклюже)

Посторонитесь!
Простор мы любим,
Деревья рубим,
Их с треском косим;
Когда ж их носим –
Толчков страшитесь!
Наш труд прилежный
В расчет примите:
Ведь если грубый
Не рубит дубы –
Как может нежный
Прожить, скажите?
Когда б мы дружно
Потеть не стали, –
Сознаться нужно,
Что все б дрожали.

Полишинели

(с ужимками)

Глупцы! Вы сроду,
Забыв свободу,
Свой горб сгибали;
Вот мы – так хваты,
Умней трикраты:
Мы нош не знали!
Плащи, штанишки,
Брыжи, манишки
Легки, конечно!
Мы праздны вечно:
К себе не строги,

Лишь в туфли ноги
Мы обуваем;
По рынкам бродим,
Толпою ходим,
Стоим зеваем;
Пусть, петухами
Крича, над нами
Толпа смеется:
Нам все неймется;
Мы то в разброде,
Скользя в народе,
Угрями вьемся,
То вдруг сойдемся
И скачем шумно,
Крича безумно,
Дурачась смело.
До порицаний,
Похвал и брани
Нам мало дела!

Паразиты

(льстиво)

Вы все, рубаки
И те служаки,

Что уголь жгут нам, —
Полезный люд нам!
Ведь все сгибанье
И все киванье,
Все фразы лести
И все услуги
Кому угодно —
Все это вместе,
Без вас, о други,
Для нас бесплодно.
Не будь топлива,

Что греет живо,
Тогда бы чуда
С небес мы ждали,
Чтоб ниспослали
Огня оттуда.
На кухне варят,
Пекут и жарят;
Для лизоблюда
Смотреть отрадно:
Он рыбу чует,
Жаркое, жадно
Схватив, смакует;
У мецената
Кутит богато!

Пьяница

(в полусознании)

Нет преград сегодня нраву:
Нараспашку здесь я весь.
Все, что создано в забаву,
Я вкусить намерен здесь.
Чок стаканы! Пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Ты там сзади: чок дружней!
Чок стаканы! Пить – так пей!

Так жена моя озлилась,
Мой наряд худым нашла;
Я – франтить; она взбесилась,
Жердью в маске назвала.

Ну и пью я! Пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Жерди в масках, чок дружней!
Тост за тостом! Пить – так пей!

Что ж, что пьян я? Примечай-ка:
Я в кредит кутить горазд;
Не хозяин, так хозяйка,
А потом служанка даст.
Пью я! Пейте, пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Чокнем, други, подружей, –
Молодцами! Пить – так пей!

В чем веселье нахожу я,

В том стыда нет для меня:
Пусть лежу я, где лежу я,
А стоять не в силах я.

Хор пьяниц

Дружно, братья! Пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Кто сидит еще – держись,
Кто упал – под стол вались!

Герольд возвещает разных поэтов, певцов природы, двора и рыцарства, певцов любви и одописцев. Все они толпятся и мешают друг другу сказать хоть что-нибудь. Только один успевает выбраться вперед и сказать несколько слов.

Сатирик

Поверьте, мне, поэту,
Одно свершить отрадно:
О том поведать свету,
Что слышать всем досадно.

Певцы ночи и могил не могут ничего сообщить, ибо они ведут с новоявленным вампиром интересную беседу, из которой может развиваться новый род поэзии. Герольд отпускает их и вызывает греческую мифологию. Последняя является в современном костюме, не теряя от того своей самобытности и прелести.

Входят три грации.

1-я – Аглая

В жизнь людей мы прелесть вносим:
Грациозно дар давайте!

2-я – Гегемона

Грациозно принимайте:
Любо брать нам то, что просим.

3-я – Евфросина

В тихой грации своей
Благодарность, мир лелей!

Входят три парки.

1-я – Атропос

Прясть живую нить созданья,
Как старейшая, должна я:
Нужно ум иметь и знанья,
Нитку тонкую свивая.

Чтобы нить была нежнее,
Тонкий лен всегда прилажу;
Чтобы нить была ровнее,
Ловким пальцем нить я глажу.

Кто танцует здесь беспечно,
Кто веселью предается –
Берегись! Ничто не вечно!
Час ударит – нить порвется.

2-я – Клото

Выбрать ножницы велела
Мне судьба на этот раз:
Править вовсе не умела
Ими старшая из нас.

Пряжу старую, гнилую
Понапрасну берегла;
Нить надежды золотую
В цвете юности рвала.

Но нередко, без сомненья,
Заблуждалася и я.

Лучше прямо, для спасенья,
Спрячу ножницы, друзья!

Пусть хоть раз веселым оком
Погляжу я на людей;
Вы ж на празднике широком
Веселитесь здесь дружней.

3-я – Лахезис

Мне, разумнейшей, пристало,
Чтоб вела порядок я:
Заблуждений не знавала
Мудрость вечная моя.

Нитка ходит, нитка вьется –
Всем назначены пути:
Никому не удастся
Круг заветный перейти.

В мире все перевернется –
Стоит мне о нем забыть,
Дни проходят, время льется:
Вечный ткач мотает нить.

Герольд

(указывая на входящих фурий)

Вот этих трех узнать вы не могли бы,
Хотя б знакомы с древностью вы были;
И тех, что бездну бедствий причинили,
Приятными вы гостями сочли бы.

То фурии – но верить мне не станет
Никто. Они красивы, моложавы;
Но троньте их – увидите тогда вы,
Что хуже змей голубки вас поранят.

Они коварны; но в собрание этом,
Как все, своих пороков не стыдятся,
Под ангельской личиной не таятся,
Бичом являясь страшным перед светом.

Фурии.

Алекто

Что пользы в том? Мы все же вас обманем:
Мы молоды, красивы, склонны к лести.
Задумай кто жениться – о невесте
Ему жужжать мы вечно в уши станем.

Пока ему не станет очевидно,
Что здесь и там другим она мигает,
Тупа, крива, уродлива, хромает,
Что партия такая незавидна.

Невесте же твердим мы в то же время,
Что друг ее беседовал с другою
И говорил о ней с насмешкой злою.
Миришь потом: осталось злое семя!

Мегера

Все это вздор: сойдишь они друзьями,
Коль захочу, я зло вокруг посею
И счастье в горе обратить сумею:
Не ровен час, неровны люди сами!

И каждый, кто желанным обладает,
Всегда, глупец, к желаньям новым рвется,
Презрев то счастье, что само дается:
Чтоб лед согреть, он солнце покидает.

Да, зло творить умеем мы и любим!
Когда, в союзе с верным Асмодеем,
Мы в добрый час по свету зло рассеем –
Тогда легко вселенную мы сгубим.

Тизифона

Меч и яд – не злое слово
Пусть изменника погубит!
Если он другую любит –
Рано ль, поздно ль – месть готова!

Горечь, желчь воздать сумею
Я за сладкий миг отрады;
Не торгуйся: нет пощады!
По грехам и месть злодею!

На мольбы пусть слов не тратит!
Вопль мой горы оглашает;
«Мечь!» – мне эхо отвечает;
Пусть изменник жизнью платит!

Герольд

Подайтесь: гости новые пред нами
Являются! Они не сходны с вами.
Покрытый тканью пышного ковра,
Вот слон сюда подходит, как гора,
С клыками, меж которых хобот вьется.
Загадочно! Но ключ у нас найдется.
На нем сидит прекрасная жена,
Колоссом правит палочкой она;
Над ней, вверху, стоит другая твердо
И, ослепляя блеском, смотрит гордо;
А по бокам слона идут в цепях
Две женщины: одну терзает страх,
Другая – весела. Пускай пред вами
Они свое значенье скажут сами.

Боязнь

Сотни свеч среди тумана
Блещут искрами огня!
Меж личин, в сетях обмана
Крепко держит цепь меня.

Прочь, смеющиеся тени!
В вас врагов я вижу – прочь!
Для враждебных нападений
Вы сошлись в эту ночь.

Враг под маской, с виду дружен, –
Вот он: вижу я теперь!
Он грозил, но, обнаружен,
Ускользнуть спешит за дверь.

Прочь бежать, искать спасенья
Я б хотела, но – увы! –
Мне грозит уничтоженье
Сверху, с этой головы!

Надежда

Сестры, здравствуйте! Я с лаской
Вас приветствую! Под маской
Скрылись вы: но что же в этом?
Вы откроетесь пред светом
Завтра утром, без сомненья.
Здесь, при факельном сиянии,
Мы друг другу неприятны;
Но придет день благодатный,
И на воле, без стесненья,
Одиноко иль в собраньи
По полям гулять мы станем;
Отдохнем и вновь воспрянем,
Чтоб, нужды не зная, вечно
Новых благ искать беспечно.
Всюду примут нас с приветом,
Всюду нам открытый путь
К благу. Нет сомненья в этом:
Есть же счастье где-нибудь!

Мудрость

Двух врагов людского рода,
Страх с надеждой, я сковала,
Удалив их от народа,
Всем вам мир я даровала.

Вот я еду, правя мирно,
На живом колоссе с башней;
В путь крутой идет он смирно
Мерной поступью всегдашней.

А над башней перед вами
Та богиня, что проворно
Реет мощными крылами
И которой все покорно.

Блеск и чудное сиянье
Ту богиню окружает:
Славой труд она венчает
И – Победа ей названье.

Зоило-Терсит

У! У! Я кстати здесь средь вас,
Чтоб к черту всех послать сейчас.
Но больше всех противна мне
Madame Победа в вышине,
С крылами белыми. Она
С орлицей хищною сходна:
Куда Победа ни придет,
Всё перед нею шею гнет.
Но где я славу нахожу,
Там я от ярости дрожу.
В позор пусть честь и в честь позор –
Ложь в правду, правда в злую ложь
Преобразятся всем в укор!

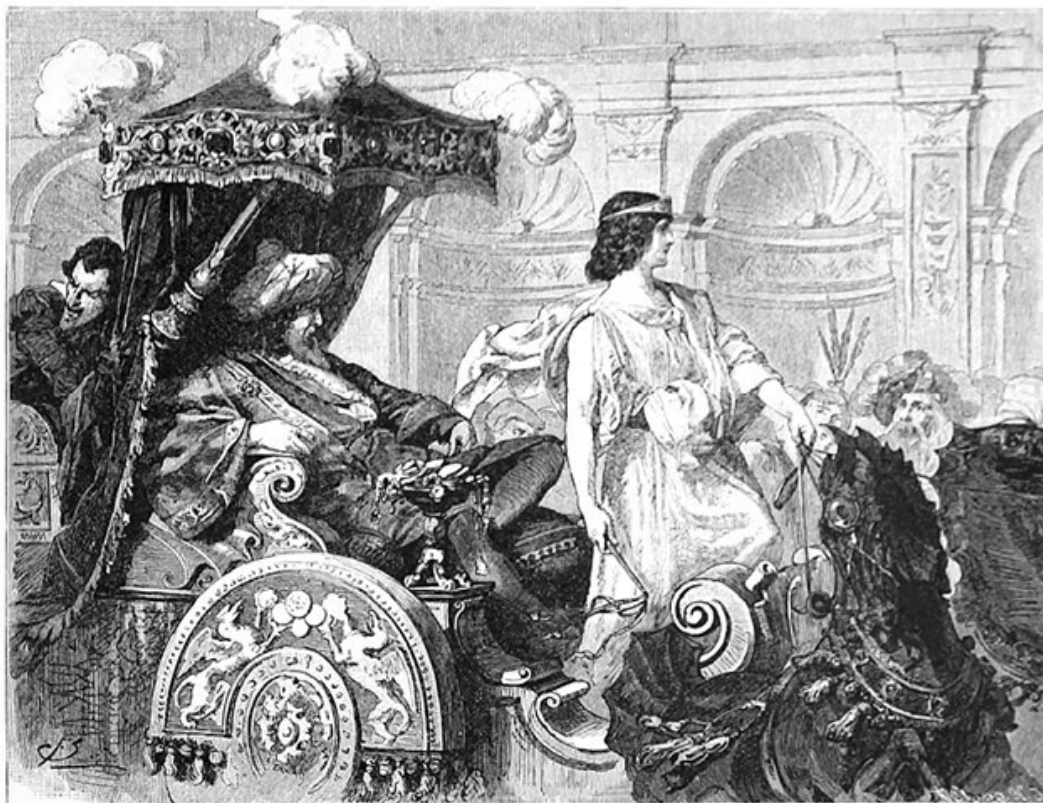
Герольд

Наглец бесстыдный! Не уйдешь –
Я поражу тебя жезлом!
Скорей свивайся же клубком!
И вот клубок противный вмиг
На месте карлика возник!
О чудо! Стал клубок яйцом,
Яйцо раздулось, – что же в нем?
Два страшных вышли близнеца –
Вампир с ехидной – из яйца.
Ехидна вьется здесь ползком,
Вампир парит под потолком;
К дверям спешат они вдвоем:
Соединиться вновь – их цель;
Скорей бы я ушел отсель,
Чем третьим быть в союзе том.

Говор толпы

Прочь! Смотри: танцуют там...
Нет, совсем уйти бы нам...
Над моею головой
Привидений вьется рой...
В волосах они жужжат...
И у ног какой-то гад...

Хоть не ранен здесь никто... Все напуганы зато...

Скверно: тут не до потех...
Это – дело тварей тех.

Герольд

С той поры как в маскарade
Я служу, порядка ради,
Как герольд, – всегда у входа
Я смотрю, чтоб средь народа
Не прокрался к нам губитель:
Твердый, верный я хранитель.
Но теперь я сам в смущеньи:
В окнах призрачные тени
Замелькали; не сумею
Вас я силою своею
Защитить от чар неожиданных
И видений этих странных.
Нам и карлик был ужасен;
Вот и новое явление:
Я б хотел его значенье
Объяснить, но труд напрасен, –

Сам я недоумеваю.
К вашей помощи взываю,
Чтоб, давая объясненье,
Поддержать мое уменье.
Вот четверкой колесница
Сквозь толпу сюда стремится,
Приближаясь плавно, стройно;
Давки нет, и все спокойно.
Вкруг цветные искры реют,
Звезды яркие пестреют:
Как в волшебной панораме,
Мчатся образы пред нами
С бурной силой меж толпой.
Сторонитесь! Страшно!

Мальчик-возница

Стой!

Кони, вы свой бег воздушный,
Как всегда узде послушны,
Усмирите! Силе слова

Повинуйтесь: по приказу
Неподвижно станьте сразу
И, по слову, взвейтесь снова.
Это место нам священно!
Вот вокруг толпа густая
Почитателей бессменно
К нам теснится, возрастая.
Выходи ж, герольд, и смело
Исполняй свое ты дело:
Назови им нас, покуда
Не умчались мы отсюда.
Аллегии пред вами.
Объясни же нас словами.

Герольд

Взять на себя я этого не смею:
Лишь описать, пожалуй, вас сумею.

Мальчик-возница

Попробуй же!

Герольд

Во-первых, милый мой,

Ты молод, свеж и недурен собой.
Еще подросток ты, но, без сомненья,
Уж женщинам внушаешь вожделенья,
Как взрослый; виден уж в тебе жених
И соблазнитель будущий для них.

Мальчик-возница

Приятно слышать! Продолжай толково,
Найди разгадки радостное слово.

Герольд

Блеск черных глаз и мрак кудрей твоих,
Украшенных повязкой драгоценной,
Так хороши! В одежде несравненной,
С каймой пурпурной, в блестках золотых,

Ты взор пленяешь нам. В таком уборе
На девушек похож ты молодых;
Но девушек, на радость или горе,
Сам увлечешь ты: так красив твой вид.
Пройдешь любви ты с ними алфавит!

Мальчик-возница

А этот, что, сверкая златом,
На колеснице здесь сидит?

Герольд

Он кажется царем и кротким и богатым.
Блажен, кого владыка, наградит
Своею милостью! Он все свои желанья
Уже осуществил; его высокий взгляд
Лишь ищет, на кого б излить благодеянья,
И счастье расточать даянья
Ему милей, чем богатейший клад.

Мальчик-возница

И только? Кратким быть здесь неудобно:
Его ты должен описать подробно.

Герольд

Кто описать его достойно б мог!
Здоровое лицо, румянец щек

Из-под тюрбана смотрят так приветно;
Одежда блещет роскошью несметной;
Прекрасен он от головы до ног,
И все в его осанке благородно;
Всяк подтвердит нам это всенародно.

Мальчик-возница

Знай: Плутус он, богатства славный бог!
С ним видеться давно уже желает
Ваш государь – и он себя являет.

Герольд

Но кто же сам ты? – скажешь или нет?

Мальчик-возница

Я – расточительность, поэзия, поэт,
Который совершенство довершает,
Когда свои богатства расточает.
Богат я также: наделен я всем
И не беднее Плутуса ничем.
Ему я пир и танцы оживляю, –
Чем беден Плутус, тем я наделяю.

Герольд

Тебе к лицу, конечно, хвастовство.
Но где ж богатство? Покажи его!

Мальчик-возница

Смотрите: щелкну пальцами – и сразу
Сокровища вокруг предстанут глазу.

(Пощелкивая пальцами.)

Вот ожерелье – жемчуга снурок,
Вот вам застёжки, серьги и венки;
Вот гребешки, вот брошки перед вами
И кольца с драгоценными камнями,
И огоньки бросаю я везде,
Не знаю – загорятся ли и где.

Герольд

Как всполошилась вокруг толпа густая,
Теснясь, толкаясь и дары хватая!

Сокровища он сыплет как сквозь сон –
И нет их: все расхвачано. Но он,
Как вижу, новый нам обман готовит.
Тот, кто дары его прилежно ловит,
В награду не имеет ничего;
Дар улетает быстро от него,

Лишь по-пустому он хлопочет!
Жемчужной нитки вдруг порвалась связь, –
Глядишь, в руках лишь горсть жуков щекочет;
Обманутый глупец их бросить хочет, –
Они ж жужжат, вокруг головы кружась.
Другие ждут богатств несметных,
А ловят резвых мотыльков.
Вот плут! Он всем наобещал даров,
А надавал лишь блессток златоцветных!

Мальчик-возница

Ты возвещать умеешь масок ряд,
Однако суть вещей постичь умело,
Конечно, не герольда дело:
Тут более глубокий нужен взгляд.
Но распрей я и споров не любитель,
К тебе я прямо обращусь, властитель!

(Обращаясь к Плутусу.)

Не ты ли сам бразды доверил мне,
Чтоб мог я мчать на этой четверне
Тебя, как ветер? Я ль не правлю ими
Всегда согласно с мыслями твоими?
Не я ли часто взмахом смелых крыл
Тебя победы пальмою дарил?
И, за тебя вступая в бой суровый,
Не побеждал ли я наверняка?
Тебе сплели венок лавровый
Не мой ли ум и не моя ль рука?

Плутус

Что ж, если ты желаешь подтверждения,
Чтоб убедить свидетельством людей,
Я рад сказать: ты дух души моей!
В твоих делах – мои все помышленья,
И ты меня богаче без сравненья.

Зеленый лавр, доставленный тобой,
Дороже мне короны золотой.
Я всем скажу с душою откровенной,
Что ты мой милый сын благословенный.

Мальчик-возница

(к толпе)

Смотрите ж: я рассеял вкруг
Мой лучший дар из щедрых рук.
То здесь, то там над головой
Сверкнет огонь, что брошен мной:
От одного к другому – прыг,
То медлит, то умчится вмиг,
И только изредка столбом
Взойдет над чьим-нибудь челом, –
У большинства ж, едва зажжен,
Сейчас же грустно гаснет он.

Женский говор

Не верьте: это все обман!
Возница этот – шарлатан.
А сзади что за шут присел?
Тош, точно отроду не ел!
А ущипнуть решишь его,
Так нехватишь ничего.

Тощий

Прочь, бабье племя, от меня!
Вы гадки мне! В те времена,
Когда хранила дом жена,
Разумной Скупостью был я,
Дом был богат, мощна – полна:
Все в дом, из дома ж – ни зерна,
Считайте это за порок:
Сундук набит был, все шло впрок!
Теперь пошла иная речь:
Отвыкли женщины беречь,
Ни в чем у них расчета нет, –
Желаний больше, чем монет!
Куда ни глянь – долги везде;
Мужья страдают в злой нужде:

Удастся ль что жене напрясть, –

Все для себя спешит украсть
Да для любовников своих;
Получше ест, получше пьет
И все, что может, отдает
Толпе любимцев: все для них!
Тем больше к злату страсть моя:
Я скрягой стал; мужчина я!

Предводительница женщин

Сиди с драконами своими,
Скупись! Вот вздумал сочинять!
Мужчин он хочет взбунтовать,
Когда и так не сладишь с ними!

Женщины

(толпой)

Бездельник! Бей его дружей!
Что нам костлявого бояться!
Всё это маски: так смелей!
Драконов нечего стесняться:
Они из папки. Бей их, бей!

Герольд

Клянусь жезлом моим! Смиритесь,
И пусть настанет тишина!
Моим веленьям покоритесь!
Но уж угроза не нужна:
Две пары крыльев раскрывая,
Привстали чудища – и вот,
Дорогу спешно им давая,
Отхлынул в ужасе народ.
Драконы пышут, полны гнева,
Огнем чешуйчатого зева, –
Толпа бежит, свободен ход.

Плутус сходит с колесницы.

Герольд

Вот он сошел, – как царственно! Десницы
Движением драконам он своим

Дал знак. Они снимают с колесницы
Сундук с казной и скрягу вместе с ним
И Плутусу к ногам несут. Свершилось!
Не дивно ли, как это все случилось!

Плутус

(вознице)

Иди! Теперь свободен ты во всем!
Покинь свой труд, тяжелый свыше меры,
Спеши к себе, в возвышенные сферы,
А здесь тебе не место: здесь кругом
Безумных масок бешеный содом!

Там, где ты светлый взор в даль светлую вперяешь,

Себе принадлежишь, себе себя вверяешь,
Лишь там, среди добра и вечной красоты,
В уединении свой мир воздвигнешь ты.

Мальчик-возница

Послом твоим готов себя считать я,
Ты мил мне, дорог, мы с тобой – собратья.
Где ты – там изобилье; там, где я, –
Все чувствуют дар высший бытия;
Тот иль другой колеблется, конечно,
Идти ль за мной, тебе ль служить беспечно;
Те, кто с тобой, – пусть в праздности живут;
Кто спутник мне – тому всегда есть труд.
Свой подвиг я творю несокровенно:
Едвадохну – и узнан я мгновенно.
Прощай же! Волю мне на этот раз
Ты дал: шепни – и я вернусь сейчас.

(Уезжает так же, как он появился.)

Плутус

Теперь пора открыть богатства наши.
Жезлом герольда я коснусь замков.
Открылись! В бездне бронзовых котлов
Кипят короны, кольца, цепи, чаши, Вкруг плещет крови золотой
разлив
И все грозит расплавить, поглотив.

Крики толпы

Смотрите: сколько там даров!
Сундук наполнен до краев!
Златые кубки тают там!
Монет столбы сверкают там!
Червонцев вечный там чекан!
О, как я страстью обуян!
Там все, о чем я лишь мечтал!
Вот на пол падает металл!
Дается сам нам в руки клад;
Нагнись – и сразу ты богат!
Нет: мы, как гром, нагрянем вдруг,
И нам достанется сундук!

Герольд

Глупцы! Чего они хотят!
Ведь это шутка, маскарад!
Чего ж сегодня больше ждать?
Ужели золота вам дать?
Здесь все игра, забава: тут
Вам и жетонов не дадут.
Хотите ль, чтоб обман златой
Стал правдой грубой и простой?
Что в правде вам? Всяк бреду рад,
Мечту все ловят нарасхват.
Замаскированный герой,
О Плутус, – прогони ж их рой.

Плутус

Твой жезл пригоден для того,
Ты дай на время мне его:
Его я в пламя погружу.
Ну, бойтесь, маски, я грожу!
Трещит мой жезл, сверкает он
И мечет искры, раскален.
Кто слишком близко подойдет –
Того безжалостно сожжет.
Вокруг водить я буду им.

Крики и давка толпы

Беда! Спасайтесь! Мы горим!
Беги, кто может убежать!

Вы, сзади там, скорее вспять!
Лицо мне искра обожгла!
Я тяжесть чувствую жезла!
Погибли мы: нас сжечь хотят!
Назад же, маски! Все назад!
Скорей! Сгорите вы в огне!
О, если б крылья дали мне!

Плутус

Теперь наш круг освобожден, –
Никто, надеюсь, не сожжен.
Толпа дрожит
И прочь бежит.
Чтоб отвратить вперед беду,
Я круг незримый проведу.

Герольд

Успех велик! Благодарю
За мощь разумную твою.

Плутус

Терпенье нужно, друг, для нас:
Грозит нам бунт еще не раз.

Скряга

Теперь удобно, если есть желанье,
Круг обозреть подробно, по частям.
Ведь женщины всегда на первом плане,
Где есть приманка вкусу иль глазам.
Ведь не увял еще я безвозвратно;
В красивой бабе, как-никак, есть прок;
И так как здесь дается все бесплатно,
То я еще поволочиться б мог.
Но в давке там и тесноте немалой
Не разберут всех слов моих, пожалуй;
Я ухитриться должен, чтобы им
Все выразить посредством пантомим.
Рука, нога, ужимки – здесь бессильны,
Так я придумал новый фарс умильный:
Мну золото, как глину; из него
Захочешь, так наделаешь всего.

Герольд

Сухой глупец, что он творит?
Так тош, чуть жив, а все острит!
Как тесто, золота куски
В его руках размякли вдруг,
И что ж? Выходят все из рук
Лишь безобразные комки.
Их кажет женщинам нахал.
Они кричат, бегут... Скандал!
Что за ужимки, – стыд и срам!
Нет, этот шут опасен нам:
Чтоб посмеяться, поиграть,
Он рад и нравственность поправить.
Но я того не допущу.
Дай жезл – прогнать его хочу.

Плутус

Оставь его – не ведает глупец,
Какой напор грозит нам неминуемый
Извне! Тогда всем глупостям – конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.